

ЧИНГИСХАН

Мишель
Хоанг

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Грубый варвар, восточный деспот, снедаемый непомерным честолюбием и одержимый губительным политическим проектом? Искушённый государственный деятель, у которого цель оправдывает средства? Мудрый завоеватель, твёрдо решивший обеспечить монгольским народам место под солнцем? Портрет человека, основавшего самую большую в истории человечества империю, может обретать самые разнообразные черты, но никогда не получит окончательного завершения. На основе древних рукописей, в том числе принадлежащих перу современников великого хана, автор подробно и беспристрастно рассказывает о жизненном пути создателя Монгольской империи.

[Адаптировано для AlReader]

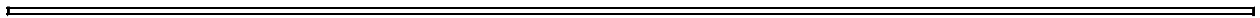
-
- [Мишель Хоанг](#)
 -
 - [ИЗ ЖИЗНИ МИРОЗАВОЕВАТЕЛЯ](#)
 - [ВВЕДЕНИЕ](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)

- [Глава XII](#)
- [Глава XIII](#)
- [Глава XIV](#)
- [Глава XV](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

- [INFO](#)
- [СЕРИЯ](#)
- [НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ](#)
- [СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1792

(1592)

Мишель Хоанг

ЧИНГИСХАН

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

*Перевод с французского, вступительная статья,
примечания В. Н. ЗАЙЦЕВА*

*Перевод осуществлён по изданию:
Michel Hoang. Gengis-khan. Fayard, 1988.*

© Fayard, 1988

© Зайцев В. Н., перевод,
вступительная статья, примечания, 2016

© Издательство А© «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2016

ИЗ ЖИЗНИ МИРОЗАВОЕВАТЕЛЯ

*У человечества всего —
То колики, то рези,
И вся история его —
История болезни...*

Владимир Высоцкий. История болезни

*Пылился в развалинах череп царя,
Разглядывал ворон его, говоря:
«Пылали победы твои, как заря,
И слава твоя грохотала... Всё — зря.»*

Омар Хайям Нишанури

Испокон веков главными персонажами истории народов были и поныне остаются властители, а среди них — в особенности те, кто свою власть не унаследовал от предков, а добыл самостоятельно и утвердил на обширном пространстве. Такой отбор героев закономерен, поскольку власть есть прежде всего насилие, а оно не только сопровождает всю историю человечества, но и служит, согласно широко распространённому убеждению, и внутри сообществ, и между ними основным генератором её движения. Поскольку среди всех видов насилия самым радикальным, болезненным и «эффективным» всегда была война, в первые ряды главных действующих лиц попадают полководцы-завоеватели, наиболее полно и выразительно олицетворяющие само понятие власти. Самые же удачливые из них становятся предметом массового поклонения, почти обожествления.

Так, культ Александра Македонского сложился ещё в античную эпоху и дожил до наших дней. Два тысячелетия спустя, уже в совершенно иных условиях, появился схожий с ним культ Наполеона Бонапарта, которому в национальной исторической мифологии современных французов, как и в картине мира немалого числа приверженцев западной цивилизации в других странах, отведена роль главного героя Нового времени. Недаром гробница Наполеона в парижском соборе Дома инвалидов почитается во

Франции как национальная святыня. Под тот и другой культ давно подведены массивные квазинаучные фундаменты. Тому и другому полководцу, в придачу к их незаурядным военным дарованиям, приписывают самые разнообразные таланты, как действительные, так и мнимые. Они оказываются и мудрыми законодателями, искушёнными дипломатами, пытливыми и щедрыми покровителями наук и искусств, не говоря уже об их, по-видимому, не подлежащей сомнению отчаянной храбрости.

Согласно известному афоризму, приписываемому обычно Артуру Дрекслеру, «историю пишут победители». Александр Македонский и Наполеон Бонапарт в европейской шкале исторических величин парадоксальным образом признаны воплощением самой идеи военной победы, хотя первому из них не суждено было ни самому воспользоваться плодами своих завоеваний, ни передать их по наследству, а второй и вовсе был в итоге разбит на поле боя и окончил свои дни изгнанником. Последнее обстоятельство, впрочем, обеспечило ему особые симпатии множества почитателей по всей Европе, включая Россию, и стало сюжетом изрядного числа произведений поэтов-романтиков. Как бы то ни было, хотя история Европы знала многих великих полководцев от Юлия Цезаря до Георгия Жукова, статус сверхзвёзд достался двум вышеназванным.

Подобное положение среди героев истории ряда стран и народов Азии занимают Чингисхан и Тимур, он же Тамерлан (Тимур Хромой по-персидски); Запад также признаёт их в этом качестве, но с оговорками, особенно серьёзными в отношении Чингисхана. Для многих он пусть даже личность из ряда вон выходящая, но благоговейного почитания не заслуживающая. Он представляется в основном как ненасытный властолюбец, жестокий деспот, предводитель диких варварских орд, разоривших множество городов и селений в странах высокой культуры и погубивших сонмы ни в чём не повинных людей. В лучшем случае его называют орудием Провидения, Бичом Божьим. В обыденном сознании европейцев его имя стало нарицательным как синоним восточного деспота.

Больше того, оно нередко используется для характеристики того или иного государственного деятеля, по каким-либо причинам пользующегося на Западе дурной славой. Его, например, любят поминать, когда речь идёт о некоторых важнейших персонажах российской истории от Ивана Калиты до Иосифа Сталина, — преимущественно тех, с чьей деятельностью связаны рост и укрепление Российского государства. Уподобление их Чингисхану — один из самых востребованных стилистических приёмов у авторов, подверженных стойкой русофобии. Он у них в ходу уже не одно

столетие. Так, Карл Маркс в своём неоконченном эссе «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» (1856–1857) утверждал, в частности, что «Пётр Великий сочетал политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить свой план завоевания мира». Тезис об угрозе Европе, исходящей от варварской, «рабской» России, этот мыслитель в дальнейшем не раз повторял в своих трудах и речах.

Впрочем, такое мнение разделяло немалое число авторов и в самой России. Достаточно вспомнить знаменитые «Философические письма» П. Чаадаева или работы историка-марксиста М. Покровского, который считал Московию если не прямым продолжением, то, по меньшей мере, наследницей Золотой Орды. Подобные взгляды свойственны и некоторым идеологам так называемого «евразийства». В наши дни тезис о наследовании Россией и её народами государственных традиций Золотой Орды, восходящих к Чингисхану, стал одним из краеугольных камней теоретического фундамента западной русофобии. Что касается других государственных деятелей неевропейского мира, не угодивших западным идеологам, то чаще всего с Чингисханом сравнивают основателя КНР Мао Цзэдуна, а правителей вроде Пол Пота, Саддама Хусейна, Муамара Каддафи, Роберта Мугабе и им подобных относят к категории «маленьких чингисханов».

В этом можно увидеть одно из характерных проявлений европоцентризма и впечатляющий пример пресловутых «двойных стандартов», применяемых не только в информационных войнах, но и в оценке исторических явлений. Обличая непомерное честолюбие, жестокость и подозрительность Чингисхана, к тем же самым качествам у Александра Македонского относятся довольно снисходительно, как бы подразумевая, что это простительные слабости великого человека, малозначащие в сравнении с его беспримерными подвигами. Такого же рода противоположные презумпции идут в дело и при оценке мотивов, побудивших отправиться одного из этих двух завоевателей в поход на Восток, а другого — против соседних стран. Принято считать, что Чингисхан повёл свою конницу и примкнувшие к нему отряды других кочевников в земли, где было чем поживиться, главным образом ради захвата богатой добычи. С этим трудно поспорить, если исходить из объективной оценки самого хода событий. В сущности, почти все набеги и многие нашествия кочевников в Средние века затевались если не для захвата земель, годных для выпаса скота, то ради грабежа, который при известных обстоятельствах оставался единственным средством обеспечить

выживание племени или рода — почти таким же, как охота львов на копытных — для существования прайда. Но эти побуждения нередко понимают просто как варварскую жажду разбойного хищнического обогащения и садистского глумления над жертвами. Например, польский автор Витольд Родзиньский в своей «Истории Китая» приписывает Чингисхану такие слова, якобы сказанные им ближайшим соратникам: «Счастье — это победить своих врагов, гнать их перед собой, отобрать их имущество, наслаждаться их отчаянием, насиловать их жён и дочерей»^[1]. Как же не признать извергом рода человеческого того, кто способен на подобные откровения!

Совсем по-другому трактуют на Западе побуждения, увлёкшие Александра Македонского с его воинством в поход на Восток. Обычно в этом случае ссылаются на несколько разных причин, по большей части самого благородного свойства: от заявленного самим будущим завоевателем намерения завершить начатое его покойным отцом Филиппом дело — отомстить персам за разрушенные ими почти за полтора столетия до того городские укрепления Афин и освободить томящихся под персидским гнѐтом малоазийских греков до стремления изучить неведомые страны и народы, а заодно отвратить их от варварских нравов и обычаев и по возможности приобщить к передовой эллинской цивилизации. Самые начитанные и осведомлённые почитатели Александра небезосновательно ссылаются на проблемы во взаимоотношениях между разными греческими государствами и их коалициями с Македонией, молодой и крайне честолюбивый царь которой с помощью побед за пределами греческого мира собирался упрочить свою гегемонию внутри него. Но гораздо реже и как бы мимоходом и скороговоркой упоминают о едва ли не самом мощном из всех импульсов, спровоцировавших у Александра и его сподвижников острую «охоту к перемене мест», — о пылком стремлении вволю пограбить богатейшие города громадной империи Ахеменидов, несметные сокровища которой дразнили их воображение. Большинство участников многолетнего изнурительного и опасного похода эту свою заветную мечту худо-бедно исполнили. А их ослабевший от бесконечных военных тягот, от забот, страхов и подозрений, равно как и от беспутств и бесчинств, но всё ещё неугомонный вождь испустил дух в Вавилоне, откуда собирался было продлить свои завоевания уже в западном направлении, и всё его достояние разорвали на части передравшиеся между собой его преемники (диадочи).

Вопрос об устремлениях, подпитывавших отвагу величайших из полководцев и их воинов, побуждает вспомнить и воззвание молодого генерала Наполеона Бонапарта к солдатам накануне его первой

итальянской кампании в 1796 году. Текст этого обращения часто цитируется с некоторыми лексическими разночтениями, поскольку, вероятно, в начале своей головокружительной карьеры у Наполеона ещё не было обыкновения заранее готовить свои «исторические» фразы (вроде «Солдаты, с высоты этих пирамид на вас смотрят сорок веков» — во время похода в Египет) и письменно их фиксировать для потомства, а сама эта речь пересказывалась разными свидетелями. Что касается содержания обращения, то оно до сих пор принималось большинством исследователей за подлинное. Суть его заключена в следующих словах: «Солдаты, вы голодны и полураздеты... Я поведу вас в самые плодородные земли, какие только есть под солнцем. Богатые провинции, полные роскоши города — всё это будет в вашем распоряжении. Солдаты, перед лицом таких возможностей разве изменят вам отвага и честь!» Стоит ли говорить, что его солдаты не преминули такие возможности использовать, как они это делали потом в течение почти двух десятилетий во многих странах, и особенно ретиво — там, где встретились с непонятным для них сопротивлением местных жителей, — в Испании и России. Что же касается дележа добычи, то и сам их предводитель, как и Александр Македонский, и — в чём убедится читатель этой книги — Чингисхан, ни о себе, ни о ближайших сподвижниках не забывал.

Таким образом, в оценке психологических мотиваций дорогих им героев-воителей, с одной стороны, и Чингисхана — с другой, европейцы склонны следовать древнему принципу *Quod licet Jovi, non licet bovi* («Что позволено Юпитеру, то не позволено быку»). В российском обиходе, преимущественно бюрократическом, в минувшем столетии получил хождение более лаконичный, но почти также загадочно звучащий аналог этого правила: «Надо различать!»

Столь же строги европейцы и в суждениях о полководческом даре Чингисхана. Принято считать, что большинство его военных успехов было следствием либо необыкновенно удачного для него стечения обстоятельств, либо неподготовленности противников, разрозненности их сил, несогласованности действий, либо привычки монголов воевать «не по правилам», которая давала им заведомое преимущество перед воевавшими «правильно». Все эти соображения вполне обоснованны, но не надо забывать, что речь всё же идёт о военачальнике, под знамёнами которого были покорены страны от Японского моря до Каспия. Ни одному завоевателю в истории ни до, ни после него не удавалось подчинить силе своего оружия такие громадные территории с населением, в десятки раз превышавшим число всех жителей его собственной страны вместе с

примкнувшими к нему племенами и народностями. Автор одного из самых известных средневековых сочинений о монгольских нашествиях иранский государственный деятель и историк Алаоддин Джувейни (1226–1293) назвал свой труд «Историей Мирозавоевателя» («Тарих-е Джахангошай»). Вероятно, в подражание этому звучному прозвищу, которое автор нашёл для Чингисхана, позднее появилась пара похожих на него по составу и имеющих то же значение персидских мужских имён: Джахангир и Аламгир. Первым из этих имён был наречён правивший в первой четверти XVII века в Индии шах династии Великих Моголов, внук её основателя Захероддина Бабура (мать которого была из рода Чингизидов). Второе имя носили внук Джахангира, более известный как Аурангзеб, и правнук последнего Аламгир II. Из этих трёх государей один Аурангзеб добился заметных военных успехов, но они в гораздо меньшей степени соответствуют его имени, нежели победы Чингисхана — его прозвищу, придуманному Джувейни. Впрочем, из всех великих полководцев Востока сравнение с Чингисханом выдерживает только Тамерлан, тоже монгол по рождению, но выходец из Средней Азии.

Этих двух деятелей роднят не только монгольское происхождение и громкие военные победы, но многое в их судьбах, начиная с имён, данных им при рождении. В обоих именах — Тэмучжин и Тимур — присутствует корень, означающий по-монгольски «железо», что, по всеобщему мнению, как нельзя более соответствует коренным свойствам их натур. Оба дожили примерно до семидесяти лет. Оба с юности упорно добивались власти в своих родных местах и, обретя её, перешли к внешней экспансии. У того и другого был свой *alter ego*, соратник и одновременно соперник (у Тэмучжина — его побратим Джамуха, у Тимура — эмир Хусейн), от которого оба они в своё время избавились. Оба после смерти были удостоены торжественных похорон. Правда, место последнего упокоения Чингисхана, в отличие от гробницы Тамерлана в Самарканде, до сих пор остаётся неизвестным. Но это как будто бы существенное различие никак не меняет общего для них, как и для всех других воителей и властителей, итога их тернистого земного пути, который можно обозначить известным латинским выражением *Sic transit gloria mundi* («Так проходит слава мирская»).

Упомянутые выше и некоторые другие устойчивые особенности восприятия личности Чингисхана массовым сознанием, которые в наши дни относят к категории стереотипов мышления, сложились в странах Европы, а также в Китае, Иране, Средней Азии и на Кавказе, по-видимому, главным образом под воздействием наследственной памяти о бедствиях

эпохи монгольского нашествия и владычества, подготовленных и начатых этим деятелем и продолженных его потомками. В течение многих поколений эти представления подкреплялись мотивами большого числа преданий, произведений фольклора, литературы, искусства, записок купцов, миссионеров, путешественников, дипломатов и т. п.

Наряду с этим во многих странах эпоха Чингисхана и сам этот исторический персонаж изучались компетентными историками, этнологами, археологами, географами, культурологами, и знания о предмете хотя и медленно, но неуклонно расширялись. В востоковедении сложилась отдельная дисциплина — монголоведение. Всё это стимулировало общественный интерес к явлению, в той или иной мере оказавшему воздействие на ход истории едва ли не большинства народов Евразии. За два последних столетия заметно росло число разного рода сочинений о Чингисхане и его биографий, а вместе с ними множилось разнообразие представлений и мнений о нём.

Предлагаемую читателю книгу французского журналиста и востоковеда Мишеля Хоанга можно считать удачным опытом исторической реконструкции образа этого персонажа на основе доступных в наши дни первоисточников и данных современного монголоведения. Труд этот, бесспорно, относится к жанру исторических сочинений, но его концепция и стиль, сочетающий в себе простоту и ясность слога с выразительностью и драматизмом описаний, наверняка привлекут широкий круг читателей. М. Хоанг игнорирует якобы «художественные» приёмы, к которым нередко прибегают авторы научно-популярных сочинений и исторических романов, чтобы «оживить» сюжет: например, вымышленные занимательные эпизоды, придуманные диалоги действующих лиц и т. п. Всякий раз, когда автор говорит о каком-либо конкретном факте или событии, он или прямо ссылается на соответствующий источник, или опирается на сведения, содержащиеся в нескольких источниках. Он часто цитирует разнообразные тексты, благодаря чему описания событий выигрывают в достоверности, а суждения автора звучат более убедительно. При этом текст книги не выглядит перегруженным справочным материалом, поскольку автор умело вплетает его в ткань повествования.

Особо следует отметить строгую беспристрастность автора в характеристике явлений и персонажей. Он лишь показывает основные их черты, оставляя за читателем право судить о них самостоятельно и делать собственные заключения. Когда тот или иной затронутый в книге вопрос допускает различные толкования, автор излагает наиболее известные гипотезы.

Владислав Зайцев

ВВЕДЕНИЕ

История Чингисхана не может быть написана так, как история его современника короля Филиппа Августа. В середине XII века, когда родился будущий покоритель Азии, монголы не составляли ни настоящую нацию, ни государство в европейском значении этого слова. Это были подчинявшиеся своим ханам кочевые племена, которые то объединялись, то распадалась. Обитали они на пространстве без определённых исторических или географических границ и постоянного центра. Только в 1220 году, за несколько лет до своей смерти, Чингисхан обосновался в военном лагере Каракорум. Его преемник Угэдэй в 1235 году превратил это место, похожее на караван-сарай, в подобие города. И лишь в 1264 году внук завоевателя Хубилай-хан занял трон в Пекине, переименованном в Ханбалык (то есть «город хана») и ставшем административной столицей государства.

Вплоть до середины XIII века монголы не знали письменности, и это затрудняет изучение их истории. О первых тридцати годах жизни великого хана, то есть примерно половине его жизни, сведений недостаточно, и они малодостоверны. Поэтому историк вынужден обращаться к иноземным источникам, а также к монгольским летописям, составленным после смерти завоевателя.

Жизнь Чингисхана описывается в монгольских хрониках, две версии одной из которых, вероятно, появились вскоре после его смерти. В первой из них под названием «Алтай Дептер» («Книга Золотой династии») прослежена история рода Чингисхана. Оригинал этой хроники утрачен, но существует китайский перевод 1263 года под названием «Отчёт о двух походах Великого императора-воина». Другой текст, персидский 1303 года «Джами ат-таварих» («Собрание летописей»), был написан Рашид ад-Дином на основе монгольского оригинала, состоявшего из отдельных фрагментов.

Вторая хроника, «Сокровенное сказание монголов», содержит мифологическую родословную Чингисхана, рассказ о его правлении и части правления его сына и наследника Угэдэя. Оригинал также был утрачен, и неизвестно, на каком языке он был написан (уйгуро-монгольском с вертикальной графикой, сино-монгольском или же каком-либо другом). Неизвестно и время его написания. Рене Груссе датирует его 1252 годом, Сэйдзи Уэмура — 1228-м, но один из разделов хроники даёт

основание считать, что она была окончена в июле года Крысы, который соответствует 1240 году. Как и «Золотая книга», текст «Сокровенного сказания монголов» предназначался исключительно для членов рода Чингизидов, что и объясняет её название.

Эта хроника многократно переписывалась китайскими писцами, причём не всегда полностью, и потому до нас дошло только основное её содержание под названием «Сокровенное сказание династии Юань» — по династическому имени, которое приняли потомки Чингисхана, взойдя на трон в Пекине после завоевания Китая в 1279 году. Используя, по-видимому, разные версии рукописи, писцы переписали её подстрочным иероглифическим письмом, а позднее перевели на разговорный язык. И только в XIX веке русский синолог Пётр Иванович Кафаров (архимандрит Палладий, 1817–1878) перевёл этот текст на русский язык. Его учёный труд открыл дорогу новым переводам на западные языки, в частности французскому переводу Поля Пеллио, начатому в 1920 году и оставшемуся не законченным из-за смерти переводчика, немецкому переводу Хениша, русскому — Козина^[2] и недавнему английскому переводу Кливза. В это же время многие китайские и японские монголоеды (Ли Вэньян, Чен Юань, Ясудзо Канаи) изучали текст «Сокровенного сказания монголов».

Из-за скудости других источников это сочинение имеет важное значение в монголоведении. Синолог Артур Уэйли определил его жанр как «псевдоисторический роман», показав, что трудно подтвердить или опровергнуть содержащиеся в нём сведения. Тем не менее в переводах «Золотой книги» и «Сокровенного сказания монголов», притом что они выполнены независимо один от другого, изложение событий примерно одинаково. В этих текстах надо отделять собственно историческую канву от эпизодов легендарного характера. Но их соотношение иногда нелегко определить. В этих хрониках, особенно в «Сокровенном сказании монголов», есть немало частей эпического размаха: сказители наполнили их тем ораторским пылом, что сохранялся в Монголии в продолжение столетий и дожил до наших дней, о чём свидетельствуют исполняемые бардами эпopeи, записанные филологами и музыковедами.

О самом Чингисхане повествуют другие монгольские, китайские и персидские тексты, написанные много позднее излагаемых событий и чаще всего основанные на более ранних источниках. Это история», или «Хроника» Санан Сэцэна. Китайские тексты, как правило, соответствуют официальной историографии императорского двора. Отсюда то большое внимание, которое они уделяют собственно китайским делам, и тот незначительный интерес, который проявляют к внешнему, «варварскому»

миру.

Мы располагаем также сообщениями нескольких средневековых путешественников — Гийома де Рубрука, Плано Карпини, Одорико де Порденоне, Марко Поло, — которые содержат интереснейшую информацию о повседневной жизни монголов, и свидетельствами даоского монаха Шань Шуна и нескольких китайских посланников, которые нередко субъективны. Сообщения средневосточных источников также не отличаются полнотой и объективностью, поскольку их авторы Рашид ад-Дин, Ибн аль-Асир, Джувейни, Несави испытали на себе нашествия кочевников, но из них можно извлечь ценные исторические и этнографические сведения.

Добавим, что история монголов XIII века излагается почти исключительно иноземными авторами: китайскими, персидскими, арабскими, а также армянскими, грузинскими, русскими и западноевропейскими. Поэтому она тенденциозна, порой малодостоверна и нередко противоречива. Пока не открыты какие-либо новые материалы, «Сокровенное сказание монголов» сохраняет особую ценность, поскольку это практически единственный источник, восходящий к интересующему нас периоду.

При разрушении буддийских и ламаистских храмов, в которых, возможно, хранились документы, содержавшие сведения о Монголии XII столетия, они были безвозвратно утрачены. Поэтому в изучении личности Чингисхана решающее значение приобретает археология. В течение многих десятилетий исследованием степных цивилизаций занимались советские учёные (стоянки в Андрееве, Минусинске). Но особое внимание привлекают раскопки, проводимые в самой Монголии. В начале XX века русский археолог П. К. Козлов^[3] открыл место бывшего поселения народа тангутов — Хара-Хото («чёрный город»), разрушенного монголами в эпоху Чингисхана. С тех пор там производились раскопки, и можно предположить, что тексты на языке сися, чья письменность до сих пор дешифрована не полностью, содержат информацию как о самом государстве Си Ся, так и о монголах Чингизидах. В результате раскопок в Северной Монголии на границе с Сибирью (могильник Нойн-Ула) археологи открыли захоронения вождей хунну (I тысячелетие до н. э.), содержавшие предметы, которые наверняка были знакомы монголам XIII века: полотнища ткани, панно с зоо-и антропоморфными изображениями, аппликации из войлока на полотне и т. п. Изучением этой эпохи занимались советские (С. В. Киселёв^[4]), монгольские (Пэрлээ) и японские (Масао

Мори) исследователи. Китайские археологи производили раскопки древних стоянок в восточной части Внутренней Монголии (Цаган Субурна, Борокото), резиденции правителей династии киданей Ляо (XI и XII века). Помимо того учёные-монголоведы насчитали около двадцати важных археологических объектов, включающих остатки городов и укреплений, которые связывают с эпохой Чингисхана. Наконец, в Каракоруме, ставшем столицей монголов после смерти великого хана, были найдены предметы, оружие и китайская керамика, датируемые XIII столетием, но письменных свидетельств пока не обнаружено. Монголия во многих отношениях продолжает оставаться неизведанной землёй.

Открытие в 1974 году огромной терракотовой армии в захоронении (до сих пор не полностью раскопанном) китайского императора Цин Ши Хуанди (221–205 годы до н. э.), за которым в 1987 году последовало извлечение из земли в провинции Сычуань ещё одной армии солдат, на этот раз бронзовых (около 1000 года до н. э.), — даёт основание надеяться, что дальневосточной археологии предстоит сделать важные открытия в исследовании исчезнувших цивилизаций. Возможно, будет наконец найдена и гробница Чингисхана. Здесь надежды монголоведов также связаны в основном с археологией. Ведь монгольская пословица, пришедшая из глубины веков, гласит: «Чтобы строить высоко, надо глубоко копать».

Глава I

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПРОЦЕССИЯ

И я расскажу вам про большое чудо: когда они несут тело, чтобы похоронить его, всех, кто встречается им по пути, убивают сопровождающие умершего, и они им говорят: «Послужите вашему господину на том свете.» Ибо они в это верят. И таким же образом поступают с лошадьми, и когда их господин умирает, они убивают лучших лошадей, чтобы, по их вере, они были у него на том свете.

Марко Поло

В конце августа 1227 года, когда угас тот, кого считали единовластным господином самой обширной в мире империи, одно слово, единственное слово значило больше, чем что бы то ни было на свете. И слово это: тайна.

Авторы хроник сообщали, что великий хан неудачно упал с лошади, после чего так и не смог оправиться. По словам Плано Карпини, легата папы Иннокентия IV, вернувшегося из Монголии в 1247 году, завоевателя поразила молния. Другие авторы утверждают, что он выпил напиток, отравленный одной из его наложниц. Ни одна из называемых версий его смерти не может считаться бесспорной.

Ослабевший за последние несколько месяцев и чувствовавший приближение к порогу смерти, Чингисхан Тэмучжин призвал к себе двух своих сыновей, которые были поблизости, и самых преданных сподвижников, чтобы продиктовать своё завещание и дать последние указания. Он подолгу общался с ними в течение нескольких дней. Главными его заботами были военные действия и положение в империи. Но прежде всего он старался обеспечить преемственность власти. Всё окружение договорилось о том, что абсолютно необходимо скрывать неминуемую смерть их повелителя. Уже в те времена политические соображения требовали фальсификации фактов.

Перед шатром властителя было воткнуто в землю длинное копьё с повязкой из чёрного сукна — сигнал о том, что государя поразила болезнь.

Вокруг была выставлена стража, и никто под страхом немедленной смерти не мог попасть внутрь без особого разрешения. Великий заговор молчания начался. Продлился он три месяца.

Тэмучжину было тогда около семидесяти лет. Его волосы и борода с годами поседели. Приехав осаждать город Нинься (Чжунсин), укреплённую столицу государства Си Ся, против которого он в течение года вёл войну, хан удалился на другой берег Жёлтой реки и расположился неподалёку от Великой стены на возвышенности близ истока реки Вэй, уже зная, что вскоре ему предстоит уйти в мир своих отважных предков.

У великого хана уже не хватало сил подняться со своего ложа. Одна древняя пословица гласила: «Когда монгол разлучён со своей лошадью, ему остаётся только умереть». И вот теперь, несмотря на все врачевания и камлания шаманов, глаза Тэмучжина начинала заволакивать тьма. Смерть уносила Покорителя мира, которому было присвоено имя Чингисхан, что значит «океанский», «всемирный» хан, поскольку империя его простиралась от одного края света до другого, и как писали авторы хроник, «чтобы пересечь её из конца в конец, требовался целый год».

Впервые с незапамятных времён «все, кто живёт в войлочных шатрах», то есть все монгольские народы, были объединены под одним знаменем. Гигантская территория Центральной Азии от берегов Тихого океана до Каспия, от тёмных чащоб сибирской тайги до гранитных утёсов Гималаев оказалась в подчинении Чингисхана Тэмучжина.

Оружием и дипломатией, устрашением и убеждением он покорил и сделал своими вассалами множество народов. Меркиты, тангуты Си Ся, найманы, киргизы, татары, грузины, китайцы, кидани, уйгуры, болгары, иранцы — все, будь они шаманистами, мусульманами, буддистами или христианами-несторианами, — все трепетали при одном упоминании его имени.

Царства, покорённые великим ханом монголов, ныне не существуют. Названия некоторых из населявших их народов изменились, но на современной географической карте можно примерно обозначить границы этой колоссальной империи. Она включала в себя территории современной Монголии, Маньчжурии, часть ныне российского Дальнего Востока, север Кореи и Китая — Хэбэй, Шаньдун, Шаньси, Шэньси, часть Хэнани, автономный район Нинся и Внутреннюю Монголию, обширные пространства Западного Китая — Синьцзян и большую часть Цинхая, страны Центральной Азии — нынешние Киргизию, Таджикистан, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, весь Северный Иран и три четверти Афганистана, часть Центральной Сибири к востоку от Байкала.

Многочисленные походы монголов опустошили также Ирак, долину Инда на севере современного Пакистана, торговые фактории генуэзцев на Чёрном море и русские княжества между Днестром и Волгой. Эти неизменно победоносные рейды служили разведкой боем для последующих завоеваний.

Тэмучжин приобрёл свои необозримые владения в течение последних двадцати лет жизни, а до того в течение двадцати лет боролся за объединение всех монгольских кочевников. И его империи предстояло не только сохраниться, но и укрепиться и ещё больше расшириться.

В тот момент главным было — чтобы уход великого хана никоим образом не замедлил военных действий. Война против Си Ся уже сильно затянулась. Мощные укрепления защищали город, расположенный неподалёку от Жёлтой реки, от лобового штурма, и надо было полностью окружить его и взять в осаду. Не имея никакой надежды на подмогу, защитники города после переговоров с монголами согласились наконец на сдачу. Это вынужденное решение принял повелитель империи Миньяг Ли Ян. Сдача города была намечена через месяц. Если бы удалось скрыть от монарха тангутов смерть Тэмучжина, он бы капитулировал в оговорённый срок. Но если бы осаждённые узнали о смерти вражеского властелина, они могли бы отложить сдачу города или вовсе отказаться от неё.

Итак, Ли Ян остался в неведении относительно того, что происходит у монголов. Когда он со своим эскортом предстал перед монгольским войском, его, согласно посмертным указаниям Чингисхана, схватили и тут же казнили. После этого монголы вошли в осаждённый Нинся и истребили почти всё его население.

Но скрытность, которую монголы соблюдали в связи со смертью Чингисхана, объяснялась не только военными соображениями. Его уход означал временное безвластие в государстве. Перед смертью Чингисхан разделил свою огромную империю между сыновьями и внуками. Старшему из них, Джучи, достались степи Западной Сибири и Туркестана, а также земли, которые предстояло завоевать на западе. Но в феврале того же 1227 года Джучи умер — всего за несколько месяцев до отца, и его удел был передан его сыновьям, из которых наибольшую известность в Европе получил хан Бату (в русской традиции — Батый). Чагатай получил бывшее царство каракитаев, Восточный и Западный Туркестан. Третий сын Чингисхана, Угэдэй, стал его преемником, великим ханом на огромном пространстве по обе стороны озера Балхаш. Младший же, Тулуй, согласно обычаю получал во владение исконные монгольские земли, колыбель народа, где находились истоки трёх священных рек Монголии — Онона,

Туула и Керулена. Помимо этого ему вручалось командование сотней тысяч монгольских воинов, всё войско которых в то время составляло триста тысяч. С такой великолепно обученной кавалерией Тулуй мог рассчитывать на захват уже намеченной добычи — Южного Китая.

Этот раздел империи на огромные уделы отнюдь не означал её расчленения. Напротив, Тэмучжин ясно изложил планы новых завоеваний. Авторы хроник рассказывают, что уже на смертном одре он передал каждому из своих сыновей и внуков по стреле и попросил сломать их, что они легко сделали. Затем, взяв такое же число стрел и связав их в пучок, он предложил своим потомкам сломать его голыми руками. Никому из них это не удалось, и он изрёк следующий совет: «Всегда будьте вместе, как этот пучок из пяти стрел, чтобы вас не сломали поодиночке». После раздела каждый из получивших свою долю должен был беспрекословно подчиняться Угэдэю, которому было поручено осуществить великие захватнические замыслы Чингисхана на востоке, западе и юге. Ближайшими целями завоеваний были намечены Корейский полуостров, Южный Китай, турецкие и арабо-персидские земли Среднего Востока. История империи продолжалась.

По всем направлениям во весь опор поскакали вестники, чтобы известить ханов и вождей племён о смерти их верховного повелителя и призвать на *курултай*, то есть совет знати всех племён с участием наследников великого хана, где будут утверждены все его назначения и распоряжения, касающиеся передачи власти.

Одни из монгольских экспедиционных корпусов находились в предгорьях Кавказа, другие — на подступах к Кашмиру в Индии, но каждый из командующих получил приказание оставить все текущие дела, поручить гарнизонам контроль над завоёванными городами и явиться в великую орду, кочевую ставку великого хана, которая в то время находилась в районе Каракорума. Несмотря на то что была налажена смена лошадей, некоторым из посланцев потребовалось до трёх месяцев, чтобы достичь Центральной Монголии. Тем временем военный штаб монголов готовился воспрепятствовать возможным попыткам восстаний покорённых племён, которые спешили выйти из повиновения всякий раз, когда возникали политические неурядицы или ослабевала центральная власть.

Гвардия Тэмучжина, предоставив основным военным силам грабить столицу Миньяга и сортировать пленных, занялась последними приготовлениями к тому, чтобы сопровождать своего усопшего предводителя в его родные места. Эта миссия имела политическое значение: задача сохранения внутренней стабильности и соображения

дипломатии диктовали заговор молчания вокруг кончины властелина мира.

В начале августа 1227 года, оставив первым осенним ветрам бесконечную каменную ленту Великой стены, величественный кортеж отправился от излучины Жёлтой реки на север через гигантскую пустыню Гоби. Караван состоял из тысячи воинов железной армии Тэмучжина. То был цвет его воинства, самые отважные и опытные всадники, великолепно владевшие саблём и меткие стрелки из лука. Многие из них были обезображены глубокими шрамами, полученными в сражениях в Мавераннахре и Хорезме. Они с беспредельной верностью, не щадя жизни, служили своему господину. За ними следовала армия, сопровождаемая тяжёлыми повозками с добычей и сотнями животных: боевыми лошадьми, вьючными мулами и верблюдами, быками в упряжках. Повозку, в которой находились бранные останки великого хана, тянули полтора десятка быков, а по обе стороны двигался эскорт из многих лошадей, длинные хвосты которых развевались на ветру. Позади каравана пастухи на лошадях гнали небольшие отары овец.

Длинный караван двигался настолько быстро, насколько позволяла местность. Бесконечные россыпи камней затрудняли ход животных, местами поверхность равнины была покрыта трещинами — следами пролившихся здесь когда-то дождей, иногда её пересекали полосы жёлтой травы или заполненные тёмной грязью впадины. С высоты пологих холмов, окаймлявших впадины, было нелегко различить караван: люди и животные походили на островки в безжизненном море.

Большинство всадников со светлыми повязками или войлочными шапками на головах, в грязных, лоснящихся от жира овчинных кафтанах были вооружены. Некоторые из них дремали в сёдлах под шум стад, окружённые стойкими испарениями овечьей шерсти. День за днём процессия переходила от оазиса к оазису, ориентируясь по приметам, замечать и распознавать которые умели немногие из всадников. По ночам животные и люди теснее прижимались друг к другу, чтобы уберечься от ледяного ветра, дувшего на костры из хвороста и сухой травы. Но днём быстро наступала жара и мириады слепней хищными ненасытными тучами набрасывались на людей и животных. Коротких остановок у тростниковых зарослей едва хватало на то, чтобы напоить скот. Источников воды было мало, и часто приходилось довольствоваться мутными лужицами, которые жадно разыскивали животные. В засушливых районах они кормились только верблюжьей колючкой и чёрным саксаулом, множество их пало от голода.

Недостатком воды и растительности трудности пути не ограничивались. Иногда внезапно налетал сильнейший ветер и закручивал песчаные вихри, которые окутывали всё живое удушающим саваном. Погонщики верблюдов и мулов хриплыми криками принуждали насмерть перепуганных животных лечь. Но вскоре всё заглушал шум песка. Все следы жизни, казалось, растворялись в бушующем смерче. Только ветер, песок и камни царили в этом пространстве, где ни люди, ни животные уже ничего не значили. А потом ураган вдруг стихал так же внезапно, как и начался, небо прояснялось, и очень скоро в этой бескрайней пустоте вновь воцарялось безмолвие.

Караваны были привычны к резким переменам погоды и суровым испытаниям пути. Каждый всадник постоянно держался начеку и был готов собрать все силы, чтобы выдержать немилость природы. Каждый умел управиться с норовистой лошадью, одним точным ударом забить павшее животное или успокоить испуганное. Каждый из тысячи воинов Тэмучжина ни на шаг не отступал от цели — привезти тело предводителя в его родные края к месту вечного пристанища. Годами одевавшиеся только в шкуры, ютившиеся в войлочных юртах, они возвращались из дальних походов с дорогими шелками, яркой расписной посудой и драгоценными камнями. Прежде они были грубыми пастухами, умелыми наездниками, часто голодавшими, но благодаря своему господину великому хану стали непобедимыми воинами, обладателями бескрайних пастбищ, хозяевами всей земли.

Пройдя полупустынные районы Гоби, караван дошёл до монгольских степей. По пути он всюду сеял смерть. Стоило на горизонте появиться небольшому табуну диких лошадей или группе испуганных горных козлов, как тут же от каравана отделялся отряд всадников со сворой собак и начинал смертельную погоню. Догнав животных, они убивали их ударами копья или выстрелами из лука. Как того требовали обряды предков, убитых на охоте животных использовали в качестве погребальной жертвы. Дикie гуси, пролетавшие над караваном, тушканчики, торопливо прятавшиеся в свои норы, и многие другие животные подвергались безжалостному истреблению. Если кому-то из них и удавалось уцелеть, то лишь потому, что стрела, пущенная из лука, не догоняла летящую птицу или железный наконечник копья не пробивал камень, за который спрятался зверёк.

В этом диком избиении не было никакого озлобления. Всё делалось согласно полученным указаниям: до нового приказа никто не должен был узнать или догадаться о смерти хана. Любого встреченного по пути охотника *или* пастуха, любое стойбище, из которого можно было заметить и

понять траурные знаки на погребальной повозке, надо было во что бы то ни стало немедленно уничтожить. Только истребление свидетелей гарантировало сохранение главной государственной тайны. И потому всякий — будь то мужчина, женщина или ребёнок, — кто имел несчастье оказаться на пути каравана тысячи всадников умершего Тэмучжина, был убит.

После прохода этой погребальной процессии на пространстве от Великой стены до Центральной Монголии ещё долго попадались застывшие трупы безымянных жертв, пока их не обглодали дикие звери. Эти разбросанные там и сям трупы — не более чем шлак истории монгольского владычества над миром.

Этот жуткий эпизод, относящийся к истории погребения Тэмучжина, рассказан в персидских хрониках и в книге Марко Поло. Китайские летописи ничего об этом не говорят. Тем не менее большинство историков признают рассказ персидских авторов достаточно достоверным, поскольку всё это вполне соответствует характеру власти Чингисхана.

Караван остановился, когда дозорные сообщили, что ханская ставка находится всего в двух днях конного пути. Они уже встретились с людьми из передовых дозоров, которые следили за окрестностями орды в Каракоруме. Вскоре со всех сторон появились отряды всадников, чтобы сопровождать своего мёртвого предводителя в его походную столицу.

Ещё до того как глашатаи с траурными знамёнами объявили о смерти великого хана, новость эта с необыкновенной быстротой распространилась по всему улусу — стране монголов. Когда траурный кортеж наконец миновал первое кольцо повозок, с которого начиналась территория Каракорума, там уже собралась молчаливая толпа. Люди вышли из бесчисленных войлочных юрт. Все воины, конюхи, вольноотпущенники и рабы, подталкиваемые любопытством, стремились своими глазами увидеть погребальное шествие, и лица многих выражали неподдельное волнение. Даже у пленных, обращённых в рабство и согнанных сюда силой, глаза были полны ужаса, а многие свирепые воины орды казались окаменевшими от потрясения. Ибо когда умирает божество, привычное течение жизни нарушается. Оцепенение понемногу стало сменяться истерией. Женщины несли на руках малолетних детей, чтобы те смогли увидеть погребальную повозку, и заходились в громких стенаниях и воплях. Это искреннее оплакивание предшествовало ритуальному, которым открывалась церемония ханских похорон.

Колесница с бренными останками Тэмучжина въехала на огороженную площадь, где находились сыновья хана, вожди кланов —

нойоны, командующие войсками. Вскоре толпа расступилась, чтобы пропустить шаманов. Они были облачены в длинные кафтаны, обшитые тайными знаками — цветными полосами, изображениями наконечников стрел и хвостами животных. На головах шаманов были шапки из медвежьих и волчьих шкур или меха сурка, украшенные цветными жемчужинами. Одни били в большие плоские барабаны, другие исполняли песнопения почти сверхъестественного звучания, то необычайно грозного, то жалобного. Впав в транс, шаманы издавали хриплые крики, сопровождая их лихорадочной жестикуляцией. Потом принесли бурдюки с айраком — перебродившим кобыльим молоком, главные жрецы наполнили им чаши, из которых пролили его на четыре стороны света, по направлению к солнцу и, наконец, на погребальную повозку. То были ритуальные приношения Тенгри, Высшему Небу Керулена, которое должно было всей своей бесконечностью участвовать в возлиянии.

Обряд продолжался несколько дней, потом нойоны, вожди племён, а также родственники Чингисхана явились к старой Бортэ, вдове усопшего, его первой жене, которая родила ему четырёх сыновей, и выразили ей ритуальные знаки почтения. Прошло ещё несколько дней, прежде чем все вожди племён собрались в Каракоруме.

Но вот шаманы решили, что наступил благоприятный момент, чтобы проводить тело умершего хана на гору, которая станет местом его вечного упокоения. Тело, облачённое в парадное одеяние из драгоценного шёлка, уложили на тяжёлой повозке, украшенной знамёнами, и под стенания монголов Тэмучжин отправился в свой последний поход. Когда-то на склоне одной из покрытых лесом гор, которые почитались у монголов как священные места, в центре массива Бурхан-Халдун, ныне известного как горная цепь Хэнтэй, он чудом нашёл убежище от своих врагов, и на какое-то время от него отвернулась военная удача. Там же на роковом рубеже своего пути он взывал к Тенгри, вечному Синему Небу, высшему божеству монголов. Именно там брали своё начало реки Онон, Туул и Керулен, орошавшие своими благодатными водами земли его предков.

Согласно преданию, тело Тэмучжина было погребено на склоне холма у подножия большого дерева. Была вырыта огромная могила, и, прежде чем положить в неё останки великого хана, туда опустили полностью снаряжённый войлочный шатёр. Рядом с кувшинами, наполненными водой и айраком, были уложены мешки с продовольствием. Неизвестно, убивали ли в те времена рабов, чтобы они послужили своему господину на том свете. Мы не знаем также, погребли ли там лошадей с сёдлами и сбруей, но многие авторы упоминают, что рядом с могилами оставляли на помостах

умерщвлённых лошадей. Таким образом, великий хан мог отправиться в мир иной, имея возможность подкрепить свои силы едой, повеселить сердце перебродившим молоком и гарцевать в вечности на чистокровных жеребцах.

По завершении обряда место погребения должно было остаться в тайне, и выставленная охрана безжалостно пресекала всякие попытки к нему приблизиться. А потом мох, трава и постепенно разраставшиеся деревья полностью скрыли его.

В наши дни никто уже не помнит, какая из гор называлась Бурхан-Халдун. Некоторые утверждают, что монголы хранили эту тайну в течение восьми веков. Южнее Хуанхэ (Жёлтой реки) в районе пустынного плато Ордос тамошние старожилы показывают любопытным путешественникам места, в которых якобы находили вещи, принадлежавшие Чингисхану: саблю, седло, лук или охотничий рог. Под одним из курганов, как уверяли, был погребён его конь. До сих пор в тех краях ходят легенды о несчастьях, которые настигают тех, кто пытается осквернить священную могилу. Какой-то хан внезапно ослеп в тот момент, когда попытался раскопать погребение. У мусульман, нарушавших запрет, отнимались руки или ноги. Говорили даже, что где-то далеко в степи есть город-призрак, «город Чингисхана».

И всё же никто до сих пор не смог найти могилу Чингисхана Тэмучжина, одного из немногих завоевателей, о которых можно сказать, что они были повелителями мира, *космократорами* [\[5\]](#).

Глава II

СЫН СТЕПЕЙ

Его отец Есугей Отважный был очень храбр, его род киот борди ген (кият борджигин) был известен своей доблестью. Но Тэмучжин в смелости и отваге превосходил всех.

Леон Казн. Голубое знамя

Властитель с кошачьими глазами

Единственный предположительно прижизненный портрет Чингисхана ныне находится в историческом музее Пекина в коллекции старинных картин, изображающих императоров династии Юань, которая правила Срединной империей в 1279–1368 годах. Её основатель хан Хубилай принимал в своём дворце известных венецианских купцов семейства Поло. В этой галерее официальных портретов почётное место занимает изображение деда Хубилая, собирателя степных кочевников, которого монгольские государи почитали как «Великого патриарха» (Тайцзу) династии Юань.

Этот портрет создателя Монгольской империи, исполненный китайским живописцем, бесспорно, недалёк от исторической достоверности, хотя в нём, как и во всей китайской живописи, присутствует стилизация. Все более поздние портреты — персидские миниатюры Тебризской школы, работы китайских и европейских художников — всего лишь плод фантазии их авторов. Некоторые портреты представляют монгольского хана в облике персидского государя или даже одетым в европейский костюм, как какой-нибудь западный монарх.

Остановимся перед этим прямоугольником из шёлковой ткани, на котором нарисован тушью и слегка тронут гуашью портрет монгольского завоевателя. Его массивное тело вполне соответствует типу телосложения, характерному для современных монголов. Сказался ли возраст на облике

властителя? Лицо полное, выражение решительное, нос довольно длинный и не очень широкий, рот чётко очерчен. Волосы, почти прямые брови, усы и борода — с проседью. Если судить по морщинам на довольно высоком лбу, ему можно дать лет пятьдесят, но нельзя исключить и вероятность того, что художник намеренно хотел представить властителя в самом величественном виде и потому несколько состарил, возможно даже удлинил ему бороду, чтобы сделать похожим на мудрого старца, ибо известно, что в Китае уважают людей, обременённых годами, а стало быть, и опытом. Ухо, выступающее из-под шапки, имеет удлинённую мочку, что считается признаком мудрости, ибо, согласно традиции, такова была форма ушей у Будды.

На голове Тэмучжина шапка из светлого меха, сзади доходящая ему до шеи — так в ту пору было принято у кочевников. Халат его запахнут направо — по китайской моде. Эта подробность имеет значение, поскольку, подобно тому, как европейцы полагали, что только «дикари» украшают голову перьями, китайцы были убеждены, что мужчины, запахивающие свою одежду налево (как бы наизнанку), не могут претендовать на звание «цивилизованных» людей. По их понятиям, уже то, что кочевники, обитавшие за Великой стеной, застёгивали свои одежды как китайские женщины, было свидетельством их варварских нравов. Можно предположить, что придворный художник, желая польстить своей модели или понравиться заказчику портрета, исправил эту деталь в одежде хана. Но можно также допустить, что сам хан, зная китайские обычаи через постоянные контакты с китайскими или китаизированными советниками и военными специалистами, к концу жизни одевался на китайский манер.

Согласно немногочисленным свидетельствам очевидцев, монгольский завоеватель был высокого роста и крепкого телосложения, у него были редкие волосы с проседью и «кошачьи глаза». Эти подробности, датируемые 1222 годом, то есть за пять лет до смерти повелителя, вполне соответствуют портрету, хранящемуся в пекинском музее. Одно лишь с трудом поддаётся объяснению — «кошачьи глаза» Чингисхана. Значит ли это, что они были круглые и жёлтые, как у кошки? Или же речь идёт о том, что он редко моргал? Проверить это невозможно. Как бы то ни было, хотя живописец и придал взгляду хана особое выражение, глаза у него самые обычные, с характерной для народов Дальнего Востока монголоидной складкой.

Эта картина составляет часть целой серии официальных портретов императоров. То есть это заказная работа, а подобный жанр вплоть до наших дней не допускает каких-либо художественных вольностей.

Пекинский портрет Чингисхана на первый взгляд кажется маловыразительным. Безжизненный и застывший, он напоминает антропометрические снимки из полицейских досье. И всё же, если присмотреться внимательнее, во взгляде хана можно различить выражение силы, властности и даже суровости, которое несколько смягчается спокойной уверенностью в себе. Простота одежды, отсутствие украшений или знаков власти придают ему особое достоинство. Можно подумать, что это портрет какого-нибудь конфуцианского мудреца. В сущности, это живописное произведение больше говорит нам о некоторых сторонах жизни китайского общества той эпохи, нежели о самом Чингисхане.

Пустота Центральной Азии

Громадная сфера, часто закрытая плотным слоем густых облаков. Шар, на котором можно более или менее отчётливо увидеть океаны и моря, светлые или тёмные пятна континентов с их причудливыми очертаниями. Там и сям складчатые, иногда малозаметные полосы — горные цепи, извилистые нити больших рек... Такой можно увидеть планету Земля с Луны. Никаких следов человечества, никаких видимых признаков его работы.

И всё же, если инопланетные астрономы рассмотрели бы Землю внимательно, то могли бы и без оптических приборов различить Великую Китайскую стену: начинаясь от Жёлтого моря, она тянется вдоль тихоокеанского берега и доходит до пустыни Гоби в Центральной Азии. Эта гигантская стена — единственное творение рук человеческих, видимое с такого расстояния невооружённым глазом. Словно каменный дракон, окружающий своими мощными кольцами значительную часть китайской земли, которая его вскормила, это грандиозное архитектурное сооружение в течение двух тысячелетий остаётся неподвластным времени. Согласно данным хроник, стена была построена примерно за два века до новой эры всего за 12 лет по распоряжению основателя династии Цинь. В ходе работ, размах которых сравним лишь со строительством грандиозных пирамид египетских фараонов, сотни тысяч крестьян, согнанных с полей, нашли свою смерть у подножия этого «самого длинного кладбища в мире».

Хотя знаменитый император-тиран сыграл, несомненно, решающую роль в возведении Великой стены, в сущности, он лишь соединил многочисленные оборонительные укрепления, построенные за два века до него, в эпоху Воюющих царств. Так, в хронике «Чжу ли» («Обычаи Чжу»)

сообщается, что к концу IV или началу III века до н. э. уже была поставлена задача, «относящаяся к строительству укреплений, ремонту башен и стен, как внутренних, так и внешних». Другая хроника, «Шуцзин» («Книга летописей»), упоминает принца Лю, который ещё в XI (?) веке до н. э. воодушевлял своих воинов такими словами: «В одиннадцатый день цикла я пойду на варваров сю... Приготовьте сваи и доски, так как в одиннадцатый день цикла мы возведём земляные укрепления». Итак, китайские военачальники за несколько веков до новой эры строили укрепления из земли, утрамбованной в деревянной опалубке, со временем стали применять каменные блоки и кирпич, а в распоряжении основателя империи Цинь были уже каменщики самой высокой квалификации.

Великая стена, столь протяжённая, что никакая фотография не может представить её во всю длину, тянется на шесть тысяч километров, если учесть и её ответвления. Из-за отсутствия своевременного ремонта (императорская казна чаще всего была пустой) многие укрепления превратились в руины — скорее под воздействием стихий, нежели от вражеских приступов. Вплоть до династии Мин, прекратившей своё существование в 1644 году, китайцы тратили много сил на новое строительство и постоянное восстановление стены. В течение нескольких веков Великая стена служила физической и географической границей между Китайской империей и варварским миром степных народов.

Один только факт, что одна из самых передовых стран своего времени построила и содержала подобную систему укреплений, многое говорит об угрозе, исходившей от кочевников. То, что многие поколения китайских императоров, полководцев и инженеров пытались ценой разорительных расходов и подневольного труда сотен тысяч подданных укрыться за рвами, стенами с зубцами и бойницами, заставляет задуматься о мощи этих презираемых, но опасных варваров, которые были предками Чингисхана.

Долгое время было принято считать кочевников Центральной Азии — гуннов, татар, монголов, тунгусов и других — неким единым целым, смутной человеческой массой, внезапно появлявшейся из бескрайних, продуваемых ветрами степей. Их единственным языком был язык сабель, их единственным занятием — грабёж. Их дикие орды, накатывавшиеся мощными и внезапными волнами, превращали плодородные земли цивилизованного мира в пустыню. Истоком этих азиатских кочевников была некая неопределённая, безымянная даль, необозримая пустота, не имевшая ни внешних пределов, ни культуры; ни храмов, ни городов; ни государств, ни законов, — адская страна смерти и отчаяния. Действительность же, более сложная, чем это представлялось, заслуживает

того, чтобы приглядеться к тем пространствам, что породили монгольских завоевателей.

Центральная Азия, в течение многих веков неведомая ни европейцам и китайцам, ни персам и арабам, долго оставалась одной из наименее известных частей земной поверхности. Западный мир в античную эпоху не имел никаких сведений об этом регионе, который был своего рода *terra incognita*, а летописцы Древнего Китая зачастую его просто игнорировали, считая глубоко варварским. Между VII и VIII веками появляются некоторые сообщения об этих краях от китайских паломников-буддистов, а позднее от мусульманских путешественников. В Средние века, в эпоху правления государей Чингизидов, *рах монголика*^[6], установленный Чингисханом и его последователями, способствовал расширению контактов между разными частями света. Первопроходцы пересекали Центральную Азию, некоторые из них оставили удивительные описания, например фламандец Гийом де Рубрук, официальный посланник французского короля Людовика Святого, итальянцы Мариньолли, Одорико де Порденоне, Плано Карпини и самый знаменитый из них — венецианский купец Марко Поло. Средневосточные авторы, такие как Рашид ад-Дин и Джувейни, сохранили для нас драгоценные свидетельства о монгольских нашествиях и их последствиях.

Этот азиатский регион долго не подпускал к себе людей с запада ввиду множества препятствий как физического, так и политического свойства. В результате сложного раздела империи Чингизидов Центральная Азия замкнулась в себе, и для того чтобы достичь дальневосточных земель, использовались уже не караванные пути, а морские экспедиции. Этот гигантский регион накрыла ночь, продлившаяся почти четыре столетия. Потом редкие группы миссионеров-иезуитов стали отправляться в Монголию, миссионеров-капуцинов — в Тибет. И только в XIX и XX веках для изучения центра Азии стали снаряжаться научные экспедиции. Благодаря любознательности и упорству исследователей, а также экспансии европейцев вглубь азиатского материка (важную роль в этих исследованиях сыграла Российская академия наук) в географических атласах стирались последние белые пятна на картах этой части континента.

Дольше других оставался закрытым для иностранцев Тибет. В 1740 году несколько поселившихся там капуцинов были высланы властями Лхасы и вынуждены искать убежища в Китае. Даже в XIX и XX веках, когда перед исследователями отступали последние тени на земной поверхности, Тибет упорно сопротивлялся любопытству европейцев. Русские Пржевальский, Певцов, Грум-Гржимайло, швед Свен Хедин,

британец Кэри, французы Бонвало, Анри Филипп д'Орлеан, Гренар и другие, более поздние и менее известные путешественники, в частности госпожа Лафюжи, столкнулись с запретом на въезд в священный город. Для того чтобы в него проникнуть, редкие смельчаки, переодетые паломниками и знакомые с обычаями тибетцев, проявляли чудеса упорства. Это можно сказать о миссионерах Габе и Юке (1846) и парижанке Александре Давид-Неэль. Лондону удавалось внедрять в индийские торговые и паломнические караваны своих наполовину исследователей, наполовину тайных агентов, а в 1904 году полковник Янг-хазбенд смог войти в Лхасу, правда, во главе армейской колонны. Тогда как Дютру де Рен и миссионер Рейнхард за попытку проникнуть в эти запретные места поплатились жизнью.

Суровость ландшафта

Территория Центральной Азии, состоящая из горных массивов и высоких плато, представляет собой гигантский геологический комплекс, здесь берут своё начало крупнейшие азиатские реки — Хуанхэ, Янцзы, Меконг, Иравади, Ганг, Инд, Амударья, Сырдарья, благодаря которым возникли и развились осёдлые цивилизации Востока. Горные цепи, составляющие этот комплекс, — Алтай, Каракорум, Тянь-Шань, Памир, Гималаи и другие, — тянутся в основном с востока на запад. Здесь находятся самые высокие пики планеты, возникшие в результате геологических процессов: столкновения больших континентальных плит — сибирской на севере и индийской Гондваны на юге — с древними массивами, когда образовались складки альпийского типа, изменившие ландшафт Тянь-Шаня и Памира. Эрозия, усиленная суровостью резко континентального климата, привела к образованию долин. На границе Тибета, в районах Тянь-Шаня и Алтая, рельеф достаточно выражен, тогда как в Центральном Тибете, Восточном Туркестане и Монголии простираются обширные плато.

Суровости рельефа соответствуют пустынные и однообразные ландшафты. Тысячелетия морозов, дождей, ураганных ветров, разрушив края скалистых образований, накопили в долинах значительные массы измельчённого геологического материала. В некоторых местах во время бурь тучи пыли закрывают солнечный свет. Это пресловутый лёсс, как называют его геологи и географы. У тюрков он обозначается словом *топрак* (земля, почва), а у китайцев — *хуан ту* (жёлтая земля). Осадки превращают

пыль в жидкую грязь, но под палящим солнцем она становится твёрдой, как камень. Эта жёлтая или буроватая пыль совершенно лишена влаги. Толщина её слоя в Северном Китае может достигать от 15 до 100 метров. Когда в предгорных районах подземные воды поднимаются на поверхность, земля становится чрезвычайно плодородной. Таковы земледельческие районы Северного Китая, монгольские степи, оазис вдоль берегов Тарима. Но на плато, постоянно продуваемых ветрами, почвенный слой слишком тонок, чтобы быть плодородным. Так, в Туркестане существуют зоны зыбучих песков, где ландшафт являет собой призрачную картину, которая поражала многих, кто шёл с караванами. В других местах вода, стекающая с гор, испаряется иногда всего за несколько часов, оставляя лишь редкие пятна безжизненной растрескавшейся земли.

Таковы условия в самой Монголии, этом обширном регионе, не имеющем естественных рубежей и чётких границ. На севере — бассейны нижнего течения великих сибирских рек Иртыша, Енисея и Амура и горные хребты. В центре — хребты, покрытые лесом: Кангай на западе и Хэнтэй, переходящий в Яблоновый хребет в Восточной Сибири. Территория эта возвышается до 1500 метров и нигде не опускается ниже 500 метров над уровнем моря. Вся её южная полоса представляет собой бесплодные степи, пересекаемые пустынными участками, — *говь* (отсюда топоним Гоби). Китайцы называют её Ханхай — «высохшее море», так как на сотни километров там можно увидеть только пески и камни.

Путешественники практически одинаково описывали эти безводные пустынные ландшафты, эти нескончаемые каменистые склоны гор, вершины которых часто бывают покрыты снегом. Так, Марко Поло, побывавший в Монголии, сообщал: «Лоп — большое поселение на границе пустыни, которая называется пустыня Лоп... Она столь обширна, что говорят, за целый год её не пересечь из конца в конец верхом на лошади. А там, где у неё наименьшая ширина, чтобы пересечь её, требуется месяц. Это сплошь песчаные холмы и долины, и там не найти никакого пропитания».

Конечно, венецианец, побывавший в Монголии, несколько преувеличил размеры пустыни Гоби, но и швед Свен Хедин в 1900 году рассказывал нечто подобное: «Щемящая пустота. К северу от Лобнора дюны придают пейзажу некоторое разнообразие, и отдельные сухие деревья говорят о том, что когда-то на этих ныне мёртвых землях существовала жизнь. Здесь же, напротив, абсолютное однообразие. Здесь вечно царила безжизненность. Никакого изменения ландшафта и никаких следов растительности. Поверхность земли гладкая, как паркет. Всё

покрыто ровным одеялом из затвердевшей глины, которая некогда находилась под водами озера».

Суровый климат соответствует ландшафту. Азиатские сезонные муссоны, приносящие на континент благодатную влагу, Центральной Азии не достигают. В Улан-Баторе, столице современной Монголии, находящемся на широте Парижа, летом жара, как в Сахаре, а зимой морозы, как в полярной зоне. В июне жара достигает 45 градусов по Цельсию, а в январе температура понижается до 30 и даже до 50 градусов мороза. Бывает, что последний снег выпадает в мае или начале июня, а холодный сезон иногда начинается уже в июле. Францисканский монах итальянец Плано Карпини, выехавший в апреле 1245 года из Лиона, отметил, что климат в Центральной Азии «удивительно непостоянный»: «В разгар лета, когда другие страны страдают от сильной жары, там грохочет страшный гром и молнии поражают людей. Летом же случаются и снегопады. Там свирепствуют такие леденящие ветры, что бывает трудно сесть на лошадь».

Свен Хедин сделал подобные наблюдения в канун XX века: «Солнце поднимается, жара усиливается, оводы кружат тучами. Мучения, которые доставляют эти мухи, порой становятся невыносимыми... После ночного перехода и люди и животные совершенно вымотаны. Я валюсь в тень первого повстречавшегося тамариска и засыпаю, пока жгучее солнце не начинает печь мне голову. Днём температура достигает +40 градусов в тени». Это сообщение от июля 1900 года. Две недели спустя шведский землепроходец отмечает: «14 августа. Ночью температура опустилась до минус 3,2 градуса. Заледеневшая земля в начале перехода твёрдая, но постепенно размягчается, а после полудня — это уже страшная трясина».

Это климат, для которого характерны резкие перепады температур. В течение значительной части года дни стоят ясные, но зимы нескончаемы. Более или менее благоприятное время — осень: небо ясное, ветер несильный, ночные заморозки слабые, а днём солнце щедро раздаёт своё тепло. Но очень скоро возвращаются зимние холода, и свирепые ураганные ветры, словно одержимые какой-то страстью разрушения, обрушиваются на скудную степную растительность.

Живой мир

И всё же эти гигантские степи, простирающиеся почти непрерывно от пределов Маньчжурии до ворот Европы, не всегда бесплодны. Когда землю

не сковывают морозы и не иссушает безжалостное солнце, она покрывается ярким растительным ковром. Всюду, где есть вода, возникает жизнь. По берегам больших рек Онон, Керулен и Орхон или рядом с небольшими потоками, изредка появляющимися в тундре, появляется растительность.

Лесистые зоны, продолжения великой сибирской тайги, отличаются наибольшим растительным разнообразием. Здесь растут ели, сосны, лиственницы, берёзы, осины, ивы, в тёплое время года на склонах сопок, которые монголы называют *кангай*, появляются дикие цветы бесчисленных видов: незабудки, мальвы, аквилегии, ломоносы, ирисы, горечавка, ревень, дикие пионы, рододендроны. Здесь обитают и многие дикие животные: лоси, медведи, рыси, косули, маралы, которые широко представлены в монгольской мифологии. Водятся также пушные звери: белки, росوماхи, куницы, соболя, мех которых высоко ценится, и даже снежные барсы. Выше по склонам на каменистых участках растут шиповник, жимолость и низкий кустарник. В полупустынных зонах растительность встречается реже, это в основном дикорастущие злаковые.

На высокогорных плато, которыми начинается уже Тибет, растительность более скудная, из животных встречаются дикие ослы, кролики, дикие степные собаки. Это также места обитания яков — быков с длинной шерстью, которая хорошо защищает их от морозов. По болотам гнездятся водоплавающие птицы, привлекающие хищников, для которых они излюбленная добыча.

Но настоящее лицо Монголии — степь. Там, где есть какое-то количество влаги, простираются обширные равнины, пригодные для выпаса скота. Они покрыты такими травами, как луговик, лебеда, полынь. На каменистых террасах встречаются «проволочная трава», акация «верблюжий хвост» и луковичные растения: дикорастущие тюльпаны, лук, чеснок. Летом степь на несколько недель покрывается удивительным многоцветным ковром. Там пасутся пугливые стада газелей и антилопсайгаков, а также диких баранов с загнутыми рогами, которые, по свидетельству Гийома де Рубрука, использовались для изготовления кубков. Там же можно встретить низкорослого дикого верблюда (*хавтгай*), дикого осла и знаменитых небольших монгольских лошадей, родственников тарпана, описанного русским путешественником и натуралистом Николаем Ивановичем Пржевальским. Монголы первоначально охотились на них ради мяса, а позднее стали использовать как верховых и вьючных животных.

В этих местах обитает множество птиц: серые куропатки, жаворонки, дрофы, а также степные орлы, луни и пустельги, которых монголы

приручают и используют для охоты. Марко Поло упоминал также о прирученных львах, леопардах, волках и орлах, но непохоже, чтобы монголы использовали этих животных для охоты.

«Да будет тебе также известно, что у Господина есть хорошо приручённые леопарды, которые годятся для охоты на дичь. Есть ещё большое количество приручённых волков, весьма пригодных для охоты. Ещё есть много львов крупнее тех, что из Вавилонии, очень красивой масти, они покрыты вдоль туловища чёрными, жёлтыми и белыми полосами. И они обучены охотиться на кабанов, диких быков, медведей, диких ослов, оленей и других крупных и сильных животных... Перед началом охоты с этими львами их привозят в закрытых повозках, и каждого сопровождает небольшая собачка. Есть также множество орлов, обученных охотиться на волков, лис, косуль и ланей, и они добывают их много. Те орлы, что обучены добывать волков, очень крупные и сильные, и нет такого волка, который смог бы от них спастись».

Упоминаемые здесь львы — это, очевидно, тигры, а волки, обученные для охоты, — похоже, плод воображения мессира Поло, который спутал их с собаками, используемыми для травли дичи.

Итак, эти суровые земли далеки от того, чтобы считаться необитаемыми. Уже в доисторические времена там появились стоянки человека, в частности недалеко от озера Байкал. В этих негостеприимных местах сложились небольшие племенные сообщества. В дальнейшем они объединились в союзы, которым предстояло создать гигантскую империю.

Сын Меченого Волка и Дикой Лани

В этом суровом, почти враждебном человеку мире родился тот, кому суждено было стать Чингисханом.

«Предком Чингисхана был Бортэ-Чино (Голубой Волк), рождённый Небом, что наверху, согласно небесной воле. Его супруга Гоа-Марал (Дикая Лань). Он пришёл сюда из-за моря. Когда он поставил свою юрту у истока реки Онон у (горы) Бурхан-Халдун, родился (у них) Бата-Цагаан. Сыном Бата-Цагаана был Тамачи; сыном Тамачи был Хоричар-Мэргэн. Сыном Хоричар-Мэргэна был Ууджим Буурал...»

Так начинается «Сокровенное сказание монголов», эпическая летопись, повествующая об основателе Монгольской империи и его преемниках Чингизидах.

Как повествуют барды монгольских степей, основателями рода, к

которому принадлежал Чингисхан, были волк и лань. Это животные-тотемы, изображения которых, отлитые в бронзе, часто встречаются в многочисленных стоянках, обнаруженных на территории Сибири. Волка считают своим легендарным предком многие тюркско-монгольские народы. Совокупление волка с ланью может показаться странным, поскольку последняя в действительности является добычей этого хищника, но в данном случае, очевидно, речь идёт о символическом союзе мужских качеств волка — силы и смелости — с женскими достоинствами лани — быстротой и грацией. Здесь присутствует та символическая связь хищника и травоядного, которую исследовал тюрколог Жан Поль Ру в своём труде «Верования тюрков и монголов». Среди других мифов о происхождении предков Чингисхана можно отметить легенду, которая связана одновременно и с животной, и с солярной символикой: от союза волка и лани родилась женщина по имени Алун-Гоа, она была оплодотворена солнечным лучом, который, войдя через дымовое отверстие в юрте, коснулся её чрева. Из него-то и вышли предки Чингисхана.

Будущий Чингисхан родился в простой войлочной юрте. Монгольская хроника сообщает, что новорождённый появился на свет, зажав в правой руке сгусток крови. Согласно тюркско-монгольским поверьям, то была примета будущей воинской славы. Существует предание, что отец мальчика, Есугей, назвал первенца Тэмучжином в память об одном татарском воине, который носил это имя: он победил его незадолго до рождения сына. Можно удивиться тому, что Есугей пожелал дать своему сыну имя побеждённого противника, но, по верованиям степных воинов, побеждённый враг передавал свою силу победителю. Кроме того, по-видимому, Есугею хотелось лишний раз вспомнить об одном из своих боевых подвигов. Слово «Тэмучжин», возможно, восходит к тюркско-монгольскому *темур* (железо) и значит «кузнец». Вопреки некоторым легендам ничто не позволяет утверждать, что Тэмучжин был в молодости кузнецом, но возможно, что такое значение его имени соответствует шаманистской символике. Как показал Ру, в представлениях монголов существовала связь между металлургией и шаманом, который, как считалось, «управляет огнём и железом».

Тэмучжин родился в год свиньи у подножия одинокого холма на правом берегу реки Онон (к востоку от озера Байкал за северо-восточными пределами современной Монголии, на территории нынешней Российской Федерации), где было стойбище его семьи. Нельзя с полной определённой сказать, что это был именно год Свиньи. Известно, что у монголов, как и у китайцев, год разделён на 12 лунных месяцев, каждый из

которых обозначен зодиакальным знаком какого-либо животного. Но расхождения между системами календарей и сообщениями китайских и мусульманских хроник не позволяют делать уверенных заключений. Поэтому год рождения Тэмучжина определяют между 1150 и 1167 годами. Востоковед Поль Пеллио склоняется к последней дате, ориенталист Рене Груссе в итоге остановился на 1150 годе, как и немецкий монголовед Вальтер Хайсх и российский учёный Мункуев. Есть основания принять именно эту дату. Что касается даты смерти Чингисхана, то в этом мнения исследователей сходятся: китайские хронисты, авторы «Юань ши» («Истории династии Юань»), точно определили её — август 1227 года.

Отец новорождённого был главой клана *кият*, относившегося к обоку (роду) Борджигин. Согласно сообщениям некоторых хроник, он происходил от первых правителей дочингисовой эпохи, то есть был царской крови, но ясности в этом вопросе нет. Он участвовал в сражениях с соседними племенами, как собственно монгольскими, так и татарскими. Вероятно, в результате одного из таких сражений он получил прозвище баатур, то есть Богатырь. Будучи главой небольшого рода, Есугей-баатур примкнул к некоему Тогорику, который провозгласил себя владыкой (*онгхан*) племени *керэитов*. Тот, желая скрепить военный союз, сделал Есугея своим *анда*, кровным братом. Обряд побратимства состоял в том, что его участники выпивали несколько разведённых в кислом молоке капель крови друг друга. Этот братский союз сыграет решающую роль в судьбе Тэмучжина.

Несмотря на кровные узы с владыкой керэитов, Есугей не смог подчинить себе соседние кланы. Его супруга Оэлун из племени *хонгиратов* также была благородного происхождения. В сопровождении слуг и некоторого числа приверженцев Есугей и его жена кочевали в степях верхнего течения рек Онон, Керулен и Туул.

Как повествует «Сокровенное сказание монголов», Есу-гей встретил свою будущую супругу при самых романтических обстоятельствах. Однажды во время соколиной охоты он встретил всадника из племени меркитов, который вёз в своё становище молодую женщину, сидевшую в повозке. Есугей тут же почувствовал влечение к красавице. Позабыв о своих охотничьих намерениях, он галопом помчался к семейной юрте и поднял своих братьев Нукана Тайши и Даритая в погоню за четой, которая была ещё видна в степной дали. Те же быстро догадались о цели преследователей. Молодая женщина, поняв, что сопротивление бесполезно, отговорила своего жениха от намерения защищаться и предложила ему спастись бегством. Меркит исчез за горизонтом, и трём мужчинам не

составило никакого труда остановить повозку и пленить красавицу Оэлун. Покорившись обстоятельствам и смирившись со своей участью, она согласилась стать женой Есугея-баатура.

Нравы в те времена были жестокие, и сражения, завязывавшиеся из-за похищения женщин или угона скота, уносили много жизней кочевников-скотоводов. По-видимому, Оэлун была верной и любимой женой Есугея. Кроме Тэмучжина она родила ему троих сыновей — Хасара (Тигра), Хачиуна, Тэмуге — и дочь Тэмулун. От другой жены у Есугея было ещё двое сыновей — Бектер и Бэлгутэй.

Как жили дети Есугея? Достаток семьи был довольно скромным, основным источником существования служило скотоводство, которым занимались все члены рода. Дети с малолетства пасли стада, собирали съедобные дикие плоды и ягоды. Большие облавы на диких животных требовали выносливости, ловкости и хорошего владения навыками верховой езды. С юных лет Тэмучжин и его братья учились распознавать съедобные растения, следить за скотом, пасущимся вокруг юрт на территории рода, признанной обычаем, доить кобылиц, взбивать их молоко, готовить мясо — основную пищу кочевников.

Тэмучжин, по-видимому, был крепкого телосложения и преуспевал в занятиях, требовавших силы и умения. Особенно в верховой езде — единственном способе передвижения кочевников. Когда ему исполнилось девять лет, отец решил подыскать ему невесту, чтобы упрочить положение семьи и рода.

Монголы были экзогамны, то есть подыскивали себе пару из другого клана, у которого не было с ними общих предков, и полигамны. Гийом де Рубрук писал об этом так: «По поводу их браков: жён здесь все только покупают, отчего иные девушки достигают довольно зрелого возраста, прежде чем выйти замуж, так как родители держат их при себе в ожидании покупателя. Они соблюдают запреты на браки между родственниками первой и второй степени родства. Но они могут жениться одновременно и последовательно на двух сёстрах. Вдовы у них никогда не выходят замуж повторно, так как считают, что все, кто служит им в этой жизни, будут служить и в жизни будущей. Поэтому они думают, что вдова после своей смерти непременно вернётся к своему первому мужу. Отсюда происходит такой их постыдный обычай: бывает, что сын женится на всех жёнах своего умершего отца, за исключением собственной матери».

Плано Карпини в своей «Истории монголов» подтверждает это сообщение Рубрука о брачных обычаях монголов: «Каждый мужчина имеет столько жён, сколько может содержать: у одного их сотня, у другого

пятьдесят или десять, или меньше, или больше. Татарам разрешается брать в жёны всех женщин своей семьи, кроме матери, дочери и единоутробной сестры, а сёстры от того же отца и других его жён исключения не составляют. Младший брат имеет право взять в жёны вдову старшего; если он этого не делает, то это право переходит к какому-либо другому мужчине в семье... После смерти мужа вдове трудно снова выйти замуж, если её пасынок отказался жениться на мачехе».

Широкое распространение полигамии в монгольских племенах даёт основание предположить, что многие мужчины оставались холостяками, поскольку заметного перевеса женщин в численности не наблюдалось. Полигамия в значительной мере определялась достатком мужчины: только богатые могли позволить себе содержать нескольких жён. Связано это было также с социальным статусом, имущественными интересами семьи, а также служило одним из средств поддержания лояльности подданных и союзников.

Есугей, предварительно получив нужные сведения от своих близких, возможно, что и от жены, решил объехать соседние юрты, чтобы подыскать невесту для своего старшего сына. Хроника повествует, что по пути ему встретилась стоянка хонгиратов — племени, из которого происходила Оэлун. Главе этого племени по имени Дай-Сечен (Дай Мудрец) Есугей рассказал о цели своего посещения. На самом деле у Есугея, вероятно, были сведения о принявшем его хозяине, и он явился к нему не случайно.

Дай Мудрец радушно принял Есугея и, увидев Тэмучжина, сказал: «У твоего сына огонь в глазах и светлый лик». Затем рассказал свой последний сон: белый кречет, держа в клюве солнце и луну, сел ему на руку. Для него этот сон — предвестие счастливой встречи, а кречет — не кто иной, как Тэмучжин. Расхваливая всеми признанную красоту женщин племени хонгират, он представил гостю свою дочь, которую собирался выдать замуж. Эту десятилетнюю девочку звали Бортэ, что значит «небесная синь». Синего цвета был и сказочный волк, считавшийся первым предком Тэмучжина. Автор хроники добавляет, что девочка была красива, что «лик её светел, а в глазах огонь».

На следующий день Есугей попросил Бортэ в жёны своему сыну. Дай Мудрец выставил одно условие: он принимает предложение, но Тэмучжин должен пожить некоторое время в его становище. Очевидно, он хотел проверить, чего стоит его будущий зять. Есугей согласился, предупредив только: «Мой сын боится собак, не напугай его собаками».

Просватав сына Тэмучжина, Есугей поскакал к себе в становище. В пути его настигла трагическая судьба.

Глава III

ОДИНОКИЙ ВОЛК

Им приходится охранять и пасти свои стада и, главное, перегонять их с места на место. В течение нескольких недель, а то и дней трава вокруг их стоянки бывает выщипана скотом, и надо уходить на новое место, сворачивать стоянку, готовить в дорогу масло, простоквашу, кумыс, заботиться о лошадях и верблюдах... Помимо того, одно из привычных занятий этих племён — грабжёж. А он требует немалой подготовки, например объезды лошадей.

Капитан Майн Рид. Странные народы

Тэмучжин-сирота

Возвращаясь в родную юрту, Есугей доскакал до местности, называемой Ширакер (Жёлтая степь). Её географическое положение определяют между озёрами Буюр и Кулун. Там кочевали племена монголов и хонгиратов. Вероятно, туда заходили и жившие южнее татары. На них и натолкнулся Есугей по пути домой.

Он спешил. Татары окружили его. Среди них некоторые ещё помнили в лицо главу рода кият. Но Есугей не узнал никого из тех, против кого когда-то воевал. Ему предложили выпить. В напиток добавили смертельный яд, который действовал медленно. Возможно, татары хотели отомстить ему за своё поражение или устранить опасного конкурента. В пути Есугей почувствовал действие коварно предложенного ему угощения. В течение трёх дней ему удавалось держаться в седле, после чего он слёг в юрте на одной из стоянок хонгиратов. Там он почувствовал приближение смерти. Подросток по имени Мунглик склонился над умирающим, и тот успел ему сказать: «У меня внутри всё болит... Позаботься о твоих младших братьях, которые останутся после меня сиротами, и о вдове, твоей невестке. О Мунглик, приведи ко мне моего сына Тэмучжина!..» В «Сокровенном сказании» этот эпизод заключается лаконично: «Сказав это,

он умер».

Последние слова умирающего относились к сиротам, которые оставались после него, к его молодой вдове и сыну Тэмучжину, которого он незадолго перед тем оставил в доме будущего тестя. О взаимоотношениях Есугея с теми, кто присутствовал при его кончине, в частности с Мунгликом, которого он просил принять Тэмучжина в свою семью, ничего не известно. Но подросток, который был ненамного старше Тэмучжина, решил исполнить последнюю волю Есугея и поскакал к стоянке Дай-Сечена, чтобы привести Тэмучжина.

Приехав к Дай-Сечену, Мунглик не сказал ему о смерти Есугея, а объяснил свой приезд тем, что отец сильно скучает по сыну. То было мудрое решение, поскольку осиротевший Тэмучжин мог оказаться у Дай-Сечена на положении слуги. Тот отпустил мальчика, который ему очень понравился и в котором он уже видел хорошего мужа для своей дочери. И потому берёг её для него в течение четырёх лет. Какие чувства испытал Тэмучжин, когда по пути домой узнал от Мунглика о смерти своего отца? Детскую тоску, избытую в слезах, немое отчаяние или жгучую боль, заглушаемую твёрдым решением отомстить? В «Сокровенном сказании» об этом нет ни одного слова.

Осиротевший в девять лет Тэмучжин был старшим из детей Есугея, и ему пришлось пережить тяжёлые времена. Он оказался главой семейства, а мать его занималась домашней работой. Это было нелегко, имея на руках шестерых детей, хотя ей и помогали несколько слуг. Ей сразу же пришлось испытать на себе строгость патриархального уклада, царившего среди кочевников. У монголов человек был прежде всего членом рода, племени, что считалось важнее его собственной индивидуальности. После смерти мужа Оэлун потеряла всякую власть в семье. Есугею удавалось подчинить себе окружающих. Благодаря своим воинским качествам он установил контроль над соседними становищами, но после его внезапной смерти те вышли из повиновения.

Вскоре началось соперничество, пошли раздоры, семейству покойного грозил ostracism. Оэлун проявляла твёрдость, но теперь она была всего лишь бедной родственницей. У неё произошла стычка с двумя вдовами хана тайджиутов Амбахая. Те уже не признавали власти семьи умершего. Однажды они решили не приглашать Оэлун на традиционную церемонию угощения духов предков. Исключение из числа участников родового обряда означало, что её уже считали чужой. Но Оэлун всё же явилась на церемонию и открыто упрекнула двух женщин в нанесённой ей обиде. Началась перебранка, и весь клан тайджиутов выступил против Оэлун,

объявив: «Если мы захотим, то откочуем в другое место и оставим этих — мать с её сыновьями — здесь, на стоянке. Уйдём и вас с собой не возьмём».

Разрыв был резким: тайджиуты собрали свои пожитки, что находились в юрте, уложили их в мешки и отделили свой скот. Женщины и дети сели в повозки, а мужчины, оседлав лошадей, погнали свои стада в степь, оставив в одиночестве родственников своего бывшего вождя. Один лишь старик Чарака, отец юного Мунглика, выступил против такого решения. Он побежал вслед за всадниками, пытаясь их вернуть. Но в ответ услышал слова, исполненные чёрной неблагодарности: «Глубокие воды обмелели, сверкающий камень рассыпался на мелкие кусочки». После этого старика поразил в спину предательский удар сабли. Смертельно раненный Чарака пополз до шатра Оэлун и там, вспомнив в последний раз Есугея Богатыря, с горечью произнёс: «Вот к чему ведут раздоры между людьми». Тэмучжин, весь в слезах, вышел из шатра и убежал в степь. Эта склонность уединяться всякий раз, когда перед ним вставала какая-нибудь трудность, — первая характерная черта, упомянутая в «Сокровенном сказании».

Оэлун оказалась женщиной с характером. Можно только представить, каково было покинутой родственниками вдове с детьми. Хроники рассказывают, как она, оказавшись в отчаянном положении, решила вместе с несколькими оставшимися ей верными слугами поменять место стоянки.

Годы мытарств

«Покрыв голову *боктаком* (женский головной убор) и подпоясав полукафтан, она отправилась кочевать вниз и вверх по берегам реки Онон, собирая дикие вишни, денно и ночью добывая пропитание себе и детям. Мужественная *ака-уйин* (вдова) кормила своих детей ягодами и орехами, съедобными кореньями и клубнями. Сыновьям вдовы, вскормленным плодами диких растений, предстояло стать властителями». Так «Сокровенное сказание монголов» описывает трудные годы Оэлун и её сыновей.

Накануне эпохи Чингизидов тюркско-монгольские племена делились на две основные группы. Первую составляли лесные охотники и собиратели (*богин-ирген*), обитавшие в лесистых районах вокруг озера Байкал, у истоков великих сибирских рек Енисея, Иртыша и Оби и вплоть до берегов озера Балхаш. По соседству с ними жили племена пастухов-кочевников (*кээрун-ирген*), которые перемещались между западными отрогами Алтайских гор и озёрами Кулун и Буюр — обширным степным

регионом протяжённостью 1500 километров. Другие группы кочевали по ту сторону Гоби и даже вблизи Великой Китайской стены.

Лесные племена редко покидали свою территорию, которая обеспечивала их всем необходимым. Жили они в основном охотой, используя шкуры добытых животных для изготовления одежды, обрабатывали кости, рога и копыта, из которых делали различные предметы домашнего и хозяйственного обихода. Это были небольшие разрозненные сообщества, обитавшие в хижинах из дерева и коры, зачастую просто в землянках. Они приручали некоторых диких парнокопытных, мясо и молоко которых служили им довольно сытной пищей. Когда они пасли свои стада по берегам водоёмов, то добывали рыбу с помощью гарпуна или сетей. Но вместе с тем занимались охотой и собирательством, тайга служила дополнительным источником пропитания и давала средства для лечения болезней (орехи, корни, целебные травы).

В незапамятные времена, за несколько столетий до новой эры, среди скифов и гуннов, а незадолго до начала новой эры — среди обитателей Тувы и Алтая некоторые племена охотников-собирателей постепенно покидали сумрачную тайгу, чтобы заняться скотоводством. В точности неизвестны причины этой коренной перемены в человеческой жизнедеятельности. Возможно, это были климатические или экологические изменения, сокращавшие ресурсы леса и побуждавшие к поиску новых источников пропитания. Наиболее же вероятной причиной этой эволюции представляется значительное увеличение населения, при котором тайга уже не могла его прокормить, и требовалось сведение каких-то её участков под земледелие, пусть ещё и примитивное. Скотоводы понемногу одомашнивали животных, мясо которых употребляли в пищу, — лошадей и оленей. Позднее, вероятно между X и VII веками до новой эры, большинство монгольских племён постепенно начали одомашнивать крупный и мелкий скот.

Кочевое скотоводство — это образ жизни, который определяется климатическими условиями, экономическими законами и чёткими социальными установлениями. Оно основано на бесстойловом содержании скота, экстенсивный характер которого требует периодических перемещений по территории пастбищ, закреплённых по традиции (иногда в результате ожесточённых конфликтов) за тем или иным кланом или несколькими кланами. Такие земли у монголов называются *нутук* (или *нунтук*), но больше известны под тюркским названием *юрт*.

Монголы преимущественно номады, в первоначальном значении этого слова. Оно происходит от греческого *nomos*, что значит пастух. Однако в

наши дни такого определения данного термина уже недостаточно, поскольку под ним подразумеваются и люди, не имеющие никакого отношения к скотоводству. Так, номадами принято называть людей, занимающихся подсечно-огневым земледелием, охотников-собирателей Азии, Африки и Австралии, «морских цыган» малайско-индонезийского архипелага или же несколько миллионов рассеянных по всему миру цыган, часть которых переходит к осёдлому образу жизни. Ныне существует тенденция причислять к номадам людей, хозяйствующих на землях со скудной отдачей или вовсе не пригодных к обработке, а также сообщества без постоянного места обитания и государственности.

Существует несколько видов кочевого хозяйства, различающихся в зависимости от плодородия или скудости земли, плотности населения, характера трудовой культуры скотоводов, частоты эпизоотий и т. п. Очевидно, что от всех этих факторов зависит тот минимальный размер стада, который позволяет пастушескому социуму прокормиться. Русский монголовед Пётр Иванович Кафаров (архимандрит Палладий) подсчитал, что в XVIII веке одной калмыцкой семье из пяти человек требовалось для существования от пятидесяти до ста животных. К началу XX века, по подсчётам русского этнографа П. И. Житецкого, семья скотовода Средней Азии из пяти человек должна была владеть поголовьем скота из пяти десятков лошадей, восьмидесяти овец или коз и трёх верблюдов. Не так давно российский журнал «Народы Средней Азии» сообщал, что в 1960-е годы семье кочевника-скотовода требовалось как минимум 15 лошадей, два верблюда, около пятидесяти овец и шесть голов крупного скота, а также периодическое его воспроизводство, чтобы обеспечить одновременно «серую пищу» (то есть мясо, которое обычно употребляется скотоводами в варёном виде, в результате чего приобретает серый цвет) и «белую пищу» (свежие и кислые молочные продукты). Разумеется, трудно оценить размер и состав поголовья скота у монголов XII столетия, но известно, что во время военных походов каждого всадника могли сопровождать два, три или даже четыре сменных ездовых животных, что предполагает существование большого стада, а также объясняет многочисленные случаи конокрадства, упоминаемые в «Сокровенном сказании».

Гийом де Рубрук, который раскрыл особенности жизни кочевников-скотоводов столетие спустя после рождения Чингисхана, описал их с большой точностью:

«У них (кочевников) нет постоянного места проживания, и они никогда не знают, где будут завтра. Они поделили между собою Скифию, которая простирается от Дуная до Леванта, и каждый предводитель, в

зависимости от того, сколько у него под началом людей, знает пределы своих пастбищ, знает, где ему пасти свой скот зимой и летом, весной и осенью. Зимой они спускаются в более тёплые места, к югу; летом поднимаются в места более прохладные, на север. Зимой, когда лежит снег, их пастбища безводны, а снег заменяет им воду».

Таковы сезонные перемещения кочевников-скотоводов с местными вариациями, определяемыми высотой пастбищ, густотой их растительности, а также количеством осадков. Перед каждой далёкой перекочёвкой они высылают кого-нибудь на разведку, чтобы оценить кормовые возможности пастбища или подтвердить свои традиционные права на долины и высокогорные луга, где располагаются юрты. Нет травы — нет пищи для скота, нет роста его поголовья, нечем жить человеку. Трава для жителей степей — главное богатство. Монгольская пословица гласит: «Травы — для животных, а животные — для человека». Так что напрасно говорили о кочевнике Аттиле, Биче Божьем: «Трава больше не растёт там, где прошёл его конь».

Во время своих перекочёвок скотоводы, главное достояние которых — их стада, внимательно следят за погодой. В холодный сезон скотине постоянно угрожает резкое падение температуры, сопровождаемое снегопадом. Иногда пурга наметает так много снега, что животные не могут добраться до травы. Скотоводы-кочевники не делают запасов сухого корма, и мелкий скот может погибнуть за одну ночь. Выжить в таких случаях удаётся только якам и лошадям, первым — благодаря их длинной густой шерсти и способности разрывать снег копытами в поисках пропитания, вторым — благодаря высокому росту, который спасает их от опасности быть заметёнными снегом и позволяет находить места, где снега меньше. Другую опасность представляет ранняя оттепель, которая может привести к быстрому таянию снега и половодью, способному потопить скот. Опасны и внезапные сильные заморозки, которые заковывают всю растительность в настоящую ледовую броню.

На пути в Тибет швед Свен Хедин заметил, как неблагоприятные природные явления сокращают поголовье стад кочевников: «Верблюды доходят до вершины холма совершенно измождёнными и почти задохнувшимися... Они с какой-то меланхолией взирают на окружающие их безжизненные скалы, как будто потеряв всякую надежду когда-нибудь найти хорошее пастбище... День ото дня животные гибнут. Они не в силах долго выдержать трудные переходы и бескормицу... Из всей нашей скотины только овцы в превосходном состоянии: они привычны к скудным пастбищам и умеют находить пропитание среди скал и осыпей, где другим

животным это не удаётся».

Засуха — главная беда для скотоводов. Летом в некоторых районах суховеи порой уничтожают весь растительный покров земли. Трава высыхает до белизны и становится похожей на пыль.

Суровость природных условий требует от человека умения приспосабливаться к ним. Если земледельцы расширяют свои посевные площади, меняют выращиваемые культуры, создают запасы зерна, за счёт которых выживают, то скотоводы-кочевники таких возможностей не имеют. Они должны во время своих долгих перекочёвок постоянно искать подходящие пастбища для скота. Лошадям, которых ведут с высокогорных лугов в долины, требуется много густой травы, в то время как овцы и козы могут довольствоваться растительностью более сухих почв — полынью и луковичными. Яки кормятся на высокогорных склонах, а верблюды предпочитают растительность засушливых зон. Эти перемещения и непрерывные поиски пригодной для питья воды, постоянные заботы о сохранении скота составляют условия выживания кочевников.

Тэмучжин и его братья занялись делом, требующим не столько силы, сколько умения, — собирательством и ловлей рыбы на крючок или бреднем. Какими бы искусными ни были молодые охотники, далеко не каждый день им доставалась обильная добыча. Несомненно, у молодой вдовы Есугея было небольшое стадо: несколько десятков овец или коз, лошади и быки, которых запрягали в кибитки. Несмотря на то что у неё была своя, хотя и немногочисленная свита, состоявшая из родственников, а также слуг — в основном пленников, ставших рабами, жизнь была трудной. Кочевнику приходится собственноручно изготавливать, чинить и перевозить с собой всё своё имущество: войлочные кибитки, одежду, домашнюю утварь, различный инвентарь, шкуры. Об этом свидетельствует перечень повседневных работ монгольских кочевников, составленный Рубруком:

«Работа женщин состоит в том, что они должны управлять кибиткой, устанавливать и разбирать юрты, доить коров, сбивать масло и делать *грут* (род простокваши), обрабатывать и сшивать шкуры. Для этого они используют жилы, которые разделяют на тонкие полоски, а затем скручивают их в длинные нити. Они шьют также обувь и всевозможную одежду... А также изготавливают войлок и покрывают им свои жилища. Мужчины делают луки и стрелы, удила, уздечки, сёдла, строят остовы кибиток, повозки, охраняют лошадей, доят кобылиц, готовят из кобыльего молока *кумыс* и делают бурдюки для его хранения, следят за верблюдами и нагружают их поклажей. Они охраняют гурты овец и коз, которых доят и

женщины, и мужчины. Кислым и подсоленным овечьим молоком они обрабатывают шкуры».

С раннего утра Тэмучжин вместе с братьями и слугами занимался повседневными делами. Он рано научился ездить верхом на лошадях той особой породы, которую кочевники приручили около трёх тысяч лет тому назад. Ведь монголы скачут верхом с раннего возраста и проводят в седле значительную часть своей жизни, как у них принято говорить, «пока не сточатся стремяна». Одомашненный родственник знаменитого *таки*, или лошади Пржевальского, исчезнувшей на Западе и открытой в Центральной Азии русским исследователем, давшим ей своё имя, — это животное невысокого роста с короткими ногами обычно буланой или светло-гнедой масти. Но действительно ли это лошадь? Она весит всего 350 килограммов (вес кобылы зачастую не превышает и 300 килограммов), а рост её — около 130 сантиметров в холке, но, несмотря на это, монгольские лошади не имеют никакого отношения к пони.

Обычно жеребцов холостили в трёхлетнем возрасте, и эти мерины становились ездовыми животными, а лучшего жеребца оставляли на племя. Прежде чем седлать *таки*, их выезжали. Эта небольшая лошадь очень вынослива и незаменима в кочевой жизни. Особенно ценились у монголов иноходцы, которые скакали так плавно, словно скользили по льду, и якобы при этом можно было держать в руке чашу с водой и не расплескать её. Монголы часто преодолевали верхом большие расстояния.

Кочевник неразлучен со своим конём, для него он залог его мобильности, скорости, свободы. Эта настоящая страсть к лошади выражена во многих монгольских легендах и песнях. Так, например, поёт о коне современный акын:

*Уши подобны ушам волка,
Глаза, как утренние звёзды,
Холка — россыпь чудесных драгоценных камней,
Ноздри, как перламутр.*

.....

*(Он скачет так быстро) что стынет воздух,
Он может растоптать все живое.
Он преисполнен силы,
Да, таков конь, первый в табуне!*

Привыкшие к широким, открытым всем ветрам пространствам, монголы-скотоводы изобрели тип жилища, соответствующий их образу жизни, — юрту. Внешне совсем простой, непрочный, на взгляд людей оседлых, даже примитивный, шатёр кочевника представляет собой единственную форму жилища, позволяющую заниматься экстенсивным скотоводством при постоянных поисках новых пастбищ.

Традиционная монгольская юрта — она же распространена у калмыков, казахов и у других тюркско-монгольских народов — до сих пор не вышла из употребления даже среди населения, в той или иной степени перешедшего на оседлость, как это мы видим в современной Монголии. Этот шатёр, по-монгольски *гер*, несколько не изменился с той поры, когда его описал фламандец Гийом де Рубрук:

«Дом, в котором они обитают, делается на круглой основе из шестов, сходящихся к вершине у круглого отверстия, через которое выходит наружу некое подобие печной трубы; они покрывают каркас белым войлоком, который нередко обмазывают известью или белой глиной или костной мукой, чтобы придать ему ярко-белый цвет. Иногда они используют и чёрный войлок. Войлочную кайму вокруг верхнего отверстия украшают красивыми узорами. Вход завешивается также войлочным, искусно украшенным пологом. Они нашивают на войлочную основу войлочные же цветные узоры в форме деревьев, ветвей, фигурки птиц и животных. Эти их дома такие просторные, что иногда достигают тридцати футов в ширину».

Кочевники изготавливают свои дома из подручных материалов — войлока и дерева. Овцы, от которых у них «ничто не пропадает» (мясо, молоко, шкуры, кости), служат главным поставщиком войлока благодаря сезонной стрижке. Войлок делается без прядения и тканья валянием овечьей шерсти на предварительно увлажнённой подставке с нанесением сверху жира. Затем шерстяные волокна плотно сжимают, и получается, в зависимости от способа изготовления, войлок большей или меньшей прочности и эластичности.

Шатёр состоит из двух частей: войлочного покрытия и каркаса. Каркас плетут сначала из лозы (*хана*), чаще всего можжевельника или вербы. Очищенные от коры ветви рассекают вдоль, и получаются тонкие, слегка загнутые рейки. Затем их переплетают, делая решётку наподобие сети, которую можно складывать. Эта решётка образует наружную «стену» шатра высотой по плечо человека. Между двумя решётками оставляют

просвет, куда помещают дверную раму, которая будет держать дверь. Летом её заменяют войлочным или тканым пологом. По всей окружности «стены» через равные промежутки устанавливаются высокие шесты, которые сходятся наверху, как арматура зонта. Там их закрепляют в тяжёлом кольце из твёрдого дерева, которое своим весом держит всю конструкцию и придаёт ей устойчивость.

Этот каркас монголы покрывают широкими прямоугольными или трапециевидными пластинами войлока (кошма). В зависимости от климатических условий кладут четыре, пять или восемь слоёв войлока, которые закрепляют с помощью веревок. Потом, как свидетельствовал Рубрук, войлок пропитывают жиром, чтобы не пропускал воду, и белят известью.

Монгольская юрта, благодаря прочной цилиндрической конструкции, отлично выдерживает непогоду. Войлочное покрытие обычно служит пять лет, а каркас — до пятнадцати лет. Таковую юрту могут собрать в течение часа два человека. Весит она около 200 килограммов, из которых 150 приходится на войлок. Одно из преимуществ этого жилища состоит в том, что для его перевозки достаточно двух тягловых животных (быков, яков или верблюдов). В случае внезапного отъезда на повозку ставят полностью собранную юрту. Средневековые путешественники наблюдали караваны парадных шатров на повозках, в которые были запряжены от десяти до двадцати животных. Периодически юрты в собранном виде переносят с одного места на другое, чтобы избавиться от накопившихся отходов и золы.

Юрта всегда строго ориентирована с учётом местной розы ветров, а также в соответствии с указаниями шаманов, которые определяют благоприятные и неблагоприятные направления. В большинстве случаев юрта бывает обращена входом к югу, «чтобы принимать солнце и друзей». Дотрагиваться до дверных косяков и верёвочной обвязки запрещено, это табу. Рубрук сообщает о том, как были разгневаны монголы, когда один монах, брат Бартелеми, по неловкости нарушил этот запрет.

Внутри юрта организована согласно определённом порядку. Помещение разделено на четыре части. В глубине напротив входа — пространство хозяина дома, его жены и детей. Направо, также напротив входа, — почётное место. Гости располагаются на двух остальных частях помещения, мужчины и женщины отдельно: первые — на западной стороне, вторые — на восточной. Их разделяет незримая, но строго соблюдаемая граница. Слуги и бедные родственники держатся ближе к выходу, рядом с мелким скотом, который во время зимних холодов нередко заводят внутрь. В глубине юрты находится нечто вроде общего ложа. В

центре расположен очаг, на котором женщины готовят пищу. Дымовое отверстие над очагом позволяет проветривать помещение.

Предметы домашнего обихода традиционно размещают в определённом порядке. По стенам юрты лежат мешки и бурдюки с запасами продовольствия, сундуки с одеждой, посуда. Молочные продукты всегда хранят в самой прохладной части помещения. Принято также держать отдельно предметы «мужские» (сёдла, оружие) и «женские». Если хозяин дома богат, то юрту его украшают ковры, подушки, аппликации на войлоке чаще всего с зооморфным орнаментом. Нередко состоятельные кочевники имеют дополнительные, «служебные» шатры, в которых хранят своё добро и размещают слуг.

Позади почётного места в юрте устанавливают идолов. «Над головой хозяина, — пишет Рубрук, — всегда есть некий образ, что-то вроде куклы или фигуры из войлока, которая называется «брат хозяина», и другой — над головой хозяйки, называемый «братом хозяйки», которые прикреплены к перегородке, а выше между ними — ещё одна небольшая фигурка, хранительница дома».

Плано Карпини сообщает другие подробности об этой «священной»-части жилища монгольского кочевника: «Монголы верят в Бога, создателя видимого и невидимого миров, который здесь на земле дарует блага и назначает наказания. Но они не обращаются к нему ни с молитвами, ни с просьбами, ни с восхвалениями и не выполняют в его честь какого-либо обряда. Притом они делают из войлока человекоподобных идолов и ставят их по обеим сторонам от входа в шатёр на подножие из того же материала в форме женских грудей. Эти божества почитаются у них как хранители стад: они обеспечивают молоко и приплод у животных».

Этот вид идолопоклонства появился у монголов довольно поздно. Они символически «кормили» эти войлочные фигурки, смазывая им рот жиром и взывая к их помощи в случае болезни. Сосцы божеств-хранительниц указывают на то, что за ними признавали способность благоприятствовать плодovitости. Но назначение их могло быть иным. Рубрук отметил, что монголы считали их родственниками хозяев («брат хозяина» и «брат предков хозяйки»), а Плано Карпини рассказывает, что ему под страхом смерти запретили снимать эти фигурки с повозки, что стояла рядом с юртой. Некоторые из этих антропоморфных фигурок могли находиться только в предназначенном для них месте, и это даёт основание полагать, что они служили у монголов символическим изображением предков, которым, по-видимому, был посвящён некий обряд почитания.

Следует также отметить, что вентиляционное отверстие, через которое

выходил дым от очага, имеет космогоническое значение: это нисхождение небесного света к домашнему очагу, и через это отверстие божества проникают внутрь жилища. Глазок в крыше юрты есть небесное Око, из которого нисходит свет. Как мы помним, именно так, согласно преданию, произошло зачатие Чингисхана.

Сырое и варёное

«Пищу принимают, — свидетельствовал Рубрук, — только по вечерам. Утром только пьют или едят просо. Но вечером нам подали мясо, баранью лопатку вместе с рёбрами, а также налили мясного бульона. Когда мы выпили этого бульона, то почувствовали, что превосходно подкрепились, и это питьё показалось мне самым здоровым и питательным... Иногда за отсутствием топлива приходилось есть полусырое или почти сырое мясо».

Домашний скот обеспечивал кочевникам всё необходимое: жильё, пищу, материалы для ремесла. Хозяйство монголов основывалось на этой теснейшей связи между человеком и животным. Хотя для скотоводов немалое значение имели охота и рыбная ловля, а иногда они выменивали некоторые продукты земледелия у осёдлого населения, жили они преимущественно за счёт своих стад, которые служили им одновременно и средством производства, и предметом потребления.

Основу их питания составляли молочные и мясные продукты. Монголы предпочитали разводить на мясо овец и коз, поскольку они быстро приносили приплод, а уход за ними требовался только в течение непродолжительного периода. Они ели жареную баранину и козлятину, но чаще варили мясо, добавляя в бульон ароматные травы. В описываемое нами время у кочевников изобилия мясной пищи не было, и приходилось беречь скот, особенно если он был недостаточно упитанным. Заметим, что современные монголы, по официальным данным, потребляют в день по 500 граммов мяса на человека.

Наверняка Тэмучжину и его близким такого количества не доставалось. Путешественники, описывая меню монголов, обычно отмечали его однообразие. «Относительно их питания и продовольствия вы узнаете, что они едят мясо животных, как забитых, так и павших... Мяса одного барана у них может хватить на пятьдесят и даже сто человек. Они режут его на мелкие куски и замачивают в миске с солёной водой, никаких соусов не используют», — писал тот же Рубрук. Посланник папы Иннокентия IV откровенно признавал, что пища монголов ему не по вкусу:

«Монголы употребляют в пищу всё съедобное: собак, волков, лис, лошадей, а при нужде и человеческое мясо. <...> Они используют даже конский навоз. Нам доводилось видеть, как они перекусывали насекомыми. <...> И даже ели мышей».

Можно не сомневаться, что оба прибывшие из Франции священнослужителя привыкли у себя дома к другим деликатесам. Даже если Плано Карпини и сгущает краски, большое число других свидетельств подтверждает, что меню монголов было далеко от гастрономических изысков. Некоторые авторы с отвращением описывали один удивительный обычай, чаще всего приписываемый гуннам: разогреть или размягчать кусок мяса, поместив его между ягодицами своего ездового животного либо под седло. Амьен Марселей, который воевал против кочевников, а также Жан де Жуанвиль, сподвижник короля Людовика Святого, упоминают об этом же обычае у монголов. Но, даже учитывая варварские нравы кочевников, эти описания представляются сомнительными. Помимо того что извальянное в шерсти и пропитанное потом животного мясо отнюдь не выигрывает во вкусе и аромате, эффективность такого способа весьма маловероятна.

Рубрук так описывает принятый у монголов способ приготовления мяса: «Если случается, что падёт бык или конь, они сушат его мясо: разрезают на узкие полоски и вывешивают на солнце и ветре без использования соли, и при этом не выделяется ни малейшего запаха». Вероятно, отсюда происходит название одной из разновидностей сушёного мяса: «татарский бифштекс». Приготовленное таким способом мясо напоминает пеммикан из бизона североамериканских охотников-индейцев, копчёное мясо дикого быка аборигенов Карибского бассейна или свинину *ча бон* у вьетнамцев. Это сушёное и прессованное, обработанное ферментами, иногда солёное мясо. Оно хорошо сохраняется и чрезвычайно питательно. Его либо жуют, либо разделяют на волокна, либо истирают в порошок, который добавляют в бульон. Несколько кусков сушёного мяса, прикреплённых к седлу, и бурдюк с кислым молоком полностью обеспечивают пропитание всаднику, отправляющемуся в далёкий поход. В эпоху, когда армии не имели интендантских служб и было трудно раздобыть пропитание в завоёванной стране, такая продовольственная самообеспеченность монголов, несомненно, облегчала продвижение войскам Чингисхана.

Вторая по важности пища кочевников — молоко и продукты из него («белая пища»). Монголы хранили молоко коз, овец, коров, верблюдиц и кобылиц в бурдюках, то есть кожаных мешках. Надои были небольшими: в

наши дни в условиях степи корова даёт 350 литров молока в год, то есть примерно по литру в день. От кобылы можно получить более двух литров за пять или шесть дневных доек. Доили, как правило, мужчины. Чтобы молоко сохранить, его сквашивали, делали творог, *югурт* (от тюркского глагола «сгущать»), сыры или кумыс (ферментированное молоко, обычно кобылье). Сыр, известный ещё с эпохи неолита, когда его хранили в деревянных ёмкостях, относится к самым древним пищевым продуктам. Благодаря своей питательности он всегда высоко ценился скотоводами. Монголы варят сыр, чтобы удалить из него воду, и сохраняют его вплоть до зимы. Они сквашивают молоко, доводят его до кипения, после чего из полученного творога лепят сырные шары, которые со временем становятся твёрдыми, как камень. Это сквашенное молоко (*хуруд* — отсюда английское *curd*) заливают водой, взбивают и в таком виде пьют.

Тэмучжин видел, как служанки, а возможно, и его мать готовили кумыс, напиток, который подают почти к каждому блюду. Молоко в кожаных бурдюках выставляют на солнце или помещают в юрте. Чтобы ускорить процесс ферментации, молоко помешивают особыми ковшками. Дотронуться до этих бурдюков считается жестом вежливости со стороны гостей, входящих в юрту. Такое кислое и слегка ферментированное, содержащее до пяти процентов алкоголя молоко благодаря присутствию в нём протеинов и витаминов может заменить твёрдую пищу. Этот освежающий напиток под названием *айрак* оставляет во рту, по словам Рубрука, «вкус миндального молока». Монголы поглощают его в огромных количествах.

Фламандский монах-францисканец упоминает также *каракомос*, напиток, по-видимому, предназначавшийся для людей знатных. Это чёрный кумыс (*кара кумыс*), называемый так потому, что его делали из молока от кобылы чёрной масти. Помимо этого монголы пили некое подобие браги под названием *баль*, рисовое пиво, которое получали из Китая, и, наконец, *архи* — напиток индийского происхождения, попавший в Монголию через Туркестан тем же самым путём и в те же времена, что и буддизм. Этот алкогольный напиток, производство которого было впервые засвидетельствовано во второй половине XIII века, получают путём медленного кипячения скисшего молока в котле с приспособлением для конденсации паров алкоголя. Архимандрит Палладий отмечает, что калмыки хранят молоко «в желудке зарезанного барана». Эти напитки перевозили в бурдюках на колесах (*юнду*: «мохнатая повозка»), в которые запрягали кобыл, о чём упоминается в «Истории династии Юань».

Сбор съедобных растений, охота, постоянный надзор за скотом и охрана его от грабителей, клеймение животных — в этих больших и малых делах и заботах проходила жизнь молодого Тэмучжина.

В условиях, непригодных для земледелия, кочевники пасли своих животных на малопродуктивных землях. Отсюда постоянные перемещения со скотом с одного пастбища на другое в зависимости от времени года и роста тех или иных трав. Альпийские луга, долины, южные и северные склоны гор, места водопоя не являются чьей-то собственностью. Для кочевника вся земля — это огромное общее поле. Довольствуясь лишь самым необходимым, скотовод-монгол владеет только тем, что везёт с собой: стадо, несколько повозок, нагруженных разобранной юртой, вещами и хозяйственной утварью. Набирать что-то лишнее значило бы ограничивать свою мобильность. Ему привычно чувствовать себя налегке и свободным от лишних пут. Каждая стоянка для него — лишь временное пристанище. Но эти перемещения суть не просто бродяжничество, они подчиняются определённым правилам. Территории выпаса определяются долгой традицией, и кочевник знает, где его земля; согласно обычаям, правам или привилегиям он располагает тем или иным количеством юрт.

Если средневековый крестьянин-земледелец жил на пространстве с определёнными границами, то пастбищные угодья кочевника сокращались или увеличивались в результате засухи и других природных явлений. У земледельца есть и своя постоянная пристань (деревня), и свои ограничения (размер пахотной земли). Для него участок земли, который он обрабатывает и размеры которого определяются правами собственности, есть основа стабильности. Жизнь осёдлого крестьянина определяется геометрией. Жизнь кочевников — географией. Первый оставляет свою землю и свою деревню только в исключительных случаях, таких как войны, эпидемии, экспроприации. Второй привязан к определённому месту лишь на то время, пока там пасётся его скот.

В конце XII века в Азии, как и на Западе, крестьяне уже не содержали свои семьи в условиях полной автаркии. Земледельцы обеспечивали существование других социальных групп: ремесленников, жрецов, знати, торговцев. Находившаяся в чьей-либо собственности или сдаваемая в аренду земля была источником богатств. Для средневекового крестьянина кочевники, у которых нет ни кола ни двора, были опасными пришельцами. Ведь на протяжении столетий вторжения гуннов, германцев, славян

подрывали осёдлые социумы.

Конечно, и осёдлое население смешивало карты на столе, веками вгрызаясь в целинные земли и превращая их в пахотные. Их обнесённые стенами поселения и укреплённые города ограничивали свободу передвижения кочевников, а новые пашни сокращали пространство степей, которое сжималось как шагреневая кожа. В этом был смысл исторического противоборства двух типов цивилизации. В глазах монголов, как и других кочевых народов, которым непонятно столь тесное соприкосновение человека с землёй, пуповина, связывающая крестьянина с его пашней, — это какое-то уродство. Пока земледелец ждёт подходящего времени для сбора урожая, кочевник устремляется вдаль, где рассчитывает найти обильные пастбища. На землешца работает время, на кочевника — пространство. Для монгольских скотоводов земледельцы — всего лишь рабы земли. Кочевники любят шутить по этому поводу, утверждая, что крестьянин «не может пройти дальше, чем беременная женщина, отправившаяся помочиться».

Эта упорная вражда между кочевниками и оседлыми земледельцами продолжалась в течение тысячелетий и сохраняется поныне в разных регионах земли. Достаточно упомянуть о том защитном рефлексе, который проявляется у жителей Европы при контакте с цыганами. Такого же рода антагонизм мы увидим, когда монголы нападут на обширные азиатские империи. В течение веков вступая в конфликтные отношения с оседлым населением, они сохранили собственные социальные кодексы. Их способ существования выработал особый психотип и оригинальные особенности поведения. Кроме того, в силу своей мобильности монголы культивируют два смежных вида деятельности — торговлю и войну. Первая позволяет им обзаводиться тем, чего у них нет: зерном, ремесленными изделиями, в частности тканями. Вторая служит подходящим средством добыть дополнительные ресурсы: скот, пленников, оружие.

Братоубийство

Жизнь семейства Оэлун не была лёгкой. Добытая белка, пойманная рыба, горсть земляники или других ягод являлись настоящим сокровищем для обитателей войлочной юрты. И из-за этого между детьми вскоре начались раздоры. Хроника сообщает, что Тэмучжин, которому было тогда 12 или 13 лет, и его брат Джучи-Хасар поссорились с Бектером и Бэлгутэем из-за пойманной в ручье рыбы. Первые двое обвинили двух других в том,

что они украли их улов, и пошли к Оэлун, чтобы она их рассудила. Та, как умная мать, не поддержала ни одного из них и объяснила, что их сила в единстве, особенно когда семья в беде: «Как вы можете, старшие и младшие братья, идти друг против друга? У нас нет друзей, кроме собственной тени».

Но Тэмучжин и его брат Джучи-Хасар не прислушались к мудрым словам матери. Их вспыльчивость и злопамятность вскоре стали причиной драмы. Однажды подростки повздорили из-за подбитого кем-то из них жаворонка, и Тэмучжин с Джучи-Хасаром закололи Бектера копьями. Согласно авторам «Заповедной истории», убийство было преднамеренным. Тэмучжин подкрался к своему сводному брату сзади, пряча копье за спиной, а Джучи-Хасар шёл ему навстречу. Бектер, угадав их намерение, напомнил им слова матери и умолял пощадить его. Но всё было напрасно. Оба брата метнули в него короткие копья «словно в цель». Увидев Тэмучжина и его брата с понуро опущенными головами, Оэлун попыталась объяснить им, какое злодейство они совершили. Защищая перед собственными сыновьями не родного ей ребёнка, она осыпала их упрёками, называла свирепыми тиграми и подлыми змеями, а Тэмучжина сравнила с «ястребом, который бросается на свою тень», с «собакой, грызущей свою плаценту» и с «селезнем, пожирающим своих утят».

Холодная решительность, мстительность и пренебрежение к чужой жизни, по-видимому, уже в отроческом возрасте стали главными свойствами натуры Тэмучжина. Но для подростка, который без колебаний был готов убить всякого, кто встал на его пути, даже если это собственный брат, испытания только начинались.

Глава IV

СОБОЛЬЯ ШУБА

Когда монголы замечают врага, они приближаются к нему и выпускают каждый по три или четыре стрелы. Если они не надеются победить, то притворно отступают, стараясь заманить противника в тщательно подготовленную засаду. Горе тому врагу, кто, решив их преследовать, угодит в ловушку: татары сразу же окружают его, наносят удары и уничтожают.

Плано Карпини. История монголов

Браня своих драчливых сыновей, убеждая, что у них нет друзей, кроме собственной тени, Оэлун была права. Закалённые в испытаниях, нередко голодные, как волчата (в хронике сообщается, что они питались «мелкой или покалеченной рыбой»), сыновья Есугея постепенно выросли. Пережитые невзгоды не сломили их.

Но их способность противостоять трудностям жизни и идти наперекор судьбе вскоре стала известна Таргутаю-Кирэлтух, вождю тайджиутов, тому самому, который когда-то приказал оставить Оэлун с её семейством, сделав их тем самым изгнанниками. Кирэлтух увидел в братьях-подростках угрозу для себя, поскольку отлично понимал, что виноват в том, что семья его бывшего вождя Есугея бедствовала. «Сопляки выросли», — сказал он себе и решил, что ещё не поздно покончить с орлиным выводком.

Похищение Тэмучжина

И вот однажды неподалёку от юрты Оэлун появилась группа из нескольких тайджиутов. Обитатели юрты сразу почуяли опасность. Но что сделаешь против вооружённых людей, явившихся по твою душу? Только бежать. Больше других следовало остерегаться Тэмучжину, которому было тогда около пятнадцати лет. И он тут же скрылся в соседнем лесу. За ним последовали братья. Они быстро соорудили завал из сухих веток, за

которым можно было укрыться и дать бой врагу. Но тайджиуты, явно не хотевшие терять людей при штурме этой преграды, предпочли сделать братьям предложение: они уйдут, если им выдадут Тэмучжина. Тот, сообразив, что его сделали ставкой в этой игре, ускользнул в густой лес, покрывавший соседние холмы. Осмотрев густые заросли, в которых скрылся подросток, тайджиуты спешили и начали взбираться по склону сопки, покрытому соснами и лиственницами. Кирэлтух выстроил своих людей цепью, чтобы беглец не смог проскочить между ними. Расчёт был на то, что усталость, жажда и голод заставят волка выйти из своего логова. Тэмучжин, с которым был его конь, несколько раз пытался быстрым рывком преодолеть заслон, но его неизменно засекали. В «Сокровенном сказании» повествуется, что он провёл в лесу девять дней и девять ночей, прежде чем рискнул перебраться в другое укрытие, но там, к несчастью, его поджидала засада. Его тут же связали кожаными ремнями и привели к вождю тайджиутов.

Кирэлтух, который мог немедленно его убить, проявил милосердие. То ли ему понравилась смелость подростка, то ли он пожалел его, то ли решил отложить расправу на потом? Этого мы не знаем. Известно только, что он приказал своим людям посадить пленника в деревянные колодки. Эта пытка, известная в Китае с давних времён, считается особенно позорной потому, что пленник вынужден сидеть в очень неудобной, смешной и унижительной позе. Тэмучжину пришлось не один день провести в таком положении, и монгольский летописец рассказывает, что, когда он пытался передвигаться от одной юрты к другой, все выходили потешаться над ним.

Пылкого юношу, униженного и обозлённого, поддерживало желание мести, и он искал способ бежать. «Шестнадцатого числа первого летнего месяца, в день красного диска» тайджиуты отмечали на берегу реки Онон какой-то праздник. К пленнику приставили стражу — подростка. Тэмучжин сразу же понял, что, набравшись терпения, сможет избавиться от своего не очень крепкого тюремщика. Кругом громко пели, много пили, и никому не было дела до пленника. И он воспользовался случаем: приблизился к юному стражу, кинулся на него, сбил с ног и был таков.

Через какое-то время тайджиуты хватились бегльца и немедленно пустились в погоню. Было полнолуние. Преследователи, возбуждённые неожиданной охотой на человека, подавали сигналы друг другу зажжёнными факелами. «Сокровенное сказание» не даёт подробного описания этого события. Но мы можем представить положение Тэмучжина, притаившегося на берегу реки среди камышей, в то время как

преследователи переговариваются друг с другом, ругательствами заглушая плеск тёмных волн.

И здесь судьба оказалась благосклонной к Тэмучжину. Один из преследователей заметил беглеца в колодке, сидевшего по шею в воде. Но почему-то этот человек по имени Сорган-Шира, один из вассалов тайджиутов, промолчал. Что было тому причиной? Жалость, память о Есугее или же он имел что-то против тайджиутов? В сказании монголов говорится, что Сорган-Шира постарался направить преследователей Тэмучжина по ложному следу. Устав от напрасных поисков, тайджиуты вернулись в свои юрты, решив продолжить преследование на следующий день. Далеко ли уйдёт человек с колодкой на шее, пешком и без оружия?

Вместо того чтобы последовать совету Сорган-Шира и окольными путями вернуться в семейное становище, Тэмучжин решил действовать по-своему: осторожно вышел из воды и сумел добраться до юрты своего спасителя. Тэмучжин верно рассчитал: если тот откажется его приютить, он может пригрозить его выдать, рассказав, как он дал ему уйти. Сорган-Шира поначалу не соглашался принять у себя беглеца, опасаясь, что это может для него плохо кончиться. Но сыновья уговорили его исполнить просьбу Тэмучжина. Его освободили от колодок, накормили и, разумеется, спрятали.

На следующий день тайджиуты с удвоенным усердием принялись обшаривать каждый куст на берегу, а затем стали обыскивать юрты. Сорган-Шира успел вывести гостя и спрятал его в повозке, нагруженной шерстью. Когда один из обыскивающих подошёл к повозке и уже собрался проткнуть кучу шерсти длинным копьём, Сорган-Шира ещё раз спас Тэмучжина, заметив как бы вскользь, что вряд ли найдётся чудак, который в такую страшную жару сможет усидеть под грудой шерсти. Замечание показалось человеку с копьём убедительным, и он удалился. Вскоре Тэмучжин покинул эти опасные места, получив от своего щедрого спасителя в дорогу осёдланную лошадь, лук с двумя стрелами, жареного ягнёнка и два бурдюка с молоком.

Тэмучжин доскакал до семейного становища, находя дорогу по следам, оставленным тайджиутами в тот день, когда они его схватили. Известно, что кочевники умеют читать следы, оставленные животными, и способны даже различать следы самок и самцов, больных животных, а также узнавать по следам некоторые сведения о сопровождавших их людях.

Вернувшись домой, юноша, вероятно, был встречен семьёй как герой и занял в ней подобающее место. Решено было уйти на новую стоянку, как можно дальше от тайджиутов. Вскоре семья обосновалась в холмистом

районе, относящемся к массиву Хэнтэй, около Синего озера. Как и прежде, жизнь семьи была полна трудов и забот: уход за скотом, доение, взбивание молока, заготовка дров поглощали большую часть времени.

Охота

Итак, развлечений у подростков было немного, если не считать верховой езды, а также игр, которые до сих пор в большом почёте у кочевников: на полном скаку поднять зубами шапку или кусок ткани с земли или же поразить одним ударом копья вбитый в землю кол.

Другим излюбленным занятием была охота, которая позволяла совершенствоваться в боевых навыках. На мелких животных ставили капканы, но охотились и на куланов или таки, диких степных ослов, которых, догнав, ловили с помощью петли, закреплённой на шесте. Позднее, когда под началом Тэмучжина были десятки тысяч воинов, он, сохранив своё пристрастие к охоте, устраивал грандиозные облавы.

Несомненно, он с самого раннего возраста участвовал и в соколиной охоте, которую венецианец Марко Поло описал, рассказывая о Хубилайхане, внуке Тэмучжина. «После того как Господин провёл в своём излюбленном городе три месяца — декабрь, январь и февраль, он в первый день марта направился на юг, к Океаническому морю, что в двух днях пути оттуда. С ним ехали десять тысяч сокольников, которые везли пятьсот кречетов, соколов, а также ястребов для охоты на водных птиц».

Соколиная охота у монголов особенно ценилась. Этот вид охоты с участием хищных пернатых требует мастерской дрессировки и глубокого знания повадок птиц. Сначала берут из гнезда птенцов подходящего вида, чаще всего ястребов и соколов, а иногда и орлов, которые способны добывать более крупную дичь, например оленевых. Птенец, не способный самостоятельно найти себе пропитание, полностью зависит от своего хозяина. Тот день за днём обучает птицу хватать добычу в виде приманки — комка перьев или войлока, намазанного жиром животного. Инстинкт хищника заставляет птицу сначала хватать эту искусственную пищу, а затем она быстро приучается брать и настоящую добычу, которую ей укажут. К тому же кормовые предпочтения у хищных пернатых бывают врождёнными, и потому их обучают охоте на определённый вид добычи — млекопитающих или птиц, кроликов или перепёлок. После долгих недель проб и ошибок подготовленных птиц берут на настоящую охоту. Сокольники везут их, держа на кожаной перчатке. Более тяжёлые орлы

чаще сидят на седле.

Соколиная охота может длиться часами. Всадники и птицы изучают местность, стараясь при этом не издавать никаких звуков. Иногда первым дичь обнаруживает охотник, иногда сокол, голова которого в это время свободна от клобучка. Заметив животное, охотник «запускает» на него птицу. Сокол взмывает вверх и оттуда пикирует, преследуя рябчика в полёте или бегающий между камнями комок шерсти. Пролетая над добычей, птица оценивает расстояние до неё и скорость её перемещения, а также инстинктивно выделяет наименее подвижную и самую уязвимую цель. Потом она падает на неё, хватает её когтями и клюёт в голову, чтобы убить. Попадись в её когти перепёлка, захваченная в полёте, или заяц, застигнутый возле своей норы, хищная птица неизменно принимает угрожающую позу и закрывает крыльями добычу. Сокольнику в это время надо как можно быстрее спешиться и вырвать у птицы дичь, которую та уже начала разрывать клювом. Охотник достаёт специально припасённый кусок мяса, например голову мыши, и быстро подменяет им добычу птицы. Этот кусок падали оказывается единственным вознаграждением сокола. Хищным птицам нередко случается на охоте и промахиваться. Немногие ястребы и орлы способны взять несколько животных подряд. Они либо быстро устают, либо просто отказываются возобновлять преследование добычи. Ведь только человек охотится ради удовольствия.

Сколько раз Тэмучжин участвовал в этих ритуальных играх, где каждый стремился показать себя лучшим наездником! Но пока что это были самые трудные времена для его семьи, у которой, как сообщает хроника, было всего-навсего девять лошадей буланой масти. Однажды наездники-тайджиуты угнали восемь из них. Подобные случаи были у кочевников обыкновенным явлением и нередко служили причиной кровной мести между кланами, которая часто переходила от поколения к поколению. Ни клеймение, ни сторожевые собаки не могли уберечь скот и лошадей от набегов, устраиваемых с целью пополнить собственное стадо, сократившееся в результате болезней или нападения хищных зверей, а то и просто грабежа как такового.

Потеря восьми лошадей из девяти обрушилась на семью Тэмучжина как удар молнии. Как выжить без ездовых животных?! Пастись скот пешком было невозможно. Тэмучжин, оседлав единственного оставшегося у него коня, пустился в погоню за конокрадами. В течение двух дней он шёл по их следам. По счастливой случайности, какой-то повстречавшийся ему пастух сказал, что видел группу всадников, гнавших восьмерых лошадей, и назвал их масть. И Тэмучжин поскакал за своим добром, взяв в попутчики

молодого пастуха. Подросткам удалось нагнать воров и вернуть похищенных коней, не доводя дела до драки. Вернув свой небольшой табун, Тэмучжин предложил пастуху, которого звали Боорчу, взять половину его, но тот от дара отказался, объяснив, что просто хотел оказать услугу. Такое бескорыстие тронуло Тэмучжина, и вскоре между двумя молодыми людьми завязалась дружба, которая никогда не прерывалась. Боорчу привёл Тэмучжина к своему отцу. После трапезы, на которой хозяин угостил его жареным на вертеле молочным ягнёнком, Тэмучжин вернулся в семейное становище.

Не столь уж яркие подвиги — может подумать читатель. Ктому же авторы «Сокровенного сказания», вероятно, постарались показать своего героя в самом выгодном свете. Но не будем забывать, что Тэмучжин был ещё слишком юн и только начинал показывать, на что он способен.

Исполненное обещание

Шли годы, и жизнь Тэмучжина и его близких заметно улучшалась. Излишеств не было, но табун пополнялся, красивые жеребцы обещали хорошее потомство. Как обычно, семья кочевала по верхнему течению Онона, а также на территории хонгиратов, в том месте, где Керулен впадает в озеро Кулун.

Именно в этих краях уже ставший взрослым Тэмучжин возобновил отношения с Даем Мудрецом, которого он не видел со дня смерти своего отца — около семи лет. Однажды он вместе со своим сводным братом Бэлгутэем отправился к хонгиратам за своей суженой Бортэ, которой в ту пору было 16 лет. Несмотря на прошедшие трудные годы и на трагическую смерть Есугея, Дай Мудрец подтвердил уговор, который был у него с покойным, и, верный своему слову, согласился отдать дочь за Тэмучжина. Вручая ему судьбу юной Бортэ, он, согласно обычаю, дал за ней приданое в виде слуг и имущества.

«Сокровенное сказание» не содержит сведений о брачной церемонии. Плано Карпини и Рубрук сообщают, что монголы покупают себе невест и что жених похищает свою будущую супругу из семьи родителей, «как бы насильно увозит её в свой дом». Тюрко-монгольская игра *кёкбёри* («серый волк»), более известная под персидским названием *бузкаши* («козлодрание»), в которой всадники соперничают за обладание тушей козла или барана, вероятно, может считаться пережитком архаического брачного ритуала.

Неизвестно, сколько заплатил Тэмучжин за свою невесту, в приданое которой входил *ситкюль* — подарок для будущей свекрови. То был, можно сказать, царский подарок — соболья шуба, которая позднее сыграет немаловажную роль в возвышении Тэмучжина. Союз Бортэ и Тэмучжина был, по-видимому, браком и по расчёту, и по любви. В «Сокровенном сказании» говорится, что девушки хонгиратов славились своей красотой...

Став женатым человеком, Тэмучжин, хотя и не был богат, мог рассчитывать на поддержку семьи и клана. После трудных лет бродяжничества, бегства, унижительного плена наступила пора завязывать новые связи, чтобы вырваться за пределы юрты. Заключив брак с Бортэ, он приобрёл уверенность в себе. И супруга сыграла в этом не последнюю роль. Она не только обеспечивала мужу поддержку со стороны своих родственников, но и помогала ему силой своего характера. Умная, решительная и в то же время осторожная, Бортэ стала для Тэмучжина хорошей советчицей. В некоторых случаях её мнение оказывалось решающим. Потом у Тэмучжина появилось много других жён и наложниц, но он навсегда сохранил привязанность к своей первой супруге.

Юрты и племена

В конце XII века в Центральной Азии происходили бурные политические события. На пространстве от берегов Тихого океана до Каспия крупные государства с осёдлым населением, наследники древних цивилизаций, существовали бок о бок с беспокойными, зачастую крайне недолговечными кочевыми образованиями.

Положение Китая после падения династии Ляо (1125 год) было сложным. Весь юг вплоть до восточных рубежей входил в состав империи Сун, главным центром и столицей которой был расположенный на морском берегу город Ханьчжоу. Возникшее в 960 году в результате военного мятежа, это государство восстановило гражданское управление и достигло могущества и славы. Эпоху правления династии Сун считают золотым веком китайской истории.

Север страны, то есть провинции, которые пересекает Жёлтая река, а также часть Маньчжурии с 1115 года находились под властью чжурчжэней. Бывшие кочевники тунгусского происхождения, чжурчжэни вступили в союз с правителями династии Сун с целью совместного захвата Северного Китая, но позднее усвоили китайские основы государственного управления и военного дела.

Западнее, в районе обширной дельты Жёлтой реки и в Северном Ганьсу, сложилось государство Си Ся. Его народ, родственник тибетцам, столицей своей империи сделал город Нинся. На севере Западной Азии, к югу от Аральского моря и вплоть до Персидского залива, территории современного Ирана, Западного Афганистана, а также Туркменистана и Узбекистана входили в состав обширной империи хорезмшахов со смешанным ирано-тюркским населением. На северо-востоке с ней граничило государство каракитаев (кара-киданей), территория которого примерно соответствует современным Киргизстану и Казахстану, а помимо этого включала в себя часть китайского пустынного района Такла-Макан. Управлялось оно монгольской по происхождению, но китаизированной кочевой знатью. К 1140 году каракитаем удалось подчинить себе тюркские княжества караханидов, занимавшие территорию к северу от Амударьи и часть Такла-Макана, а также Хорезм, пока последний в начале XIII столетия не расширил свои владения за счёт соседних государств. Каракитаем подчинялись также уйгуры, тюркский народ, часть которого приняла христианскую веру.

Обширные степи на окраинах этих крупных государств были изменчивым и беспокойным достоянием кочевников. Простираясь почти на три тысячи километров, гранича на востоке с Маньчжурией и на западе с озером Балхаш, эти земли включают в себя истоки великих сибирских рек Иртыша, Енисея, Оби, Витима и Аргуна.

По причине отсутствия у кочевых народов письменности и долговечных построек их история остаётся до сих пор малоизученной. Прототунгусы Маньчжурии и Восточной Монголии, прототюрки Монголии и обширных территорий, простирающихся в направлении Алтая и Балхаша, а позднее протомонголы составляли сложную этническую мозаику. Примерно в течение трёх тысяч лет эти кочевые народы соперничали с осёдлыми, которые сдерживали их экспансию на свои земли. Уже за 15 столетий до новой эры китайские земледельцы были вынуждены противостоять давлению кочевников. Автор хроники Сыма Цянь сообщает о массовом бегстве населения северных княжеств и о набегах кочевников на освоенные китайскими крестьянами целинные земли.

Эта глубокая враждебность между народами с двумя разными способами существования вошла в сознание людей и нашла отражение даже в китайской письменности. Вплоть до языковой реформы 1950-х годов китайцы для обозначения «варварских» народов использовали слова, заключавшие в себе понятия, относящиеся к животным. Эти иероглифы изображали кочевников как «людей-собак», «людей-птиц» или «тюлей-

насекомых». В частности, это относится к народам *сюнну* (*хунну*), *сяньби* (*сиен-пей*), *жуан-жуань* (*авары*), *найман*, то есть народам, жившим к северу от Великой стены, а также народам *ли* и *мань*, этническим меньшинствам китайского юга.

Эти народы, находившиеся в непрерывном движении, с непонятными и, стало быть, опасными нравами, без постоянных поселений и, по-видимому, не знавшие законов, в глазах осёдлых вряд ли могли быть настоящими людьми. Ибо тот, у кого нет дома, не признаёт ни веры, ни закона. Всего столетие тому назад капитан Майн Рид так описывал нравы и обычаи туркменских кочевников: «Эти бродячие племена самого разного происхождения, наиболее известные из которых монголы, татары, туркмены, узбеки, киргизы и калмыки, являют собой разные типы как по характеру, так и по внешности. <...> Многие из них взрывного темперамента и в свирепости не уступают самым буйным дикарям в других частях света». А между тем именно эти «дикари» в продолжение столетий создавали более или менее устойчивые государственные образования, то объединяясь, то расходясь в зависимости от обстоятельств.

Итак, кочевников Центральной Азии относят к трём этническим группам: тунгусы, монголы и тюрки. Но такая классификация не может считаться точной из-за многообразия этносов и их чрезвычайной мобильности во времени и пространстве. Так, народ *сюнну* принимают либо за прототюрков (этого мнения придерживаются Хэмбис, Пеллио и Сиратори в первой версии), либо за протомонголов (согласно второй версии Сиратори). Татары, несомненно, тюрки, но некоторые исследователи считают их тюркизованными протомонголами. Трудности идентификации возрастают с учётом того, что эти многочисленные народы иногда оказывались под властью иноземцев.

Первые прототюркские государственные образования, о которых наши знания пока недостаточны, были созданы народом *сюнну*, который в III и II веках до новой эры формировал союзы племён. Нередко они противостояли китайскому государству, которому неоднократно приходилось сдерживать их напор. Побеждённые оружием, но в большей мере ловушками, расставлявшимися китайской дипломатией, которая искусно играла на их межплеменной розни, *сюнну* были в итоге рассеяны. Какая-то их часть обосновалась вблизи Великой Китайской стены, другие же были постепенно ассимилированы Китаем. Некоторые группы мигрировали в район верхнего течения Иртыша, оттесняя местных вогулов и остяков к северу в тайгу. Наконец, ещё одна часть *сюнну* внесла свой вклад в тюркизацию степных зон Киргизии. По-видимому, именно *сюнну* во II веке

проникли на территорию современной Украины, а два века спустя под именем гуннов появились в Европе, дойдя до Галлии.

Что касается монголов, то о них узнали с появлением около 150 года до новой эры народа *сяньби* (или *сен-пей*), который занял обширную территорию от Маньчжурии до Туркестана. В 93 году эти кочевники разгромили сюнну, ослабленных внутренними распрями, и стали угрожать Китаю.

С IV по VI век на территории между Корейским полуостровом и Иртышом на бывших землях сюнну сложилось государство аваров. Позднее, в VIII и IX веках на значительной части территории двух нынешних Монголий утвердился уйгурский каганат тюркского происхождения. Уйгуры, потеснившие другой тюркский народ — *туджу*, сделали своей столицей Кара-Балгасун на реке Орхон. Под влиянием Китая эпохи Тан и Согда они поднялись на более высокий уровень культуры, но в 840 году не смогли оказать сопротивления кыргызам., которые, в свою очередь, в 960 году были побеждены киданями — народом монгольского происхождения. Они оккупировали север Китая, а также часть Монголии и Маньчжурии, но не смогли подчинить себе племена Северной Монголии кроме татар и меркитов.

На пороге XIII века до вторжения войск Чингисхана Монголия являла собой обширную полупустыню, по которой бесконтрольно кочевали и соперничали друг с другом различные племена. Время от времени они объединялись в союзы, но как только эти объединения ослабевали, они вновь расходились. Ни кидани, которым угрожали одновременно Китай, корейское государство и уйгуры, ни эти последние, противостоявшие непокорным княжествам, были не в состоянии обеспечить политический и военный контроль над монгольскими степями. Другие же, например керэиты и найманы, оставят эти земли под напором Чингисхана. Монголия была гигантской ареной, на которой долгое время никто не мог установить свой уверенный контроль и периодически обострялось соперничество групп племён, но не появлялось гегемона, способного подчинить всех своей воле.

Подвижная этническая мозаика

В эпоху Тан (618–907) монголы были известны под наименованием *мэн-ю*. Авторы китайских хроник считали, что эти племена относились к наиболее значительной части населения, обосновавшегося в верхнем

течении Амура, которую называли *шивэй*. Речь, несомненно, идёт о довольно разнообразном населении, включавшем в себя протомонголов и тунгусов. Китайцы X века, переживавшие бесспорный культурный подъём, описывают их как самых примитивных дикарей, называя их людоедами, пожирающими сырое мясо. Некоторые разделы «Истории Ляо» содержат имена различных монгольских племён (например, *эй-тата*, или чёрные татары, *бай-тата*, или белые татары, и др.).

Какие же этнические группы были рассеяны к концу XII века на пространствах, не контролируемых государствами с осёдлым населением? К юго-востоку от озера Байкал у истоков огромных рек Иртыша и Лены, пересекающих Сибирь, жили найманы, кочевавшие вплоть до верхнего течения Селенги и Орхона. Это были монголизированные тюрки, в ту пору говорившие на монгольских диалектах. Но в административной документации они под влиянием своих соседей уйгуров использовали свой собственный язык. Изначально они исповедовали шаманизм, но позднее перешли в христианство несторианского толка. Их правитель имел титул *да ван* или *тай ванн* — по-китайски *великий государь*, и это даёт основание предположить, что они, как и чжурчжэни, испытали китайское влияние.

Южнее Селенги, на берегах Туула, обитали керэиты. В ту эпоху они, по всей видимости, составляли некое рыхлое объединение тюркских кланов. Их правитель носил тюркское имя Тогорил, и некоторые историки полагают, что накануне Чингисхановой эпопеи керэиты говорили на одном из тюркских наречий. Как о том свидетельствуют христианские имена некоторых представителей знати керэитов, христианство появилось у них в XII веке.

По берегам Селенги, к югу от озера Байкал, обосновались меркиты, которые соседствовали с лесными племенами и постоянно с ними враждовали. Этот воинственный народ долгое время оказывал сопротивление монголам и Китаю.

Наконец, вблизи озёр Буюр и Кулун, на левом берегу Аргуна жили татары, уже говорившие на одном из монгольских диалектов, хотя и были по происхождению тюрками. Известные своей агрессивностью даже в Европе, татары столкнулись с чжурчжэнями, которые господствовали в Северном Китае и Маньчжурии.

Собственно монгольские племена (их численность тогда в общей сложности наверняка не достигала миллиона человек) жили по берегам озера Байкал и у истоков великих сибирских рек, текущих на север. Они были разделены на многочисленные кланы, одни из которых были влиятельными, другие малозаметными, и между ними происходили

непрерывные распри, несмотря на принятое издавна традиционное распределение земель и мест зимовок. Несоблюдение устных договорённостей о принадлежности пастбищ, частые угоны скота, кражи и всякого рода соперничество между вождями родов вели к бесконечным обидам, мести за них, вендеттам, участники которых иногда и не помнили, из-за чего всё началось. Племена объединялись или на один сезон, или на время вооружённого конфликта с соседями, или даже на срок до нескольких лет, но затем по какой-либо невнятной причине объединение родов распадалось, каждый клан действовал сам по себе и соперничал с соседом.

В течение X века Северная Монголия находилась в состоянии полной анархии, когда каждое племя ожесточённо враждовало с соседями. Хонгираты, меркиты, татары, ойраты, онгуты, барула были родственны друг другу по происхождению, языку и особенно по образу жизни, но явно не составляли единый народ. Они были совершенно не готовы к какой бы то ни было форме государственного объединения, поскольку у них не было ни сложившихся общественных институтов, ни наследственного права. Чтобы их объединить, необходимо было подчинить их мощной властной воле правителя, который обладал бы непререкаемым авторитетом. Как мы увидим в дальнейшем, не раз смерть хана приводила к быстрому распаду созданного под его началом объединения племён. В этом заключалась слабость феодальной системы монголов, которая зачастую была не в состоянии обеспечить передачу ханской власти по наследству. У монгольских племён средоточием власти считался шатёр хана, тогда как у осёдлых народов той же эпохи власть правителя ассоциировалась со столицей, если и не постоянной, то по меньшей мере традиционно признанной.

Китайцы в течение более двух тысяч лет соседствовали с кочевниками — тюрками и монголами. Они то сражались с ними, то делали их своими вассалами. В зависимости от того, оставались ли они открыто враждебными или их удавалось усмирить, китайцы обозначали их двумя разными словосочетаниями: «сырые варвары» и «варёные варвары». Но поддерживали с ними и торговые связи, в частности закупали у них лошадей для своей кавалерии.

Бывшие кочевники-кидани и чжурчжэни, перейдя к оседлому образу жизни, стали основателями мощных государств, которые также соседствовали с этими «варварами». Утвердившиеся в 1153 году в Пекине китаизированные чжурчжэни, завязав с кочевниками дипломатические связи, проводили в отношении них двойственную политику. Чаще всего

старались поощрять их внутренние распри. Пекин явно был заинтересован если не в союзе с кочевниками, то по крайней мере в их благожелательном нейтралитете, что создавало буфер на границах государства. Для того чтобы обеспечить хорошее отношение этих племён к себе, чжурчжэням порой бывало достаточно отправить их вождям партию товаров, изготовленных в китайских ремесленных мастерских и недоступных в степях. Или же им посылали отставленных куртизанок, принцесс, не нашедших своего счастья при дворе. А иногда кому-нибудь из варварской знати присваивали почётные титулы. Эта тонкая политика требовала компромиссов. Но она была способна разжечь среди кочевников неугасимую вражду, разобщив и обезоружив их перед китайскими уловками. Около 1150 года татары отправили пекинским властям керэйтского правителя Маргуса Буйрак-хана, потом монгольского принца Экин-Баркака, сына первого «объединителя» монголов Хабул-хана, предполагаемого предка Чингисхана. Они же выдали своему могущественному соседу и вождя тайджиутов, того самого, чьи две жены повздорили с Оэлун, матерью Тэмучжина. Эти предательские поступки остались в памяти великого хана. Такие стычки, перемежаемые бесчестными политическими манёврами, подпитывали среди племенных групп монголов нескончаемые военные действия, что создавало крайне неблагоприятные условия для их объединения.

Алтайские языки: слово и печать

Постоянное перемешивание кочевых народов Центральной Азии и временные объединения, за которыми следовали внезапные разъединения, сопровождались смешением и ассимиляцией среди более или менее родственных групп. Миграции, нашествия, рассеяние не всегда оставляли следы в памяти кочевников, не имевших письменности, но их языки позволяют проследить их происхождение.

Хотя подавляющее большинство жителей Центральной Азии и говорят на родственных наречиях, относящихся к алтайской семье языков, настоящего языкового единства в этом обширном регионе мира не существует. Из-за расстояний, зачастую весьма значительных, между племенными группами, постоянных миграций и, наконец, разобщённости кочевые народы говорят на разных наречиях и диалектах.

На языках, относящихся к семье, называемой алтайской, говорят народы, населяющие значительную часть Сибири и Центральной Азии. Их

насчитывается более 80 миллионов человек, подавляющее большинство которых — тюркоязычные. Эта языковая семья состоит из трёх групп: тунгусской, монгольской и тюркской. Языки эти отличаются простой фонологией, обилием гласных и скудостью согласных звуков. Это агглютинативные языки со сложной системой склонений.

На тунгусских языках (солон, орохон, олча, эвенкский, маньчжурский и др.) в основном говорят на крайнем востоке Северной Азии, на территории, простирающейся от границ современных северо-восточных провинций Китая (Ляонин, Цилинь, Хэйлунцзян, включая также правый берег Амура) до северных районов Кореи. Но тунгусский диалект, на котором говорили тогдашние властители Северного Китая чжурчжэни, по-настоящему сложился только в XVI веке с возвышением маньчжур.

Тюркские языки распространены на гораздо более обширной территории, включающей в себя всю Центральную Азию, Восточную Монголию и достигающей пределов Европы. Сюнну, как и относящиеся к гуннам эфталиты^[7], подчинившие к 500 году часть Центральной Азии между Аральским морем и верхним течением Инда, были тюркоязычными. Также тюркскими были большинство народов, создававших в последующие века государства в Центральной Азии (караханиды, уйгуры, каракитаи, хорезмийцы). Под натиском монголов тюркские языки постепенно распространялись на запад. Но этническое происхождение многих из народов остаётся невыясненным. Так, меркитов и найманов относят к монголоизированным тюркам или, напротив, к монголам, подвергшимся тюркизации.

Наконец, монгольские языки распространены примерно в центре ареала алтайских языков. Этим и объясняются влияние тюркских и тунгусских языков на монгольские и обратный процесс монголоизации других групп алтайских языков. В эпоху Чингисхана среди монгольских говоров уже преобладал восточный диалект, поскольку именно он был принят при дворе великого хана. Когда в начале XIV века у монголов появилась письменность, этот диалект получил главенство и стал распространяться по всей Монголии.

К концу XIII века монголы имели возможность воспользоваться услугами писцов из среды тех народов, с которыми поддерживали торговые отношения, а также из числа сопровождавших караваны или чужеземных пленников. Последних, по-видимому, монголы уже давно использовали как толмачей, которым принадлежала важнейшая роль во взаимоотношениях между разными племенами. По мере того как власть Чингисхана распространялась на обширные регионы Азии и упрочивалась и особенно

когда монголы вступили в сношения с китайцами и китаизированными народами, назревала потребность в создании своей государственной канцелярии и, как следствие, — собственной письменности.

Рубрук и Марко Поло отмечали, что у монголов были в ходу парные деревянные таблички (*пайцза*) либо пластинки из нефрита или золота с печатью их верховного властителя. Эти символы власти (по-китайски *пайцзу* или *пай-мянъ*) имеют, вероятно, китайское происхождение. Первоначально на этих пластинках вырезались отдельные знаки, а позднее надписи или изображения. Одна из этих парных табличек хранилась у того, кто получал документы, вторая вручалась посланнику, которому надлежало доставить их к месту назначения. Эти таблички считались действительными, если совпадали одна с другой, чем подтверждалась подлинность личности отправителя и получателя. Пайцза выдавалась особо доверенным лицам, и обладание ею считалось почётным. С использованием «табличек власти», подобных официальной печати, монголы познакомились, когда вступили в контакты с киданями, а позднее с китаизированными маньчжурами, то есть в эпоху возвышения Чингизидов. По сообщению японского историка Тону Ханэды, сам Тэмучжин, захватив в 1215 году Пекин, поручил пленному киданю по имени Елюй Чуцай наладить использование пайцзы в своей империи. То было преддверие письменности.

Важную роль в развитии культуры у монголов сыграли и уйгуры. Между 754 и 859 годами существовал созданный ими крупный каганат, равный по площади примерно двум нынешним Монголиям. Став союзниками танского Китая и испытав влияние маздеистских проповедников, выходцев из иранского ареала, они восприняли развитую культуру, которая благоприятствовала развитию караванной торговли. Наряду с дорогостоящими товарами и техническими новинками она переносила и свежие идеи, почерпнутые как из тюрко-иранской цивилизации, так и из буддийского учения, которое получило распространение в Центральной Азии. Совместно с китайцами уйгуры были наставниками монголов. Они создали новый алфавит, заменив им прежний, представлявший собой видоизменённый согдийский или более ранний сирийский. Новый алфавит передавал фонемы их тюркского наречия. Заметим, что сирийское письмо, принесённое в Северную Азию миссионерами-несторианцами, происходило от древнеарамейского, которое было распространено на Ближнем Востоке.

Новое уйгурское письмо, возможно под влиянием китайского, было вертикальным. Вскоре канцелярии, тюркских и монгольских правителей

Центральной Азии стали пользоваться услугами уйгурских секретарей. История сохранила имя одного из первых помощников имперской бюрократии Чингисхана — некоего Тата-Туна. Уйгурская письменность использовалась при Тэмучжине и его преемниках, пока его внук Хубилай не предпринял реформу письменного языка. Он поручил это дело одному ламе, который, основываясь одновременно на тибетском и китайском опыте, изобрёл новую систему письменности. После падения династии Юань (1368 год), когда монгольские завоеватели возвращались в свои степи, у них снова возобладала слегка видоизменённая уйгурская письменность. В XVII веке один монгольский лама создаст новую письменность, которая получит распространение в районе Тянь-Шаня и Каракорума. У приволжских калмыков она сохранится вплоть до XX века. Эта письменность до сих пор используется монголами, живущими в Китае (во Внутренней Монголии), но в Монгольской Народной Республике она была заменена кириллицей, дополненной некоторыми буквами для обозначения специфических звуков монгольского языка.

Первые попытки гегемонии

Несмотря на многочисленные межплеменные стычки и центробежные устремления, некоторые племена после побед монгольского оружия сделали первые шаги к образованию того, что можно было бы назвать объединением племён. Между 1139 и 1147 годами маньчжурские правители Китая уступили монголам, отдельные вожди которых, проявив стратегические способности, смогли навязать им своё верховенство. Об этом свидетельствуют произведения монгольского эпоса, прославляющие их подвиги. Не сообщая конкретных фактов, персидские и китайские средневековые тексты дают основание предполагать, что к концу XII века монгольские племена под предводительством нескольких вождей стали «приходить в движение».

Некоторые эпизоды, описанные в «Сокровенном сказании монголов», содержат упоминания о вождях, увенчанных воинской славой. Среди них некий Кайду, считающийся основателем рода боригин и, следовательно, предком Тэмучжина. Основателем первого объединённого государства монголов считается Хабул-хан. В «Сокровенном сказании монголов» говорится, что «Хабул-хан правил всеми монголами». Автор персидской хроники Рашид ад-Дин описывает его в эпизоде, похожем на фарс. Хабул-хан был приглашён к пекинскому двору, и в его честь была устроена

торжественная трапеза, на которой он, изрядно захмелев, стал позволять себе грубые выходки в отношении самого императора Китая, осмелившись даже дёрнуть его за бороду. Тот якобы не обиделся на дурацкую шутку пьяницы. По уверению персидского автора, поведение гостя его скорее позабавило. Более вероятной причиной подобной снисходительности было желание пекинского двора избежать дипломатического скандала. Как бы то ни было, монгольского властителя с почётом проводили до границы его владений.

Позднее Пекин ещё раз пригласил Хабул-хана, намереваясь взять его в плен. Упреждённый о замысле китайцев, тот остерёгся принимать приглашение, дипломатично объяснив свой отказ неожиданно возникшими обстоятельствами, которые требовали его отъезда в другом направлении. Тем не менее китайские послы, вдруг превратившиеся в секретных агентов, выследили его и захватили. Всё же Хабул-хану удалось от них бежать, собрать своих сторонников, заманить врагов в шатёр и там умертвить. Так фарс обернулся трагедией, и Пекин уже не мог долее терпеть обиду, нанесённую его суверену и послам.

Конфликт, отмеченный несколькими сражениями с неопределённым исходом, завершился успешно для монголов. В 1147 году Китайская империя Цзинь подписала с ними договор, согласно которому оставляла около тридцати укрепленных пунктов и обязалась поставлять кочевникам не товары ремесленного производства, как обычно, а зерно и скот. Помимо того, предводитель монголов был удостоен почётного титула. Этот трагикомический царёк, предполагаемый предок Тэмучжина, якобы сумел с помощью оружия подчинить Китайскую империю своей воле, до этого самым беспардонным образом выставив на посмешище её повелителя. Но сам изложенный эпизод считается сомнительным, и достоверно неизвестно, был ли при Хабул-хане подписан такой китайско-монгольский договор.

«Сокровенное сказание» возводит родословную Тэмучжина к Кайду, но непохоже, что этот последний происходил от Хабул-хана, первого «объединителя» монголов. Приходится констатировать, что даже если это стремление к гегемонии и существовало в неявном виде в эпоху Хабул-хана, оно так и не нашло своего осуществления до появления на сцене Тэмучжина.

Тэмучжин понемногу возобновлял связи, прерванные после смерти его отца. Когда Есугей был в большой силе, он помог Тогорику вновь стать правителем керэитов. Тэмучжин решил напомнить Тогорику о своём существовании. Но, поскольку долгое время никаких сношений с керэитами у него не было, приходилось действовать с большой осмотрительностью.

Вместе со своими братьями Джучи-Хасаром и Бэлгутэем Тэмучжин отправился верхом к берегам реки Туул, впадающей в Орхон. Именно в тех местах кочевали керэиты, народ неуставленного происхождения, о котором ничего не было известно вплоть до XII века. Персидский историк Рашид ад-Дин оставил генеалогию некоторых из его правителей. Объединителем керэитов был Маркус Буйрак-хан, вероятно тюркского происхождения, которого считают христианином на том основании, что имя его якобы происходит от имени Маркус. Подчинённые единой власти керэиты частично были обращены в христианство несторианского толка. В V веке община христиан во главе с константинопольским епископом Нестором приняла еретическое вероучение, разделявшее Иисуса Христа на две взаимосвязанные, но самостоятельные ипостаси. Эта эзотерическая доктрина оспаривалась сирийским епископом Аполлинарием, а затем была осуждена на соборе в Эфесе. О распространении несторианства в Центральной Азии сведений немного, но известно, что христианские миссионеры обосновались в Иране, Курдистане, Индии.

Итак, Тэмучжин отправился к этим несторианцам. В его поклаже была соболья шуба, которую он вёз в подарок их предводителю Тогорику. Тот, принимая сына своего бывшего союзника Есугея, поначалу был явно доволен тем, что тот держался как его вассал: «Когда-то ты стал кровным братом (анда) моего отца. Теперь ты мне вместо отца. У меня есть жена, я привёз тебе подарок от неё».

Польщённый Тогорик принял дар и выказал широту души, предложив Тэмучжину свои услуги. Он заверил молодого человека в своей поддержке и, более того, предложил ему восстановить владение его старого боевого сподвижника Есугея. Это значило объединение под одним началом нескольких монгольских родов. Мог ли Тэмучжин ожидать более заманчивого предложения? «Твой народ, — сказал ему Тогорик, — отпал от тебя, и я верну его тебе. Он рассеян, и я соберу его. Я привяжу его к тебе. Это намерение всегда будет жить в моей груди».

Это высокопарное обещание вызывает удивление. Кто такой был этот Тэмучжин по сравнению с правителем керэитов, снискавшим славу собирателя племён на обширной территории? Конечно, он как сын одного

из родовых вождей, который добился воинской славы, был благородного происхождения. Но ведь в то время он являлся всего лишь мелким скотоводом, у него и десятка лошадей не было! Чем ещё, помимо своего происхождения, мог бы он гордиться? Он совершил несколько рейдов верхом, но то были всего лишь вылазки против конокрадов. Надо полагать, что вождь керэитов очень уважал Есугея и потому пообещал его сыну то, чего не успел дать своему бывшему союзнику.

Как бы то ни было, нельзя не оценить смелости и находчивости Тэмучжина, который явился со своей шубой возобновлять союз с авторитетным вождём, у которого под началом было несколько тысяч человек. Тэмучжин сумел приобрести в его лице союзника и покровителя. Орлёнок ловко устроился под крылом орла.

На просторах монгольских степей новости расходились довольно быстро. Когда Тэмучжин с братьями вернулся к себе в становище, к нему подошёл старик из рода урянхайцев по имени Ярсудай-Абуган со своим сыном Джэлмэ. Возможно, в знак своей преданности Есугею или же потому, что узнал о присяге Тэмучжина Тогорилу, старик попросил принять его сына на службу. Позднее тот станет одним из самых отважных военачальников Тэмучжина.

Таким образом, едва успев стать вассалом Тогорила, Тэмучжин оказался предводителем нескольких верных ему людей, которые положили начало его дружине. Было ли тому причиной его личное обаяние? Или же то был дальний расчёт его первых сподвижников, которые разглядели свет счастливой звезды над его головой?

Глава V

ПЕРВОЕ ОРУЖИЕ

Я надел свои латы, обтянутые кожей; я взял в руку саблю; я положил на тетиву оперённую стрелу; я готов биться насмерть против удуит-меркитов — скажите это им. Пусть старший брат Тогорил-хан седлает коня и идёт к горе Бурхан-Халдун вместе с анда Тэмучжином.

Сокровенное сказание монголов

Похищение Бортэ

Примерно в 1184 году, когда Тэмучжину ещё не было тридцати лет и он надеялся упрочить своё положение, так подорванное тайджиутами, на него обрушился удар судьбы: была похищена его молодая жена.

Войлочные юрты его становища находились близ верхнего течения Керулена. Каждый занимался там своим делом — скотом или домашним хозяйством. Внезапно одна старая женщина, прислуживавшая Оэлун, почувствовала смутную тревогу. Прижав ухо к земле, она с беспокойством объявила, что к юрте приближается большой отряд всадников. Весь лагерь сразу же приготовился дать отпор грабителям: уже давно все ожидали нападения тайджиутов.

На этот раз появился отряд примерно из трёхсот всадников-меркитов. У них были свои счёты с отцом Тэмучжина, который, как мы помним, похитил у них Оэлун. Словом, давняя история, начавшаяся ещё лет двадцать назад. В хронике ничего по этому поводу не сказано, но, вероятно, то давнее похищение положило начало одной из тех многочисленных вендетт, что портили отношения между племенами и кланами. В этот раз меркиты решили нанести сильный удар противнику, похитив у него нескольких женщин. Тэмучжин и его люди вскоре поняли, что с их девятью лошадьми они мало что могут сделать против такого сильного отряда. Все быстро оседлали коней: Тэмучжин и его братья, а также Боорчу, Джэлмэ и Оэлун, которая посадила вместе с собой дочь Тэмулун. Для супруги

Тэмучжина Бортэ и для второй жены Есугея, которая жила вместе с Оэлун, лошадей не хватило.

Вызывает удивление, почему мужчины так скоро оставили на произвол судьбы членов своей семьи. Среди них к тому же была молодая замужняя женщина, обладать которой, несомненно, нашлось бы немало охотников среди нагрянувших меркитов. Это внезапное бегство можно объяснить замешательством, вызванным внезапным появлением сильного врага или же презрением кочевников к женщинам. Если только Тэмучжин не прибег тогда к хитрой уловке, решив сделать собственную жену приманкой для нападавших, чтобы позволить спастись остальным членам семейства. Чтобы успокоить беглецов, старая служанка крикнула им вдогонку: «Я спрячу Бортэ!» Что она тут же и сделала, укрыв её под тюками шерсти, сложенными на одной из повозок.

Вскоре на оставленное хозяевами становище нагрянули меркиты и, как свидетельствует «Сокровенное сказание», сразу схватили вдову Есугея. Заметив служанку, потребовали объяснить, что она здесь делает. Та ответила, что собирается отвезти в свою юрту повозку, нагруженную шерстью. Меркиты заподозрили неладное и поспешили обыскать содержимое повозки, где и обнаружили Бортэ. Нетрудно представить себе победные крики и злобный хохот этих дикарей при виде прекрасной пленницы. Они спешили, обыскали юрты и забрали оттуда всё, что могли унести с собой. Не найдя никого из мужчин, они распознали их следы, но, поскольку они вели к чаще и болоту поблизости от неё, предпочли ограничиться уроком, который собирались преподать Тэмучжину и его людям. Их добычей стали Бортэ и вдова Есугея. Их поруганная честь была отомщена.

Тэмучжин с братьями вышел из леса только после того, как убедился, что меркиты убрались восвояси. Опасаясь их возвращения, он ещё несколько дней скрывался в лесном шалаше. Когда, по его расчётам, опасность миновала, он вернулся в становище. Хроника сообщает, что Тэмучжин обратился к горе Бурхан-Халдун со словами благодарности духам за своё спасение: «Благодаря чуткому, как у ласки, уху старой Коачин и зоркому, как у лисицы, глазу старой Коачин я смог спасти свою жалкую жизнь и дойти до горы Бурхан и сделал там себе шалаш из ветвей ивы. Мне, подобно воши, пришлось бегать по горе Бурхан-Халдун. Каждое утро я буду приносить жертвы Бурхан-Халдун. Каждое утро я буду обращаться к ней. Да будет это ведомо сыновьям моих сыновей!» Потом, согласно обычаю, он снял пояс, повесил его на шею и, ударяя себя кулаками в грудь, совершил девять земных поклонов в сторону солнца.

Религиозные верования монголов того времени до сих пор исследованы недостаточно. Жан Поль Ру в книге «Религия тюрков и монголов» показал, что кочевники и лесные собиратели и охотники поклонялись определённым сопкам, холмам, скалам: «...всякое возвышение, даже обыкновенный холм среди равнины наделялись особым значением. Оно выражало устремлённость, пусть даже самую начальную, от земли к небу, и восходить на неё означало приближаться к божеству. Ему оттуда лучше слышны молитвы живых, а мёртвые ближе к месту вечного покоя».

Тюркские и монгольские народы почитали горы как прародительниц животных, к которым они возводили свой род, и верили, что они покровительствуют герою-родоначальнику. Гора Бурхан-Халдун, к которой обращался Тэмучжин, несомненно, была одним из таких святых мест. Её расположение совпадает со священными речными истоками, которые были свидетелями появления на земле монголов. Один из эпизодов в начале «Сокровенного сказания» повествует о том, что некий циклоп, часто поднимавшийся на гору Бурхан-Халдун, соединился с монгольской женщиной: «У Дува-Сокора был всего один глаз посреди лба, и он мог видеть им на расстоянии трёх переходов. Однажды Дува-Сокор поднялся на Бурхан-Халдун вместе со своим младшим братом Добун-Мэргэном. С высоты Бурхан-Халдуна Дува-Сокор посмотрел вдаль и увидел там группу кочевников, которые приближались к той местности. Он сказал: «Среди этих людей есть красивая девушка, которая идёт впереди чёрной повозки. Если она не принадлежит ещё мужчине, мы попросим её для тебя, мой младший Добун-Мэргэн»».

Итак, гора Бурхан-Халдун отсылает нас к ещё одной мифологической версии происхождения монголов. Эта гора предстаёт как их волшебная прародительница. Удалённость гор, трудность восхождения на них, их величавые, покрытые вечными снегами вершины — всё это изначально завораживало людей, которые в дальнейшем стали придавать им сакральное значение.

Что касается культа Солнца, также упомянутого в «Сокровенном сказании», то он относился к обычаю поклонения небесным телам, связанному с культом «вечно синего неба» (*кёркё монгка тенгри*) Предполагаемое место соединения легендарного героя с монгольской женщиной символизирует вертикаль, обращённую к небесам. Гора Бурхан-Халдун играет важную роль в монгольской мифологии, и мы увидим, что Тэмучжин в дальнейшем ещё не раз будет к ней обращаться.

Поблагодарив небо за то, что оно спасло ему жизнь, наш герой стал

думать о том, как ему вернуть свою красавицу и отомстить меркитам за нанесённое оскорбление. Вполне естественно, что он обратился за помощью к своему недавно обрётённому сюзерену Тогорилу, напомнив ему о данном им обещании собрать в случае необходимости своих воинов. Меркиты были довольно сильным племенем, и выступить против них — совсем не то, что вернуть нескольких украденных лошадей. Это значило затеять серьёзный конфликт, который мог оказаться кровопролитным. И всё же, когда Тэмучжин попросил Тогорила о помощи, тот сдержал своё обещание. «Мы вернём твою жену Бортэ, даже если нам придётся иметь дело со всеми родами меркитов одновременно!»

Война началась. Непосредственным поводом к ней стали прекрасные глаза молодой жены Тэмучжина.

Появление Анти-Цезаря

Племя меркитов составляли три основные группы: удуиты, увазы и хааты. Они, а также соседние племена кочевали чаще всего в районе северного течения реки Селенги между озером Байкал и Алтайскими горами. Это степная местность, перемежаемая лесами, которые к северу становятся всё гуще. Учитывая размеры пастбищ меркитов, можно полагать, что их насчитывалось несколько десятков тысяч человек.

Тогорил, прежде чем собирать своих сторонников, озаботился надёжностью своих тылов. Он обратился к вождю племени джаджират (джадаран) монгольского происхождения по имени Джамуха. Тот был сиротой, воспитывавшимся в знатной семье, товарищем юного Тэмучжина по детским играм. Они совершили ритуал обмена кровью и стали, таким образом, *анда* — побратимами. К тому времени Джамуха, по-видимому, стал сильным предводителем, под началом которого было несколько тысяч человек. Тогорил действовал осторожно: предоставив Тэмучжину возможность проявить инициативу и взять на себя ответственность в войне против меркитов, он посоветовал ему предложить Джамухе вооружённый союз: «Отправляйся к младшему брату Джамухе. Младший брат Джамуха, должно быть, теперь в Корконак-Жубуре. Я же подниму здесь два тумена [20 тысяч человек] и стану правым крылом. Пусть брат Джамуха также поднимет два тумена и станет левым крылом. Пусть Джамуха назначит место нашей встречи».

В «Сокровенном сказании» указаны силы основных участников противоборства. Тогорил и Джамуха собрали по два тумена каждый, и 40

тысяч всадников составляли весьма значительную армию. Для управления ею требовались хорошая подготовка и умелые командиры. Впрочем, автор хроники наверняка преувеличил численность воинства. Но то, что Джамуха был в состоянии выставить столько же туменов, что и глава керэитов, который к тому же оставил за ним право выбрать место соединения сил, означает, что Джамуха во главе джаджиратов был достаточно сильным вождём, чтобы Тогорил обращался к нему как равному себе.

Здесь встаёт вопрос о роли Тэмучжина, у которого, как мы помним, было всего-навсего девять лошадей. И тем не менее он в сопровождении двух своих братьев явился к Джамухе с просьбой вступить за него. Глава джаджиратов, разумеется, уже знал о том, что затевается союз против меркитов. То ли сохраняя верность их детской дружбе, то ли находя для себя выгодным поражение меркитов — одно соображение не исключает другого, — Джамуха ответил своему анда согласием.

«Узнав, что ложе моего анда Тэмучжина опустело, сердце моё исполнилось болью. Узнав, что его грудь наполовину разбита, печень моя испытала боль. Мстя за него, я уничтожу меркитов — удуитов и увазов и спасу его уджин [госпожу] Бортэ. Смыв нанесённое ему оскорбление, я разобью всех хаат-меркитов и верну уджин Бортэ».

После этого благородного заявления Джамуха изложил свой план нападения. По всей видимости, он был осведомлён о численности и расположении противника. Действуя как командующий, он поставил задачу своей кавалерии и, отдав соответствующие распоряжения, приступил к сбору сил. Но Тогорил и Тэмучжин вопреки предварительной договорённости явились на соединение с Джамухой с трёхдневным опозданием, и тот сурово отчитал их: «Разве мы не говорили друг другу, что даже гроза не задержит нас на пути к месту соединения и даже ливень не заставит опоздать к месту сбора? Когда монголы говорят «да», разве это не значит, что они поклялись? Разве мы не договорились, что тот, кто опоздает с исполнением своего «да», покинет наши ряды?»

Сконфуженный Тогорил оправдывался, признавал свою ошибку и просил у Джамухи справедливого за неё наказания. Но тот из великодушия или намерения сохранить их союз не стал наказывать соратников. И соединёнными силами они двинулись на меркитов. Проследив географию их перемещений, мы увидим, что эта кампания была совсем непохожа на обычный набег. Всадники шли многие десятки километров по сложной местности, пересекаемой лесами и водными преградами, которые приходилось преодолевать на плотах. Пройдя через перевал в горах Малхан, всадники достигли наконец долины реки Хилок, центра

территории меркитов, и атаковали лагерь вождя удуитов Токтоа-Берки. Но тот, предупреждённый соседними охотниками и рыболовами, бежал, оставив врагу всё своё имущество и немалое число своих людей.

Освобождение Бортэ

С первых минут сражения меркиты поняли, что сопротивление бесполезно: их лагерь застигнут врасплох, их предводитель исчез в ночи, и его преследуют по берегу Селенги монгольские всадники. Немало меркитов погибло от рук разъярённых врагов. Мужчин, в спешке покидавших свои юрты, безжалостно закалывали, другие пытались под покровом темноты ускользнуть. Всюду были слышны крики ужаса, стоны раненых и хрипы умирающих, женские вопли. Весь лагерь был завален трупами.

Хроника ничего не говорит о роли Тэмучжина в этом нападении, разве что упоминает о том, что он оказался в стороне от самой схватки, поскольку тут же бросился на поиски жены. Он заметил её среди спасавшихся бегством меркитов, громко позвал и отбил у врагов. Тогда он попросил Тогорила прекратить побоище. Словом, молодой воин оставил свою саблю ради супружеских утех, и «Сокровенное сказание монголов» упоминает романтическую картину слияния двух тел под лунным светом.

В хронике ничего не говорится о том, как супруги объяснились по поводу обстоятельств похищения молодой женщины меркитами за несколько недель до того. Бортэ ни словом не упрекнула Тэмучжина за его бегство. А сам он, вероятно, заслужил снисходительность жены тем, что затеял ради её освобождения войну. Но одно было очевидно: Бортэ беременна и наверняка от похитителя. Когда через несколько месяцев ребёнок родился, ему дали имя Джучи, что значит «гость».

Мы помним, что вместе с Бортэ меркиты похитили Сучигил, мать сводного брата Тэмучжина. Её сын Бэлгутэй, разыскивая её, метался по юрту врага. Допросив одного из пленников, он смог обнаружить след матери. Но та, облачившись в старое тряпье, отказалась предстать перед сыном. Перед тем как уйти в ближайший лес, она успела сказать, что «соединилась с плохим человеком» и отныне не смеет «посмотреть в лицо своим сыновьям». Бэлгутэй долго искал её, но она желала смерти и погибла от стыда и истощения.

Бэлгутэй дал волю своей ярости, собственноручно перебив всех пленников, которые принимали участие в похищении его матери. Вдобавок

он также убил их сыновей и внуков. Пленённые меркиты составили часть военной добычи монголов. Эта жестокость разожгла неугасимую ненависть между монголами и меркитами.

Но среди всей этой резни можно было разглядеть и проявления человечности: монголы сумели проявить снисхождение к детям. Так, Тэмучжин подобрал на поле сражения мальчика лет пяти, одетого в меха. У того были «горящие глаза», и он взял его с собой, намереваясь воспитать и сделать слугой Оэлун.

Странная дружба

Теперь у Тэмучжина оставалась одна забота — поскорее вернуться к своим пастбищам. Но сначала он предстал перед своими щедрыми союзниками, чтобы ещё раз заверить их в дружеских чувствах и выразить им благодарность. Потом он совершил возлияние богам Тенгри, Вемогущему Небу, Матери Земле, чтобы возблагодарить их за помощь в победоносной кампании.

В то время как Тэмучжин вернулся со своими людьми домой, Тогорил и Джамуха решили упрочить своё положение победителей, затеяв новый поход против ещё одного племени меркитов — увазов, — которое кочевало между Селенгой и Орхоном. Разбив его, Тогорил вернулся в своё становище, расположенное в верхнем течении Туула, близ нынешнего Улан-Батора. А пути Джамухи и Тэмучжина вновь сошлись. В течение двух лет оба кочевали вдоль берегов реки Онон и стали неразлучными соратниками.

Повествуя об этом периоде жизни Тэмучжина, «Сокровенное сказание» приобретает интимно-сентиментальное звучание. Сначала говорится о том, что Тэмучжин и Джамуха в детстве часто играли вместе, а когда им было по 11 лет, обменялись подарками: косточкой косули и косточкой, «украшенной медью» (вероятно, речь идёт об амулете и украшении), и поклялись в вечной дружбе. Позднее во время охоты они обменялись стрелами.

После победы над меркитами побратимы снова обменялись подарками в знак взаимной приязни. Тэмучжин подарил Джамухе драгоценный золотой пояс и свою гнедую кобылу. Джамуха в ответ предложил ему своего скакуна и тоже преподнёс дорогой пояс. В течение долгих месяцев оба вели беззаботную жизнь, наслаждаясь праздными прогулками верхом. В «Сокровенном сказании» говорится, что они решили прожить как бы

одну жизнь, и многократно подчёркивается их теснейшая близость: «Тэмучжин и Джамуха слышали слова стариков о том, что у анда одна жизнь на двоих, что они не покидают друг друга. И они говорили: «Это будет защитой нашей жизни». Теперь, возобновляя свой союз, они говорили: «Мы будем любить друг друга»». Летопись так рассказывает о характере их взаимоотношений: «Перед густым деревом они называли друг друга анда, полюбили друг друга, развлекались на празднествах и пирах, я по ночам даже спали вдвоём под одним одеялом. Они любили друг друга один год и половину следующего».

В хронике столь подробные описания любовных чувств встречаются нечасто.

Но вот однажды, когда оба друга, сопровождаемые своими людьми и стадами, подошли к сочному пастбищу, Джамуха воскликнул: «Анда, анда Тэмучжин, давай спешимся у горы, наши коноводы поставят там юрты. Спешимся у реки, наши пастухи смогут там напиться».

По-видимому, Джамуха хотел сделать остановку, чтобы овцы смогли попастьись, пока конные пастухи подыщут подходящее место для стоянки. Но в этих внешне обыкновенных словах Тэмучжину послышался некий скрытый смысл, нечто угрожающее. Он промолчал, а потом сразу отправился к своей матери, которая находилась в обозе. Но не успела Оэлун раскрыть рот, как Бортэ ответила вместо неё на вопрос Тэмучжина: «Говорят, что анда Джамуха быстро устаёт. Теперь пришло время, когда он устал от нас. Судя по тому, что он сказал, против нас что-то замышляется. Не будем спешиваться, лучше нам разделить и продолжить переход, хотя бы и ночью».

Этот неожиданный довод супруги показался и самому Тэмучжину, и его людям достаточно веским, чтобы все решили тут же отделиться от Джамухи. Этим всё было сказано, и двое друзей стали врагами. Станный эпизод: внешне вполне невинное предложение Джамухи было с беспокойством встречено его другом. Загадочны слова, которыми Бортэ выразила свои подозрения. И не менее удивительна внезапная и ничем не объяснимая размолвка двух побратимов.

Если не предполагать, что этот эпизод повествования дошёл до нас в искажённом виде, то как объяснить этот разрыв? Русские монголоеды Борис Яковлевич Владимирцов и Василий Владимирович Бартольд предложили следующее объяснение. У монголов существовало два враждебных друг другу класса скотоводов: одни занимались разведением лошадей, как Тэмучжин, и считались аристократией; другие — к ним относился Джамуха — пасли мелкий рогатый скот.

Историки советской школы на основании этого краткого эпизода хроники рассматривали Тэмучжина как аристократа и консерватора, а его соперника — как новатора или даже человека с демократическими наклонностями, так как он умел «любить новое и презирать старое». Не обладая знатным происхождением, Джамуха якобы противопоставлял себя традиционной власти. При всей своей заманчивости эта гипотеза построена на зыбком основании. Превосходство аристократов-коневодов над овцеводами и козопасами ещё надо доказать. Неравенство этих двух групп кочевников-скотоводов остаётся гипотетическим и в каждом случае зависит от конкретных природных условий и поголовья стад.

Но как тогда следует понимать загадочный разрыв между двумя побратимами? Правдин, один из биографов Чингисхана, выдвинул другую гипотезу. Принимая тезис советских историков о предполагаемом антагонизме между двумя типами кочевого скотоводства, он предположил, что жена и мать Тэмучжина заподозрили Джамуху в «незнании обычаев и хороших манер». Следует ли понимать это как намёк на поведение Джамухи, который в хронике показан как человек капризный и двуличный, способный устать от лучшего своего друга? А может быть, побратимство скрывало иной род близости?

Китаевед Артур Уэйли и монголовед Поль Пеллио признают, что не готовы с полной определённойостью объяснить значение фразы «спали вдвоём под одним одеялом». Но повторяющиеся четыре раза всего в нескольких строках слова «они любили друг друга» позволяют предположить, что этот особый род дружбы дошёл у них до конца. На этот счёт у нас нет никакой уверенности, поскольку «Сокровенное сказание» доносит до нас сведения из вторых рук, не подтверждаемые какими-либо другими источниками. Здесь можно только выдвигать те или иные предположения и толкования.

В хронике упоминается странное предсказание, нечто среднее между сном и притчей, которое подчёркивает двойственный характер антигероя Джамухи. Шаман Кокочу сказал, что тот родился от одной с ним матери, но от разных отцов. Потом рассказал Тэмучжину, что однажды Джамуху боднула корова, при этом она сломала рог и промычала ему: «Принеси мне мой рог». Затем безрогий бык, мыча, подошёл впрягаться в повозку Джамухи. И тут, подобно какому-нибудь *deus ex machina*^[8] появляется Тэмучжин, избранный своим народом.

Когда Тэмучжин неожиданно решил порвать со своим давним другом, за ним последовали преданные ему люди и монгольские роды, длинный перечень которых приводится в хронике. Под знамя Тэмучжина встали

знатные вожди, тем самым создав ему возможность укрепить свою власть. Новые соратники Тэмучжина приготовили своему молодому предводителю большой сюрприз: у горы Гурэлгу предложили объявить его ханом!

После падения одного из предполагаемых потомков Хабул-хана, вождя по имени Хутула, ханство никем не наследовалось. Идея найти суверена для значительной части племён была шагом на пути к образованию межплеменного союза. Шаман Кокочу, предсказавший Тэмучжину возвышение после его разрыва с Джамухой, спросил у будущего хана: «Если ты станешь господином народа, чем ты меня осчастливишь за то, что я тебя об этом предупредил?»

Глава VI

РОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ

И вот случилось так, что татары признали королём одного из своих по имени Синчин-Хан (Чингисхан). Он был человеком большой отваги, большого ума и великой доблести. И когда его избрали королём, все татары, рассеянные по той местности, узнав об этом, явились к нему и признали его своим господином.

Марко Поло

Избрание Тэмучжина ханом

«Мы сделаем тебя ханом, — говорили они. — Когда Тэмучжин станет ханом и направит нас против наших многочисленных врагов, мы приведём к тебе и отдадим в твою орду их светлоликих дочерей и жён. <...> Когда мы перебьём диких зверей, мы приведём степных животных и отдадим их тебе. <...> В день сражения, если мы не подчинимся твоим приказам, отбери у нас наших подначальных и слуг, наших жён и женщин и оставь нас, «черноголовых», в бесплодной пустыне. В дни мира, если мы не послушаемся твоих советов, лиши нас дружины и слуг, жён и сыновей и оставь на бесплодной земле. <...> Когда они сказали эти слова и так поклялись своими устами, они объявили Тэмучжина ханом и нарекли его *сингис-кааном*».

Так, согласно «Сокровенному сказанию монголов», Тэмучжин был объявлен *чингисханом* (или *чингис-кааном*). Этот титул стал именем, под которым он вошёл в историю. Принято считать, что слово это значит «хан-океан», или «океанский хан», то есть «властелин, подобный океану», «мировой властелин». Слово это, вероятно, тюркское и, по мнению Пеллио, образовано по образцу тибето-монгольского «далай-лама» («лама-океан»). Несомненно, что представление об океане имеет в этом титуле космогонический смысл. Для монголов, как и для соседних с ними тибетцев, океан был чуждым их географической среде, далёким от них,

чем-то почти мифическим. Персидский автор Рашид ад-Дин считал, что слово «чингис» («джингиз») значит «могучий».

Что касается существительного «хан» (или «каган», «ка-ан»), то оно вошло в употребление около 500 года новой эры: так называли вождей аварских племён. К концу VI века этот титул переняли у аваров их победители и преемники тюрки (туюо). В X–XII веках ханом называли сильного вождя, которого избирали в предводители военного похода или большой охоты. Чаще всего это был глава рода (*обок*) или племени (*ирген*), которого ввиду его авторитета или военных талантов избирали на совете племени (*курултай*), в котором участвовали самые знатные и богатые его члены и их вассалы. Титул хана был тогда чисто номинальным и законом никак не определялся. К тому же он мог быть предметом торговли. Так, в «Сокровенном сказании монголов» сообщается, что за избрание ханом Джамухи один из его сподвижников запросил у него командование туменом и «тридцать красивых женщин». В некоторых племенах бывало одновременно несколько ханов. Наверняка *ван-хан* Тогорил был у керэитов не единственным, хотя и самым могущественным. Титул хана, первоначально временный и не передаваемый по наследству, позволял его носителю распространить свою власть на более широкое племенное объединение. В дальнейшем Тэмучжин сумеет воспользоваться такой возможностью и повернуть к своей выгоде неустойчивость племенных союзов.

Кем были те, кто присудил титул хана Тэмучжину? В традиционном монгольском обществе все потомки одного предка (*ясун*) считались членами одного рода. Каждое семейство, малое или разветвлённое, было частью этого рода. Как в любом обществе, у монголов сама жизнь порождала более или менее заметных личностей. В X–XII веках вожди были прежде всего умелыми охотниками, что приносило достаток их роду, или воинами, что давало возможность завладеть чужим скотом. Эти предводители (*нойоны*) силой или с помощью интриг подчиняли себе роды и занимали господствующее положение в хозяйстве кочевников-скотоводов. Они присваивали себе почётные, иногда иноземные прозвища, например: *очигин* (молодой хранитель очага), *бёлё* (силач), *мэргэн* (первый в стрельбе из лука), *баатур* (отважный), и составляли нечто вроде «степной аристократии». Имена их жён также сопровождались почётными добавлениями: *же* (мать), *уджин* (госпожа).

Нойоны привлекали к себе членов соседних родов и племён. Искатели счастья, бедные и слабые старались оказаться в лагере победителя и шли к нему на службу. Эти «вассалы от рождения» (*унаган-боголушт*) составляли

прислугу нойонов. Их могли включить в приданое девушки знатного происхождения, но при этом за ними оставалось их домашнее имущество и скот. Они выполняли для своих хозяев самые разные работы: пасли скот, содержали в порядке и ремонтировали повозки и юрты. В больших сезонных охотах были пешими загонщиками, а когда случался вооружённый конфликт, участвовали в нём под командованием своего нойона. Ниже этих вассалов были *ётёла-боголшут* и *джалаут* — подобие полурабов, которые могли быть отпущены на волю. Эти были готовы на всё и выполняли самую чёрную работу. По свидетельству Рубрука, питались они порой объедками.

Несмотря на отсутствие письменно закреплённых званий, некоторые роды благодаря своей численности и богатству, авторитету своих вождей и действительным или мнимым подвигам пользовались привилегированным статусом. Хотя вряд ли в данном случае можно говорить о настоящей, обладающей ленами феодальной аристократии в привычном значении этого термина; глав родов и племён, распоряжавшихся судьбами от нескольких сотен до нескольких тысяч человек, можно условно назвать тогдашней аристократией. Хозяин *улуса* (удела) не имел права собственности на землю, но имел право пользования. Располагая подвластным ему населением, он при этом пользовался и неким доменом (*нутуком*; более известен тюркский термин *юрт*), необходимым и достаточным для содержания людей и скота. То была территория его родового пастбища.

Таким образом, отношения нойона с вассалами строились на иных основаниях, нежели в земледельческом феодальном обществе. У кочевников знать управляла сезонными перемещениями людей и скота и распределением пастбищ, что и составляло её феодальную функцию. «Никто не смеет находиться в местах, которые не были ему отведены императором, — отмечал Плано Карпини, — и он же указывает, где должны находиться главы (провинций. — В. З.), те назначают места для тысячников, тысячники — для сотников, а сотники — для десятников».

Курултай для избрания ханом Тэмучжина, которому тогда было около сорока лет, состоялся, вероятно, в 1197 году. Этот выбор может удивить, поскольку Тэмучжин, даже если допустить, что он был потомком Хабулхана, относился к младшей ветви рода. К тому же, согласно известным данным его биографии, кроме похода против меркитов, предпринятого с помощью своих союзников, Тэмучжин мог похвастаться разве что участием в нескольких малозначащих стычках. Тем не менее, если верить «Сокровенному сказанию монголов», его сторонники вознесли его над всеми другими, более влиятельными претендентами, начиная с Джамухи.

Быть может, тот показался им слишком склонным к новшествам или чересчур непостоянным? Об этом летопись умалчивает. О промежутке времени от похищения Бортэ до разрыва с Джамухой там ничего не говорится, словно история ускорила ход. А ведь это почти 20 лет. Следует предположить, что либо некоторые части хроники до нас не дошли, либо какие-то эпизоды были в ней намеренно опущены.

С 1150 года, времени, когда Хабул-хан пытался собрать вокруг себя монгольские племена, каганат не был востребован. Претенденты на наследие хана не сумели или не пожелали объединить под своим знаменем народ племён (*улус-ирген*). И вот главы родов просят Тэмучжина принять титул хана. Среди них были вожди клана его отца кият, а также родов баарин, джелаир и даже прямые наследники Хабул-хана Алтан, Хучар и Сача-Беки. Можно ли считать это избрание свидетельством признания выдающихся качеств, присущих Тэмучжину? Вероятно, да. Полагать, что он был послушным орудием кочевой знати, не приходится. Он в достаточной мере проявил энергию, волю и смелость, чтобы не довольствоваться второстепенной ролью, не говоря уже о том, чтобы позволить собой манипулировать. Если верить «Сокровенному сказанию монголов», то, по-видимому, Тэмучжина избрали ханом, чтобы он возглавлял роды и племена в традиционных конных походах, главной целью которых были охота и набеги. Монголам в то время серьёзно не угрожала никакая внешняя сила, и их соседи татары не представляли для них настоящей угрозы. Наверняка Тэмучжина равные ему по происхождению и положению избрали своим предводителем просто потому, что увидели в нём самого достойного.

Есть ещё одна причина, уже религиозного свойства, которая связана с миропониманием этих людей, в котором большое значение имеют всякого рода небесные знамения и предсказания шаманов. Ведь один из них, Кокочу, предсказал, что Тэмучжин неким чудесным образом обретёт высшую власть. А Мухали, один из сподвижников Тэмучжина, рассказал ему об одном удивительном совпадении. Однажды Тэмучжин сделал стоянку под деревом в местности под названием Коркунат-Джубур. И это было, по уверению Мухали, то самое место, где когда-то Хутула, последний вождь племени, носивший титул хана, остановился, чтобы отпраздновать своё избрание. То был знак судьбы, который мог означать только одно: неминуемый приход к власти Тэмучжина.

Получив титул хана, Тэмучжин, по-видимому, серьёзно отнёсся к своим новым обязанностям. Он доверял своим сподвижникам, но решил, что этого недостаточно, и окружил себя отрядом из наиболее преданных

людей. Среди них были Джэлмэ и Боорчу, которые помогали ему в трудные годы. Похвалив за верную службу, Тэмучжин возвёл их в ранг наиболее доверенных лиц, «ответственных за всё». Должности получили и Субэдэй вместе с другими, решившими оставить Джамуху и перейти под начало новоизбранного хана. Тот повысил воинский статус своих соратников: они были включены в командование нового корпуса «носителей колчанов» (*корчин*). Благодаря своим заслугам и преданности они вскоре стали главной ударной силой тех войск, которые новый хан сформировал из степных пастухов. Этот честолюбец, умевший заставить людей плясать под свою дудку, использовал их самым эффективным образом.

Укрепление власти

Первое, что сделал Тэмучжин для упрочения своей власти, — добился признания как новый участник многоголосого оркестра монгольских племён. Он отправил к своему старому покровителю Тогорилу посланцев с вестью о своём избрании ханом. Ответ Тогорила был лаконичным и не сопровождался никаким подарком Тэмучжину. Возможно, он уже предвидел, что орлёнок, которому он когда-то помогал стать на крыло, превратится в настоящего орла. Или же он попросту решил, что несколько монгольских родов, которые встали под знамёна нового предводителя, — это не такая уж большая сила.

Когда посланцы Тэмучжина прибыли к Джамухе с предложением установить с ним и его союзниками добрососедские отношения, в этом также была некоторая двусмысленность. Мы помним, как внезапно Тэмучжин когда-то оставил своего друга, и можно себе представить, что тот сохранил об этом недобрые воспоминания, тем более что несколько тысяч его воинов последовали за соперником. Но, узнав об избрании Тэмучжина, Джамуха не выразил неудовольствия. Однако он упрекнул двоих перебежчиков Алтана и Хучара в предательском поведении, которое, по его мнению, и привело к разрыву между двумя анда: «Алтан и Хучар, вы двое между анда Тэмучжином и мною, зачем, пронзив грудь анда и уколов его в ребро, вы нас разлучили? <...> А теперь, что вы задумывали, когда решили сделать его ханом? Алтан и Хучар, вы двое, вспомните ваши слова и успокойте анда, став товарищами моего анда, хотя служите ему верно». Похоже, что Джамуха больше всего сожалел об утраченной дружбе и не упрекал своего бывшего друга в бегстве, поскольку тот, по его мнению, стал жертвой интриги.

«Два медведя в одной берлоге не уживутся», — гласит монгольская пословица. Случилось так, что обыкновенное конокрадство разожгло большой пожар в степи. Один из приближённых Джамухи, угнавший лошадей у Тэмучжина, был убит его людьми.

Если верить хронике, Джамуха собрал 30 тысяч всадников, чтобы отомстить Тэмучжину за эту смерть. Первое сражение между ними произошло у подножия горы Гурэлгу в местности Далан-Балджут (Семьдесят Болот). У Тэмучжина было преимущество, но он в организованном порядке отступил. Джамуха, разгневанный тем, что противнику удалось ускользнуть, подверг 70 человек, взятых в плен, мучительной казни, несомненно, китайского изобретения: связанных пленников бросили в огромные котлы и заживо сварили в кипятке. Ещё одному пленённому воину Тэмучжина отрубили голову, а его труп привязали к хвосту лошади Джамухи. И всё же эта победа Джамухи не поколебала авторитет Тэмучжина. Целыми родами (урут, манкгут, конгкотадай и др.) сторонники Джамухи бежали к новому хану.

В этой жестокой и беспощадной схватке, разыгравшейся на окраине сибирской тайги, многие монгольские роды почувствовали, куда ветер дует. Но если хану и удавалось привлечь на свою сторону племена, до их единства и просто дисциплины было ещё далеко. Независимость родов, их привычка к набегам, которые восполняли им недостаточный прирост поголовья скота или опустошительные эпизоотии; вендетты и личные ссоры — всё это препятствовало созданию сколько-нибудь устойчивого союза между ними.

Нравы в ту пору были грубые, и кочевники подчинялись только силе и суевериям. Жестокость уживалась с чувствительностью, за приступами гнева следовало раскаяние. Люди не умели держать себя в руках, и драки со смертельным исходом порой начинались из-за пустяков. В хронике есть рассказ о том, как во время одного из пиршеств знатные дамы осыпали оскорблениями, а затем побили прислуживавшего им виночерпия за то, что он позволил себе допить остатки вина. Во время застолья сводный брат хана поймал вора, и тот ответил ему ударом сабли. Женские склоки, стычки между конюхами, кровавые сведения счётов между пьяными пастухами были привычными в жизни этих людей, гораздо лучше владевших искусством драки, нежели правилами поведения за столом.

Возможно, одна из таких ссор и стала поводом к конфликту, приведшему к утрате власти Тогорилом. Между 1197 и 1198 годами он перебил почти всех своих братьев. Двое из оставшихся в живых, Джакагамбу и Эркэ-Харя, сумели бежать и нашли приют в другом

монгольском племени, у найманов, обосновавшихся у подножий Большого Алтая. Глава найманов поддержал беглецов и напал на Тогорила, который, в свою очередь, бежал. Он укрылся в столице кяракитаев, правитель которых, тюркизованный монгол, носил титул *гурхана*. Но тот сразу дал беглецу понять, что примет его у себя ненадолго. Став персоной *non grata*, Тогорил блуждал по уйгурским, а затем тянгутским степям, после чего вернулся в монгольские пределы. Рассказывают, что всё его имущество состояло из пяти коз, которых он доил сам, одного верблюда, кровь которого он понемногу пил, деля на его коже надрезы, и одного слепого коня. Крайняя степень падения для кочевого вождя! Когда он находился в таком положении, с ним связались посланцы Тэмучжина, которые сказали ему, что их господин готов принять его под своё покровительство. Так Тогорил вновь обрёл уважение благодаря великодушию своего бывшего протеже.

Тогда же Тэмучжин принял участие в походе против народа, который давно уже беспокоил своих соседей, — против татар (или тартар). На западе, в частности в России, так называли разных азиатских кочевников, совершавших опустошительные набеги. Их называли «сыновьями преисподней», что к тому же рифмовалось со словом «варвар». Возможно, именно о них шла речь в высказывании, приписываемом Людовику Святому: «Мы отправим тартаров в Тартар».

Этот восточно-тюркский народ, говоривший на монгольском диалекте, своей воинственностью обязан географии. Кочуя между горами Хинган на востоке и рекой Керулен на северо-западе, они вместе с хонгиратами и некоторыми другими, более мелкими племенами были тем тюркско-монгольским населением, которое чаще других вступало в контакты с китайцами. Известно, что Китай, находившийся в ту пору под властью чжурчжэней, жил под постоянной угрозой тунгусских и тюркско-монгольских набегов. В течение веков Китай придерживался в отношении северных кочевников одного политического принципа: разделяй и властвуй. То есть использовал одних варваров против других. Чжурчжэни умели использовать разногласия и соперничество между кочевниками для сохранения своей власти. Иногда им приходилось посылать небольшие вооружённые группы за Великую стену, но обычно, чтобы отгородиться от степи, им хватало наёмных отрядов кочевников.

Татары же вели двойную игру. Они были практически неуправляемы, постоянно выдвигали непомерные требования, и Пекин решил отделаться от них, натравив их на монголов, кочевавших севернее, в тех местах, где

утвердил свою власть Тэмучжин. Так татары, связавшие себя непрочным и ущербным союзом с Китаем, постепенно становились всё более враждебными к монголам. Ещё в 1150 году они отправили в Китай пленённых членов семейства Хабул-хана, а позднее, в 1161 году, продолжая действовать как союзники Китая, способствовали развалу первого монгольского объединения. В 1167 году один из татарских родов предательски отравил Есугея, отца Тэмучжина.

Для значительной части монгольских племён татары были изменниками. И когда китайское войско напало на татар с юга и Пекин, порвав с прежними союзниками, предложил Тогорику разделаться с ними, Тэмучжин, воспользовавшись этим, одержал лёгкую победу над татарами. Он быстро созвал своих сторонников и объявил им: «С давних времён татары губили наших предков и отцов. У нас против этого народа немало накопилось. Воспользуемся случаем, чтобы проучить его». Сражения, которые произошли в том году (примерно 1198-м) близ реки Улжа, в подробностях неизвестны. Тэмучжин использовал людей Тогорика, который хотел отомстить татарам за убийство своего деда. Оба предводителя соединёнными силами атаковали татар, которые укрылись за древесными завалами. Одолев эти препятствия, монголы захватили главу татар Мэгуджина-Сэулту и его ложе, украшенное золотом и жемчугом.

Китайский вельможа, который сумел ловко стравить монголов с татарами, раздавал награды своим новым союзникам. Главе керэитов он присвоил титул царя (*вана*, или, вероятно, *онга* в монгольском произношении). Тогорик присоединил его к своему титулу хана и стал именоваться ван-ханом (царём-ханом). Так как китайские писцы приняли этот титул правителя керэитов за его имя собственное, в хронике его именуют Ван-ханом.

Этот плеоназм имел любопытную судьбу. К нему восходит знаменитая легенда о короле (или пресвитере) Иоанне. Повторив ошибочный перевод несторианских писцов, которые *ван-хана* превратили в *короля Иоанна*, епископ Библа в 1144 году отправил папе сообщение о существовании некоего христианского монарха, могущественного гонителя мусульман, носящего это имя. Основываясь на этом недостоверном известии, Марко Поло занёс в Европу представление об этом азиатском монархе, союза с которым Запад будет тщетно искать: «У жителей нет никакого хозяина, но они отправляют подати какому-то господину, которого называют на своём языке Унеканом, что по-французски означает священник Жан. И все здесь восхваляют могущество этого священника Жана». Это тот самый мифический персонаж, которого Европа позднее перенесла в Абиссинию в

виде христианского негуса.

Тэмучжин в качестве вознаграждения за свою победу над татарами получил от китайцев всего лишь скромный титул «десятника». По-видимому, Пекин не придавал этому незнакомцу серьёзного значения. По всей вероятности, все эти титулы для пекинского дворя мяло что значили, и щедрость, с которой их раздавали, доказывает, что к ним относились как к дешёвым побрякушкам, способным польстить разве что тщеславию вярвяров. Гораздо более осязаемой наградой Тогорилу и Тэмучжину стала захваченная у татар добыча. Тэмучжин по случаю удачного грабежа и в этот раз подобрал на поле боя брошенного мальчика по имени Шиги-Кутуку, который был одет в соболью шубу, а нос его был украшен золотым кольцом. Оэлун его усыновила.

Победитель с богатой добычей возвратился в свои земли у истоков Керулена в окрестностях озера Карилту. Но там ему пришлось иметь дело с мятежом кланя джуркин, который отказался участвовать в походе на татар. Мстя за оскорбление, полученное во время одного шумного и весьма нетрезвого пиршества, люди этого клана хладнокровно убили несколько десятков человек из приспешников хана. Тому не оставалось ничего иного, как ответить самым жестоким наказанием. Мятежников догнали и захватили в плен. Среди них были двое, считавшиеся потомками Хабул-хана: Сача-Беки и Тайджу. Их обезглавили. Теперь Тэмучжин осмелился убрать со своего пути представителей знатнейших родов, которые могли претендовать на власть. Эта казнь стала важным прецедентом.

Вскоре другой соперник хана, Бури-Берке (Бури Силач), также знатного рода, стал жертвой этой практики устранения конкурентов. Случай представился во время состязания по борьбе, которое было в большом почёте у тюрков и монголов. Сводный брат хана Бэлгугэй вызвал на схватку Бури, и вот эти двое с обнажёнными торсами сцепились, и каждый старался уложить противника на землю неожиданным захватом. Зрители, окружив борцов, подбадривали своих любимцев криками и шумно одобряли удачные приёмы. В «Сокровенном сказании монголов» рассказывается, что Бури, настоящий колосс, нарочно позволил Бэлгугэю сбить себя с ног, чтобы не рассердить Тэмучжина. Тот следил за происходящим с явным интересом и «закусил себе верхнюю губу», что было условным знаком для Бэлгугэя, который «вскочил сопернику на спину, скрестил руки вокруг его шеи и сделал резкий рывок, одновременно упираясь коленями ему в спину». Таким приёмом «двойного захвата головы» Бэлгугэй сломал противнику шейные позвонки и раз и навсегда

предотвратил его возможные попытки добиться ханской власти.

Этой плохо замаскированной расправой Тэмучжин сделал ещё один шаг к высшей власти. Но он был пока далёк от полного господства над всеми кочевыми племенами. В 1201 году против него сложилась коалиция, объединившая, вероятно, несколько тысяч человек, в которую входили меркиты, тайджиуты, найманы, татары и другие племена. Это воинство выступило под началом Джамухи, сохранявшего высокий авторитет среди племён, знать которых объявила его *гурханом*. Он стал единственным главой объединённых племён, выступивших против гегемонии Тэмучжина. Там встретились давние соперники Тэмучжина: меркит Токто-Беки, глава ойратов Кутука-Беки, глава тайджиутов Таргутай-Кирэлтух и один из найманов. Появление такой коалиции стало важным событием в истории монголов: на пороге XIII века многочисленные племена, преодолев свои давние распри, объединились под командованием одного правителя. Параллельное избрание Джамухи ханом даёт основание полагать, что кочевые племена стали склоняться к какой-то форме объединения. Коалиция против Тэмучжина собрала отдалённые друг от друга силы, а не соседние более или менее родственные кланы, как то было прежде. Со склонов Большого Хингана пришли татары, из северной тайги — ойраты, с юго-запада, от Алтайских гор, пришли самые опасные — найманы.

Война против найманов

Найманы, тюрки, подвергшиеся монголизации, частично христиане, соседи керэитов, жили между верхним течением Иртыша и горным районом Каракорум, относящимся к Большому Алтаю, и в то время переживали кризис наследования власти. Их вождь умер, а двое его сыновей оспаривали друг у друга одну наложницу. В итоге каждый из них повёл за собой часть своих сторонников. Первый, Буюрук, поднял степные племена, а его соперник нашёл поддержку у горцев. Это соперничество породило беспощадную войну.

Узнав об этих распрях среди найманов, Тэмучжин и его союзник Тогорил решили ускорить события. Они собрали несколько тысяч всадников, чтобы захватить земли найманов. Перевалив через хребет Хангай, они направились к Кобдоским озёрам. Буюрук при приближении монголов бежал, уклоняясь от столкновения. Тэмучжин через посланных вперёд лазутчиков узнал, что перевалы через Алтайский хребет свободны, и прошёл по ним на территорию врага. Высота перевалов достигает трёх

тысяч метров над уровнем моря, и они проходимы только в летнее время. Но, подобно Ганнибалу, который за тысячу лет до того перешёл со своим войском через Альпы, хан решительно повёл через горы Центральной Азии свою кавалерию вместе с повозками, гружёнными военным снаряжением и продовольствием. Спустившись с гор, монголы вошли в долину Улунгур близ одноимённого озера. В этой нездоровой болотистой местности они дали бой найманам и покончили с их вождём. Одержав эту лёгкую победу, монголы на следующий день развернулись и перевалили через Хангай в обратном направлении. Они очень медленно передвигались по негостеприимным долинам и диким ущельям, а найманы устраивали на них нападения из засад. Наступила ночь, и под её покровом за каждой скалой легко мог укрыться враг, каждый крутой склон грозил опасностью. Лазутчики разведали несколько позиций противника, но монголы не решались напасть. Завязались переговоры, и было решено начать дело с рассветом.

Но на следующий день Тэмучжин и его сподвижники, неосторожно углубившиеся на территорию горцев-найманов, узнали, что их союзник Тогорил, который помог Тэмучжину стать ханом, боевой соратник Есугея, сражавшийся против меркитов ради освобождения похищенной жены его сына, — Тогорил совершил измену. Ночью он зажёл огни на своих позициях, после чего бесшумно увёл свои силы, оставив Тэмучжина одного в чужой враждебной местности. Неожиданное дезертирство Тогорила не находит убедительного объяснения. Хроника утверждает, что Тогорила подбил на это Джамуха, который намекнул ему, что Тэмучжин вступил в тайный сговор с найманами. Как бы то ни было, та же хроника сообщает, что войска Тогорила и Тэмучжина действовали независимо друг от друга.

На рассвете Тэмучжин обнаружил, что один из его флангов не прикрыт, а найманы, расположившиеся на высотах, стали хозяевами положения. Можно представить себе его гнев. Но хан ни минуты не колебался. Поняв, что «подобен рыбе, плавающей в котелке», он немедленно отступил. Найманы, удерживавшие перевалы, осыпали монголов тучами стрел. Те же без поддержки керэитов с трудом выбрались из западни, в которой оказались. И всё же их отступление не было беспорядочным, и им удалось выйти на открытую степную местность под названием Спина Осла. Там Тэмучжин узнал, что Тогорил оказался в трудном положении: его преследовали найманы, и он уже готов был оставить врагу нескольких членов своей семьи. Хан из великодушия или по расчёту решил послать Тогорилу подмогу. В итоге отважные воины Боорчу, Мухали, Борокул и Чилаун выручили керэитов и поправили положение.

Спасшийся Тогорил выразил своему союзнику благодарность. Он просил у неба благословить того, кто помог ему вернуть своё достояние. Боорчу, одному из лучших военачальников хана, он вручил два золотых кубка и драгоценную одежду. Немного позднее Тогорил произнёс слова, которые, возможно, объясняют его поведение: «Сам я теперь стар. Когда, постарев ещё больше, я сойду с высоты...<...> кто возьмёт на себя заботу обо всём народе?»

Постаревший и ослабевший Тогорил чувствовал приближение конца. Он попал в зависимость от более сильных, и ему никогда уже больше не стать главнокомандующим. Не это ли было причиной снисходительности монгольского хана к Тогорилу?

Кровь в степи

Устранив найманов, Тэмучжин мог решить, что при его возросшей власти соседние племена ему не угрожают. Но это если не считать неумолимого заговорщика Джамуху. Упорство, с каким тот старался навредить человеку, некогда бывшему самым близким его другом, поражает. Был ли он в действительности главным соперником Тэмучжина или «Сокровенное сказание монголов» сделало его таковым, стремясь подчеркнуть величие хана? Такого рода коллизия часто встречается в старинных рыцарских романах.

В первые месяцы 1200 года Джамуха снова собрал коалицию родов, недовольных гегемонией хана. Там были меркиты нижнего течения Селенги, татары верховьев Керулена, лесные охотники ойраты и тайджуиты с берегов Онона и даже кланы из хонгиратов, напрямую зависимых от Тэмучжина. К этому достаточно рыхлому объединению присоединились и сохранившиеся остатки найманов. Джамуху провозгласили *гурханом*, как бы узаконив его властные притязания. С этой целью были приглашены шаманы, которые исполнили традиционный обряд с принесением в жертву коней.

Но сторонники Тэмучжина не дремали. Новости расходятся по степи быстро. Пастухи при встречах рассказывают друг другу о перемещениях племён. Ни один охотник не подойдёт к чужому становищу, если не уверен в благожелательности его обитателей. К началу 1200 года Тэмучжин уже набрал такую силу, что имел возможность содержать настоящую осведомительную службу, корпус опытных разведчиков. Теперь пастухи

шпионили за окружающими племенами. Они оставляли соглядатаев на всех основных водопоях, изучали следы, оставленные стадами, которых перегоняли на летние пастбища. Благодаря этим мерам Тэмучжин узнал, что Джамуха собрал вокруг себя десятки больших и малых родов и что предстоит вновь иметь дело со своим бывшим побратимом.

И снова он призвал на помощь Тогорила, своего дряхлеющего и не вполне надёжного союзника. Первое столкновение произошло на берегу реки Аргуни. В хронике сообщается, что Джамуху окружали шаманы, которые перед решающим сражением совершили камлание, кидали камни в воду, просили духов даровать победу их предводителю. Если верить монгольским источникам, двоим из шаманов, Буюрука и Кутукабеки, удалось своими магическими действиями вызвать бурю. Но «волшебная буря повернулась и обрушилась прямо на них». Было ли это дурным предзнаменованием для Джамухи? Если только не предположить случайного совпадения шаманских камланий с природным явлением, произошедшим над местом сражения, эпизод представляется малодостоверным. Добавим, однако, что многие шаманы, имевшие большой опыт наблюдения за природой и погодными явлениями, были вполне способны убедить скотоводов в том, что могут вызвать и ненастье, и ясную погоду.

По всей видимости, битва, состоявшаяся на берегу Аргуни, была чрезвычайно упорной. В течение всего дня противники не раз сходились в схватке, результат которой оставался неясным. «Бились, возвращаясь к сражению вновь и вновь много раз, а когда наступил вечер, заняли оборону и спать легли там же на месте боя». Битва была прервана не только наступлением темноты, но истощением сил воинов и животных, особенно лошадей.

Во время этого сражения хан был серьёзно ранен. У него была задета шейная артерия, началось кровотечение, но его преданный соратник Джэлмэ сразу же спешил, чтобы перевязать рану. До середины ночи Тэмучжин не приходил в сознание, а потом попросил пить. Джэлмэ сумел пробраться в стан противника и вывезти оттуда бурдюк с кумысом. Слегка разбавленный водой, этот напиток придал сил раненому. Автор хроники сообщает натуралистическую подробность: Тэмучжин упрекнул своего верного слугу за то, что он выплюнул слишком близко к нему отсосанную кровь, которая, подсохнув, оставила на земле бурое пятно. Встав на ноги, хан горячо поблагодарил друга, спасшего ему жизнь. Наконец пришло известие, что найманы оставили поле боя. Для Тэмучжина это была ещё одна победа.

На земле остались лежать трупы, над которыми уже роились мухи. Раненые охрипшими голосами повторяли свои тщетные жалобы и просьбы о помощи. Многие из них умерли: гангрена и заражение крови не оставили шансов тем, у кого были серьёзные ранения. С трупов снимали оружие, дорогие шапки и украшения. Тэмучжин заметил сидящую на отдалённом пригорке плачущую женщину. Подойдя поближе, он узнал в ней жену Сорган-Шира, человека, который спас ему жизнь, когда он прятался от таджиутов. Женщина стенала, потому что люди хана увели её мужа, чтобы заколоть. Сорган-Шира привели к Тэмучжину, и он рассказал, что людей его рода насильно заставили примкнуть к Джамухе. Хан простил его.

К исходу сражения к Тэмучжину явился вражеский воин по имени Джиркоадай и объявил, что это он одной стрелой сразил скакуна, которого Тэмучжин поручил своему сподвижнику Боорчу. Сообщив о своём подвиге, Джиркоадай с полнейшим спокойствием ожидал наказания. Но смелого лучника пощадили. Его прозвали Джэбэ («Наконечник стрелы»). Он поступил на службу к хану и позднее прославился в боях в Иране, а впоследствии и у ворот Европы.

Вождь таджиутов Таргутай-Кирэлтух, старый недруг Тэмучжина, сумел бежать и укрылся в лесу. Трое его слуг схватили его, связали и бросили в повозку, чтобы выдать победителю в надежде на вознаграждение. Но по дороге, когда пленнику едва не удалось освободиться, слуги заколебались: они не были уверены в том, как поступит с ними хан, о котором они слышали, что измену он не прощает никому. Они отпустили пленника, после чего предстали перед ханом и рассказали о своём поступке. Им повезло: они были прощены.

Но великодушие Тэмучжина было не безграничным. Последовали расправы, в особенности над таджиутами, к которым Тэмучжин с детства питал лютую ненависть. Все, «кто имел таджиутскую кость», даже малые дети, были безжалостно перебиты. Подчас способный на сострадание и даже на доброту, Тэмучжин был склонен к неудержимым и необъяснимым актам жестокости. Но в то время и образ жизни кочевников отнюдь не располагал к благородным поступкам. Предвидел ли хан в начале 1200-х годов, какие грандиозные перспективы перед ним открывались? Умение пользоваться обстоятельствами — главное преимущество честолюбца. Человек, который не останавливался перед препятствиями и уже не раз бросал вызов судьбе, наверняка знал монгольскую пословицу: «Когда стрела на тетиве, её надо пустить».

Из «Сокровенного сказания монголов» можно понять, что события, развернувшиеся около 1200 года, потрясли всю Северную Азию. В действительности же конфликты между Тэмучжином и его соперниками не выходили за пределы их мира и не касались больших азиатских держав. В глазах Пекина, ограждённого Великой стеной с её армейскими корпусами, эти спорадические военные столкновения между монгольскими племенами были всего лишь «смутой между варварами». Корейское государство не беспокоилось по поводу происходящего у монголов, так как его отделяли от них тунгусские народы. Уйгурское царство и государство Си Ся (Миньяг) охранялись пространством пустыни Гоби. Не говоря уже о крупных азиатских державах — империи хорезмшахов, государстве каракитаев и султанате Гуридов в Пенджабе на севере Индостана, весьма удалённых от монгольских степей и вовсе не знавших о существовании Тэмучжина и его кочевых орд.

Благодаря стычкам и набегам, описываемым в «Сокровенном сказании монголов», постепенно выковывалась армия Тэмучжина. Около 1200 года у монголов ещё не было настоящей армии. Кочевники были в первую очередь скотоводами. Их главным делом было выращивание поголовья и использование его как основного жизненного ресурса. В свободное от забот о стадах время монголы занимались ремонтом повозок, плетением верёвок, изготовлением стрел, войлока для юрт и необходимой одежды.

К этим повседневным видам деятельности добавлялась обработка шкур, которая требовала особых навыков. Кочевники давно заметили, что при помощи дыма и жира можно размягчать шкуры, используемые для одежды. Лесные охотники в своё время, вероятно, обнаружили, что кора некоторых деревьев обладает дубильными свойствами. Археологические раскопки в Керчи на Крымском полуострове, а также в Узбекистане и некоторых районах Южной Сибири показывают, что кочевые народы, такие как скифы или саки (азиатские скифы), одевались приблизительно так же, как и монголы: кожаные туники и штаны, подпоясанные узким ремнём; на ногах — сапоги, достигающие до колен. В погребальных курганах долины Пазырыка на Алтае рядом с территорией Монголии советские археологи обнаружили большое разнообразие предметов из кожи, включая части конской сбруи. Эти ремесленные изделия, возраст которых превышает 2500 лет, доказывают, что древние кочевые народы умели хорошо выделывать кожу. Некоторые из найденных предметов украшены аппликациями из

кожаных пластинок.

Шкуры и меха, которыми пользовались монголы, были в основном овечьими и козьими. Из этих дублёных или сыромятных шкур делали тулупы — длинные или короткие шубы, которые застёгивались на груди на левую сторону — по тюркскому обычаю, а позднее на правую — по китайской моде. Под этими шубами мехом внутрь или наружу носили тканую одежду, которую приобретали или захватывали как добычу у осёдлых народов, поскольку сами ткачеством не занимались. Такая одежда, открытая спереди, позволяет легко садиться на лошадь. Монголы её практически не снимали. Согласно всем известным свидетельствам, она была постоянно грязной и пропитанной жиром. Благодаря последнему — дольше сохраняла эластичность и прочность. Монголы носили штаны, которые заправляли в мягкие сапоги с загнутыми мысками, что можно видеть на китайских картинах того времени. В сильные холода надевали вторые, более лёгкие войлочные сапоги, которые использовались как чулки. Костюм завершали шапки самых разных видов: войлочные остроконечные, какие до сих пор носят в некоторых районах Центральной Азии, шапки-треухи, напоминающие русскую ушанку, или тюрбаны.

Рубрук подробно описывал одежду монголов, которых встречал по пути: «Что до их одежд и облачений, то будет вам ведомо, что из Китая и других стран Востока, а также из Персии и других южных стран они получают шёлковые с золотыми нитями и хлопковые ткани, которые носят летом. <...> На зиму они готовят себе по меньшей мере две шубы, одну мехом внутрь, прямо на тело, другую мехом наружу — против ветра и снега. По большей части они делаются из меха волка, лисицы или *папиона* [рыси?]. Находясь в доме, они носят другие, более лёгкие шубы. Бедняки носят шубы мехом наружу, изготовленные из шкур собак или коз. Богачи подбивают свою одежду шёлковыми очёсами, бедняки — хлопком». Почти такое же описание даёт на пороге XX века Жирар де Риалль: «Их одежда, и мужская и женская, состоит из штанов из хлопковой ткани или овечьей кожи, которые на талии затягивают поясом, зимой — из войлочной или меховой шубы. Головы они покрывают небольшими шапками из шёлка или сукна ярких цветов. На холодную погоду шапки подбивают мехом. Обуваются они в высокие сапоги на толстой подошве».

Схожую, чуть более длинную одежду носили женщины. Их одежды из цветной ткани выменивались у караванщиков. После замужества или во время торжественных церемоний женщины знатного рода могли быть одеты с вызывающей роскошью, а их замысловатые причёски удивляли всех путешественников. Густая масса длинных чёрных волос закреплялась

на каркасе из дерева или коры, и вся эта сложная конструкция, напоминающая некое подобие шляпы, была затейливо переплетена лентами с украшениями из золота, серебра и полудрагоценных камней. Одорико де Порденоне сравнил эту женскую причёску с «мужской ногой», унизированной жемчугами и перьями. Путешественники вплоть до начала XX века сообщали, что степные франтихи занимались повседневными домашними делами с такими причёсками, в которых можно было различить специфические особенности, присущие данному племени, и, казалось, они совсем не мешают им. «Что касается женщин, то они отличаются необыкновенными причёсками, — писал в конце XIX века капитан Майн Рид. — ...Спереди этот чудовищный колпак украшен подвесками из золота и серебра, колокольчиками, монистами из цехинов и пуговиц, бубенчиками, сердечками из драгоценных камней — словом, кучей украшений, которые более подходят для конской сбруи, нежели для женского наряда».

Как у мужчин, так и у женщин было широко распространено ношение длинных волос — или заплетёнными в косу, или ниспадающими на плечи. Ещё один обычай, уже чисто мужской, был отмечен многими европейскими путешественниками: монголы выбривали себе верхнюю часть черепа, а оставшиеся волосы заплетали в косы, закрывавшие загривок и уши. Это что-то вроде стрижки «под горшок» наоборот.

Гигиена не особенно заботила монголов, поскольку воды у них всегда недоставало и она была предметом различных табу. Об этом упоминает тот же Рубрук, описывая монгольских женщин: «Они никогда не стирают одежду, так как, по их мнению, это раздражает бога, и если они вывешат её для просушки, начнётся гроза с громом. <...> Они никогда не моют и свои миски, больше того, когда мясо сварится, они ополаскивают бульоном из котелка миску, на которую кладут мясо, а потом вновь сливают этот бульон в котелок». Фламандского монаха удивляла и грубость поведения монголов во время трапезы: «Все пьют наперебой, мужчины и женщины. Иногда стараются перепить один другого, пьют захлёб и очень неопрятно. Когда хотят подбить кого-нибудь на питьё, хватают его за уши и сильно дёргают, чтобы раскрыть ему рот, бьют его по рукам и пляшут перед ним». Эту бытовую нечистоплотность монголов подметил и Плано Карпини: «Когда руки у них все вымазаны в жире от съеденного мяса, они вытирают их или о штаны, или пучком травы, или чем попадётся. Самые аккуратные пользуются тряпками».

Эти неотёсанные скотоводы, грубые лошатники в потрёпанных и дурно пахнущих одеждах и составят отряды кавалерии Чингисхана. Поначалу они не были готовы к ведению настоящих войн, даже если для

защиты своего скота и пастбищ изготавливали разного рода боевое снаряжение, как наступательное — луки, сабли, арканы, так и оборонительное — попоны для лошадей, шлемы с металлическими накладками, латы. Последние делались из полосок бычьей кожи, наклеенных одна на другую с помощью смолы и соединённых ремешками. Металлических шлемов и кольчуг они, по-видимому, не делали.

Охота для этих степных кочевников была своего рода посвящением в войну. Она не только позволяла вносить разнообразие в повседневный рацион питания, но и давала мужчинам повод оставить семейную юрту иногда на несколько дней. На опушках леса ставили капканы на диких зверей, а на открытой местности охотились с луком. Птиц — жаворонков, куропаток — и мелких грызунов — белок, тушканчиков — били стрелами с наконечниками из рога или твёрдого дерева, которые умертвляли животное, не повреждая его оперения или меха. Крупную же дичь — оленевых, волков — добывали на продолжительной и хорошо организованной охоте.

Большая охота собирала сотни, иногда тысячи участников. Охотники с собаками, иногда с кречетами и другими хищными птицами, с приручёнными волками и дрессированными гепардами загоняли большое количество дичи в замкнутые самой природой или ограждённые рядами лучников места. Дикие ослы, косули, кабаны, медведи, соболя и зайцы истреблялись стрелами и копьями. «После чего Чингисхан и его воины развлекались стрельбой по этим животным, настолько уставшим от долгого бега, что их можно было взять голыми руками. Когда эта забава всем надоедала, оставшихся в живых диких ослов отпускали на волю, но перед этим те, кто их захватил, ставили на них своё личное клеймо».

Эти охоты были организованы как военные действия, где каждый нойон и баатур предводительствовал своими отрядами охотников, стремясь добиться как можно большей точности и результативности в стрельбе. Добытая дичь распределялась по строгим правилам: хан, а за ним знать пользовались преимуществом в получении значительной доли. Марко Поло, присутствовавший на таких больших ханских охотах во времена Хубилай-хана, усмотрел в них «нечто красивое и приятное для взора»: «А когда Повелитель отправляется на охоту, один из его баатуров с десятью тысячами всадников и пятью тысячами собак при них выступает справа, а другой таким же образом слева. Те и другие образуют единый круг, замыкая площадь земли размером в день пути. И там ни один зверь не спасётся».

Охота и набеги, собиравшие тысячи всадников, сплачивали племена, ослабляли соперничество внутри них, прививали монголам стратегическое

чутьё. Обширные охотничьи угодья служили огромным полем для манёвров. Эти всадники в овечьих и волчьих шубах были совершенно непохожи ни на войска средневековой Европы, ни на мобилизованное воинство императорского Китая, зачастую готовое продать себя тому, кто больше заплатит. Тэмучжин собрал вокруг себя скотоводов и пастухов, которые в случае необходимости были готовы защитить свои стада, пастбища и семьи. В известной степени то был вооружённый народ. Подобно ополченцам на дозоре, они были чаще всего вооружены, так как им приходилось иметь дело с конокрадами, с набегами враждебных родов или племён или даже с войсками, посланными против них государствами с осёдлым населением. Настанет день, когда Чингисхан сумеет из своего разношёрстного ополчения сделать настоящую армию, которая последует за ним на завоевание мира.

Глава VII

ХОЗЯИН МОНГОЛИИ

Тогда Чингис обратился к татарам и моалам [монголам], говоря: «Наши соседи притесняют нас потому, что у нас нет вождя». После этого татары и моалы объявили его своим вождём и Предводителем.

Гийом де Рубрук. Путешествие в монгольскую империю

Война против татар и керэитов

Добившийся уважения и уже внушавший страх храбрый воин Тэмучжин понимал, что сможет укрепить свою власть только за счёт тех родов и племён, которые пока ещё не признали его. В 1202 году, менее чем через пять лет после избрания его ханом, он решил, что достаточно силён, чтобы привести к повиновению татар. Те, хотя и потерпели крупные неудачи в столкновениях с войсками чжурчжэней и коалицией во главе с Тэмучжином и Тогорилом, всё ещё были достаточно сильны, чтобы думать о реванше. Но хан не оставил им на это времени. Он разбил объединение четырёх татарских племён в сражении, которое состоялось близ устья реки Халха, в месте под названием Далан-Немергес (Семьдесят Войлочных Плащей).

Хан убеждал своих людей не предаваться грабежам, пока противник не повержен окончательно. Но трое из них — Алтан, Хучар и Даритай — не поняли или не захотели его понять. Хан не мог оставить безнаказанным такое нарушение дисциплины. После битвы он отобрал у них захваченную ими добычу, но казнить их не решился, потому что они были его родственниками. Униженные перед своими воинами, эти трое вскоре подняли мятеж.

Среди добычи победителей были две красивые татарки, дочери одного военачальника. Одна из них, Есуген, пришлась по вкусу Тэмучжину, и он сделал её своей наложницей, но потом, решив, что её сестра Есуй ещё краше, ввёл и её в свой шатёр. Мы мало знаем об отношениях хана с

женщинами, но, несомненно, ему нравилось проводить с ними время. Постоянное присутствие женщин рядом со знатными монголами, объясняемое как их относительной свободой, так и распространённой практикой внебрачного сожителства, отмечали многие иностранцы, в частности Плано Карпини и Рубрук. Тот и другой находили монгольских женщин безобразными.

По окончании сражения Тэмучжин, чтобы решить участь нескольких пленников знатного происхождения, собрал тайный совет, после которого вынес бесповоротное решение: смерть. В этом проявилась мстительность хана в отношении татар, на которых он возлагал коллективную ответственность за отравление его отца, совершённое за 30 лет до того. Из-за неосторожности Бэлгутэя, сводного брата хана, пленные узнали о том, что их ожидает. Спрятав под одеждой ножи, они отчаянно защищались и смогли убить нескольких людей хана из числа тех, что пришли за ними. Бэлгутэю за его излишнюю разговорчивость было запрещено впредь присутствовать на тайном совете.

Победа над татарами подняла авторитет Тэмучжина. Вскоре другое татарское племя, солоны, признало его власть. Новые союзники, новые пастбища, новые охотничьи угодья. Усиление власти Тэмучжина мало-помалу начинало беспокоить властителя керэитов. И несмотря на свой почтенный возраст, он перешёл от благожелательного нейтралитета в отношении Тэмучжина к нейтралитету недружественному. Марко Поло и автор хроники, описывая этот эпизод, объясняют возникший конфликт обидой, которую Тогорил нанёс хану. Монголы и керэиты были соседями и поддерживали друг с другом хорошие, иногда даже союзнические отношения, хотя, как мы помним, во время столкновения с керэитами Тогорил вышел из дела в решающий момент. Всё же Тэмучжин решил возобновить прежний союз и предложил Тогорилу скрепить его брачными узами: попросил в жёны своему сыну Джучи керэитскую принцессу, предложив, со своей стороны, монгольскую принцессу сыну ван-хана Нилка. Но Тогорил отверг эти предложения, что было воспринято ханом с горечью. Нилка, который носил высокий титул *сангуна*, присвоенный ему китайским двором, не видел в возможном брачном союзе с монголами ничего для себя хорошего. Отец его уже стар, а Тэмучжин набрал силу, и такой брак сделал бы его ровней тому, чьим вассалом он считался. К тому же Нилка имел контакт с Джамухой, который ещё не отказался от притязаний на ханство. Поэтому Нилка постарался уговорить отца не соглашаться на предложение Тэмучжина, и старик из осторожности или по слабости характера уступил ему. Молодой и горячий Нилка вознамерился

присвоить себе ханскую власть, которую, по его мнению, Тэмучжин держал не так крепко. «С мёдом на устах и кинжалом за пазухой» он заставил старика принять свои требования и пустил первые стрелы в Тэмучжина. Весной 1203 года его люди, как это часто происходило у кочевников, подожгли траву в той части степи, где кочевали стада монголов.

Вскоре после этого Нилка задумал покушение на хана, пригласив его на пиршество. Но заговор сорвался, так как Мунглик отговорил своего господина принять приглашение сангуна. Тогда тот вновь решил ускорить решение вопроса и собрал своих людей для молниеносного нападения. И вновь его постигла неудача. Один из участников военного совета проговорился о предстоящем походе своей жене, слова его подслушал слуга — вероятно, пленный монгол, — и они были переданы хану, который успел перенести свою ставку в безопасное место.

Тревога была нешуточной. Чтобы подготовиться к худшему и оттянуть возможное внезапное нападение, Джэлмэ было поручено составить отряд арьергарда, пока Тэмучжин будет скрываться в полупустынной местности. Но Тогорил и его союзники, среди которых был и Джамуха со своими людьми, сумели его найти. «Сокровенное сказание монголов» подробно описывает, как лучшие силы с обеих сторон не раз шли на приступ и вступали в яростное противоборство. На страницах хроники в эпическом стиле повествуется о жестоких схватках, где противники, используя копья и сабли, искали и находили друг у друга незащищённые места, чтобы вонзить в них железное остриё.

Во время этого сражения поведение Джамухи опять было достойно удивления. Когда Тогорил предложил ему направить свои силы в атаку на главном направлении, он отказался и послал к Тэмучжину гонца с сообщением о намерениях Тогорила и его союзников. Здесь следует отметить незаурядное тактическое чутьё Тэмучжина. Он никогда не ввязывался в безнадёжные, безрассудные и грозящие большими потерями схватки. Его отличала осторожность, и когда он считал, что его позиция слаба, умел отступить и найти более выгодную позицию. Стратегия хана состояла в том, чтобы решительно атаковать, когда представляется удобный случай, но отступить, если противник сильнее. Тэмучжин берёт своих воинов, понимая, что иногда приходится «натянуть тетиву, но придержать стрелу». Во время сражения хан обнаружил, что многие из военачальников не откликнулись на его голос. Среди них оказались Боорчу, Борокул и его собственный сын Угэдэй. Отступив на безопасные позиции, он послал в тыл лазутчиков, чтобы отыскать пропавших. Переворачивали тела,

лежавшие в прибитой конскими копытами траве. Всё было напрасно. Тэмучжин был вне себя от горя, бил себя кулаками в грудь, призывая небо стать свидетелем его страданий. И вдруг появилась целая туча всадников и среди них Боорчу верхом на выючной лошади, потому что его скакун был под ним убит. Там же был и Угэдэй, серьёзно раненный стрелой в шею и потерявший много крови. Но друг успел его довести до своих. Тэмучжин раскалённым железом прижѐг рану. И перед своими военачальниками пролил слѐзы над сыном.

Поскольку его люди были на пределе сил, Тэмучжин решил отступить. Керэиты тоже находились не в лучшем состоянии. Тогорил со своим сыном спорил о причинах поражения. Горечь сменилась общим утомлением, хотя один из керэитских предводителей, горячий Ачик-Ширун, предлагал своему вождю: «Пойдѐм на них и сделаем из них навоз!»

Тэмучжин в сопровождении нескольких тысяч человек, ещё сохранивших боеспособность, вернулся вниз по течению реки Халха по направлению к озеру Буюр. Когда в повозках закончились все съестные припасы, пришлось устроить большую охоту, во время которой один из верных сподвижников Тэмучжина, Куилдар, умер от истощения сил. Потом Тэмучжин, разделив своих людей на две группы, достиг территории хонгиратов, из которых происходила его жена Бортэ. Он сразу же отправил к этим племенам посланцев с требованием принять у себя отступающих монголов. Из страха перед вооружѐнными пришельцами, из осторожности или же из лояльности Тэмучжину хозяева согласились доставить его людям запасы съестного и топлива.

Хану предстояло залечить раны, нанесѐнные его воинству керэитами, а потом продолжить переход через пустыню.

Сетования хана

В «Сокровенном сказании монголов» крайне редко описываются чувства главных персонажей. Но вот авторы хроники, отойдя на время от восславления монгольских героев, дают читателю возможность увидеть сложность натуры Тэмучжина, который может показаться фигурой, отлитой из бронзы. Тэмучжин мог проявить сострадание к собственному сыну, когда жизнь того была под угрозой, но это было следствием шока, полученного в разгар жестокой схватки. Найдя себе убежище в районе между озёрами Буюр и Далай, Тэмучжин, оказавшись в относительной безопасности, впал в отчаяние. Под внешностью неуязвимого героя

скрывались бессилие и подавленность. Железный человек, оказывается, тоже способен быть слабым.

Хан горько сетовал на противника и на само соперничество. В хронике эта жалоба изложена с особенным чувством, что заставляет предположить, что этот эпизод предназначался для чтения вслух. Персидский историк Рашид ад-Дин и китайские летописцы воспроизвели его в двух не вполне совпадающих версиях.

Тэмучжин из своего укрытия послал двух гонцов к Тогорику, чтобы те передали ему, как глубоко он разочарован в человеке, которого считал своим приёмным отцом. Несмотря на горечь и обиду, он не вложил в свои упреки никакой угрозы. В них звучит только негодование по поводу непостоянства керэитов. Хан видел в этом влияние какой-то тёмной силы, которая смогла подорвать крепость их союза. «Хан, отец мой, — печально говорит Тэмучжин, — не повлиял ли на тебя кто-то посторонний, не настроил ли тебя какой-нибудь недоброжелатель? Хан, отец мой, разве мы не договорились о том, что, если какая-нибудь острозубая змея станет настраивать нас друг против друга, мы не поддадимся и поверим только тому, что проверим на зуб и на вкус? Разве мы не условились об этом?»

Тэмучжин напоминает тому, кого продолжает считать своим сюзереном, о его позорном уклонении от сражения с врагами-найманами. Он упрекает его в неблагодарности, поскольку отец Тэмучжина Есугей когда-то помог Тогорику вернуть власть. Он напоминает ему, что Есугей поднял эту власть из пыли и вручил её Тогорику, заверив, что, завоёвывая земли, принадлежавшие племенам, он действовал всего лишь в качестве его вассала.

Наконец Тэмучжин преподаёт Тогорику урок верности, показывая, что сам он не смог бы так легко нарушить союз: «Если у повозки на двух осях сломалась одна ось, бык не сможет её тянуть. Разве я не был твоей второй осью? Если у двухколёсной повозки сломается одно колесо, она уже не сможет катиться. Разве я не был твоим вторым колесом?» В этом изъяслении своих претензий содержится подробный перечень услуг, оказанных Тогорику семьёй Тэмучжина. Вероятно, этим Тэмучжин давал понять Тогорику, что больше не сможет жертвовать собой ради столь непостоянного и неблагодарного сюзерена.

Но в этом послании хана, возможно, всё-таки содержится и некая угроза. Как показал Рене Груссе, то был «весьма искусный дипломатический манёвр». Обида на вождя керэитов распространялась и на его союзников. Позднее Тэмучжин предъявил свои претензии другим действующим лицам. Сына Тогорика, Нилка-Сангуна, он упрекнул в

честолюбии, которое толкнуло его на попытку отобрать власть у старого отца, что породило недоверие между ними. Хучару и Алтану, которые переметнулись к керэнтам, он дал понять, что поскольку они избрали его ханом, то ему и должны подчиняться, и тогда он осыпал бы их своими дарами. Джамухе он поставил в упрёк, что тот собирался занять его, Тэмучжина, место в сердце Тогорила. Всё это делалось для того, чтобы посеять среди своих противников раздоры, разделить их.

Преданный союзниками, оставаясь в одиночестве и подвергаясь опасности, Тэмучжин умело играл роль оскорблённого властителя. Главные добродетели кочевников, которые он особенно восхвалял, — преданность вассалов сюзерену, верность данному слову, понятия о чести и неразрывных узах кровного и кланового родства, — несомненно, были свойственны и ему самому. Но только в тех случаях, когда ему это было выгодно. Тонкий политик, он, вероятно, стремился доказывать свою правоту во всяком деле.

Послание Тэмучжина, которое означало призыв к восстановлению прежнего союза, нашло отклик только у Тогорила. Чтобы доказать свои лучшие намерения, старик заявил, что предпочёл бы, чтобы его тело лишилось крови, нежели ещё раз предать Тэмучжина. В качестве символического жеста он надрезал ножом палец, дал нескольким каплям крови стечь в сосуд из берёзовой коры и отослал его Тэмучжину. Но это свидетельство верности пришлось не по вкусу его сыну, Нилка-Сангуну, который пришёл в бешенство от упрёков Тэмучжина. В них он усмотрел «два лица и три ножа». Более молодой и нетерпеливый глава воинственной группировки, Нилка саботировал всякое соглашение. Назревала новая война.

Конец Тогорила

Итак, попавшему в трудное положение Тэмучжину противостоял ван-хан Тогорил. Но союзники последнего, вожди племён, привыкшие к недолговечным коалициям и эфемерным договорам, подумывали о том, как им отделаться от ван-хана. Рашид ад-Дин сообщает, что Даритай, Джамуха, Алтан и Хучар затевали устранение Тогорила. Тот, своевременно предупреждённый, опередил мятежников, и они были вынуждены бежать. Даритай нашёл приют у Тэмучжина, другие участники заговора перешли к найманам. Тогорил понял, что близится его закат.

Тэмучжин удалился на берег какого-то болотистого пруда,

расположенного, вероятно, у подножия горной цепи Борчовок, севернее реки Онон. Там он, по сообщению персидской хроники, поклялся разделить со своими соратниками все грядущие испытания, как победоносные, так и трагические. Поскольку никакого иного питья, кроме мутной воды, у них не было, каждый зачерпнул её себе в чашу из пруда.

В этом негостеприимном убежище Тэмучжину улыбнулась удача. Он получил подкрепление от кочевников-ко-ролов, потом один мусульманский купец привёл ему запас продовольствия в виде отары овец — около тысячи голов, и, наконец, пришла помощь от его брата Джучи-Хасара, которому удалось всё же справиться с керэитами. Джучи-Хасар заманил их в ловушку, они стойко сражались три дня и три ночи, после чего сдались, но их престарелому ван-ха-ну с сыном чудесным образом удалось бежать.

Тэмучжин щедро вознаградил своих сторонников, деля добычу, доставшуюся от побеждённых керэитов. Двум пастухам, которые предупредили его о неминуемом нападении врага накануне одного из прошлых столкновений, он подарил шатёр ван-хана вместе со всем, что там было ценного. Кроме того, эти пастухи получили высокое звание «колчаноносцев», которое давало им право набирать собственных воинов, оставаться при оружии на пирах и пользоваться личными сосудами для питья. Помимо этого они получали право оставлять себе всю дичь, добытую во время больших сезонных охот. Перспектива получения подобных почестей и льгот привлекала многих на сторону великого хана.

Победа над керэитами усилила мощь монголов и дала Тэмучжину преимущество над другими, более многочисленными кочевыми племенами. Вожди племён из разных районов Центральной и Восточной Монголии являлись к его шатру, чтобы заключить с ним союз и стать его вассалами. Даже бывшие противники выражали свою лояльность. Хан использовал, когда это было возможно, дипломатические приёмы ради обращения своих бывших врагов в новых подданных. Вызывает удивление та решительность, с какой подобные персонажи в результате побед или поражений меняли лагерь и ожесточённо сражались против своих вчерашних союзников. Как и все кочевники, монголы служили не какой-либо идее, нации, стране, а своему господину. Этот принцип господствовал тогда же и в средневековой Европе, где иерархические отношения выстраивались по правилам сюзеренитета и вассалитета. Личные связи и взаимная зависимость наряду с традицией позволяли объединять малые сообщества.

Поражение керэитов предрешило их судьбу. Один род за другим они рассеялись среди других племён, переходя на службу к победителям.

Исторические источники не упоминают, однако, о случаях массового истребления или мести по отношению к бывшим подданным Тогорила. Возможно, Тэмучжин в глубине души сохранил память о прежнем боевом содружестве с ван-ханом. Многие керэиты получили у него значительные посты. Но это можно объяснить особыми отношениями, связывавшими Тэмучжина с семьёй Тогорила. Он женился на знатной керэитянке Ибака-Беки, дочери одного из братьев Тогорила. Сын Тэмучжина Тулуй взял в жёны сестру Ибака-Беки Соргактани, которой суждено было стать родоначальницей тюркско-монгольских династий Чингизидов, правивших в Иране и Китае. Их основателями были Мункэ, Хулагу и Хубилай. По-видимому, эта принцесса-несторианка сыграла важную роль в покровительстве миссионерам и в укоренении среди подданных Монгольской империи некоторых христианских понятий. Хубилай-хан, правитель, принимавший у себя Марко Поло, покровительствовал несторианам и даже учредил службу, которая поддерживала это верование. Он известен в основном благожелательным отношением к идеям, пришедшим с христианского Запада.

Зимой 1203 года Тэмучжин обосновался в Центральной Монголии, в районе под названием Верблюжья степь (Темейен-кээр). Там он узнал от осведомителей, что Тогорил с сыном по-прежнему укрывается у найманов. В поисках убежища беглецы добирались до них через негостеприимные степи в сопровождении нескольких верных людей, как и они, лишённых всего и перебивавшихся случайными набегами или охотой. И однажды Тогорил был захвачен людьми из одного шатра найманов. Их вождь, полагавший, что имеет дело с обыкновенным скотокрадом, убил старика без лишних разбирательств. Вероятно, Тогорил перед смертью сообщил, кто он такой, поскольку вскоре по степи разошёлся слух, что какой-то простой хозяин стойбища убил самого ван-хана керэитов. Новость эта дошла до главы найманов, который приказал разыскать тело Тогорила. Человек, который нашёл его, отрубил голову и привёз её главе найманов Таян-хану. Тот, сожалея, что не смог встретить побеждённого властителя керэитов, или испытывая угрызения совести из-за того, что не смог уберечь его от такого позорного конца, устроил в честь усопшего Тогорила траурную церемонию. Он поместил его голову в серебряный ларец, а ларец поставил на подушку из белого войлока. Потом принцесса Гурбесу велела принести кубки для возлияний, музыканты заиграли грустные мелодии. Но легенда гласит: когда сосуд с напитком поднесли к голове Тогорила, его мёртвые губы начали улыбаться и даже ухмыляться. Суеверный Таян-хан опрокинул ларец наземь и растоптал его сапогом. Придя в ужас от такого

святотатства, один из сподвижников Таян-хана объявил своему господину, что его власти грозит неминуемая беда.

Наследник несчастного Тогорила нашёл убежище в какой-то пустынной местности, где жил как отверженный. Оставленный последними сторонниками, преданный собственным оруженосцем, он достиг границ государства Си Ся к югу от Монголии, близ современной китайской провинции Ганьсу. Без союзников и без каких-либо средств он промышлял грабежом до тех пор, пока однажды в оазисе Куча на уйгурской территории жители деревни не убили его в какой-то стычке.

Тэмучжин не замедлил подчинить себе племена, которые раньше были союзниками Тогорила. К концу 1203 года он объединил под своей властью десятки тысяч кочевников Центральной и Восточной Монголии. Но на западе страны кочевники ещё оставались независимыми.

Устранение найманов-несториан

Племя найманов занимало обширное степное пространство по обе стороны Алтайских гор и бассейн верхнего течения Иртыша. Вождь найманов, хотя и был, по-видимому, человеком довольно посредственным, всё же не мог не догадываться о далекоидущих замыслах Тэмучжина. Найманы были тюркским этносом, находившимся в стадии глубокой трансформации, «перехода от тюркофонии к монголофонии», по замечанию Жана Поля Ру. Они находились под влиянием как несторианцев-уйгуров, так и шаманизма. Несомненно, правящая верхушка найманов уже вышла из того «примитивного» состояния, в котором пока ещё находилась монгольская знать. Свидетельством тому может служить высокомерное рассуждение принцессы Гурбесу, которая якобы называла своих соседей «вонючими монголами», добавляя при этом, что даже самые воспитанные монгольские принцессы не знали, что такое мыть руки и ноги. Лоск культуры найманов был результатом более развитого ремесла, более тесных связей с осёдлыми народами и контактами с западными путешественниками. Рубрук говорит о найманах-несторианах как о настоящих подданных Жана Проповедника.

Чтобы подготовиться к набегу монголов, Таян-хан решил для начала напасть на них с юга. Он вступил в контакт с онгутами, тюркским народом, также несторианского вероисповедания, но говорившим на одном из монгольских диалектов. Они кочевали в районе к северу от Великой стены вблизи Сюнаня. Но онгуты отказались от союза с Таян-ханом и

предупредили о его намерениях Тэмучжина.

Тот узнал о военных приготовлениях найманов во время охоты в степи Ослиная Спина. Начиналось лето, цветущие тюльпаны, нарциссы, ирисы ковром покрывали степные дали. Эдельвейсы и тимьян захватывали пространства, которым вскоре предстояло перейти во власть осенних холодов. Там Тэмучжин собрал верных ему людей. По-видимому, хан посчитал, что лошади его ещё недостаточно откормились, и решил отложить выступление. Но его брат Тэмуге и сводный брат Бэлгутэй горели нетерпением, желая сразиться с противником, и партия войны взяла верх. Но всё же Тэмучжин охладил пыл своих военачальников и начал тщательную подготовку к наступлению на найманов. Ему предстояло мобилизовать союзные племена и выработать стратегию.

Как всегда перед боевыми действиями, шаманы принесли ритуальную жертву перед *туком* — куском ткани, украшенным девятью чёрными конскими хвостами, который несли впереди войска. Перед этим знаменем, в котором жил *сульде*, родовой дух-покровитель, они лили из чаш кумыс. Знаки судьбы, истолкованные шаманами, были, разумеется, благоприятными для Тэмучжина, и тот сразу же направил свои войска на запад, по течению Керулена. Долгий и трудный переход через каменистые склоны холмов и речки привёл их к месту сражения. Битва при Хангае была жестокой. Она обескровила войско найманов и положила конец их могуществу.

Решающая победа

Найманам не удалось привлечь на свою сторону онгутов. Но от этого они не стали менее грозной силой. Поддержать Таян-хана пришли другие племена: ойраты, керэиты, не желавшие подчиняться Тэмучжину, а также меркиты, татары, тайджиуты — все старые враги хана, собиравшиеся взять у него реванш. Вождь джаджиратов Джамуха, как обычно, упрямо настроенный против своего бывшего анда, также был рядом с Таян-ханом, который во главе примерно пятидесятитысячного конного войска собирался на свой последний бой.

Монгольский хан располагал меньшими силами, но мог рассчитывать на воинский дух и верность своих соратников — Джэлмэ, Хубилая, Субэдэя, Джэбэ, сводного брата Тэмуге и брата Джучи-Хасара. По-видимому, найманов застал врасплох порядок, в котором наступали монгольские войска: казалось, на них почти не повлиял долгий и трудный

переход через обширный район Монголии. Среди командования найманов начались разногласия по поводу подходящего момента для атаки, но и в этот раз исход дела решили раздоры и предательство.

«Сокровенное сказание монголов» сообщает, что монголы зажгли в поле множество огней, чтобы обмануть противника относительно их численности. Таян-хан, поддавшись на эту уловку, решил уклониться от сражения и отступить. Его сын Кучлук Силач возмутился трусостью отца и назвал его женщиной, добавив, что его старшая сестра Гурбесу скорее годилась бы для командования войском. Но нерешительность Таян-хана сменилась лишь непоследовательностью.

Первые стычки, произошедшие у подножия горы Наку, беспокоили Таян-хана, чей авангард ввязался в них. Не решаясь на смелый удар, он удерживал конный отряд, рвавшийся на приступ. Рядом с ним Джамуха наблюдал вражеские боевые порядки, пытаясь распознать тех, кто ими командует. Армии разделяла полоса в 200 или 300 метров, и по знамёнам, одежде и убранству коней Джамуха различил Джэлмэ, Хубилая, Субэдэя и Джэбэ. Он указал на них пальцем Таян-хану и высказал своё мнение о том, насколько они опасны и какой тактики против них следует придерживаться.

Описание этой битвы в «Сокровенном сказании монголов» позволяет сравнить её со сражением греков и троянцев на земле Малой Азии.

«Что это за люди кинулись нас окружать? Они похожи на кур, выпущенных утром из курятника. Напились по самую глотку кобыльего молока и скачут вокруг своей матери!» — восклицал повелитель найманов.

«Это, — отвечал ему Джамуха, — уруты и манкгуты, — они, как на дичь, охотятся на воинов с саблями и копьями, вырывают у них окровавленное оружие, опрокидывают их наземь и режут. Они захватывают их останки!»

«А что это за человек позади них, похожий на голодного коршуна, который спешит кинуться на добычу?» — вновь вопрошает повелитель.

«Это, — отвечает ему Джамуха, — мой *анда* Тэмучжин. Всё его тело покрыто бронзой, выковано из железа, без единого стыка, куда могло бы войти острие пики. Видите, как он бросается на вас, словно голодный гриф?»

Потом Джамуха описывает военачальников врага, возглавляющих яростные атаки своих всадников на найманов. С диким воодушевлением — и, можно подумать, с тайным восхищением! — он перечисляет подвиги своих соперников. Он говорит, что брат Тэмучжина Джучи-Хасар (Тигр), защищённый тройной кожаной кольчугой, так силен, что посланная им из лука стрела способна пронзить тело врага насквозь. В этом описании,

содержащемся в монгольской хронике, показана странная тяга Джамухи к своему врагу, которого он знал в прошлом. В каждом его слове звучит заворожённость Тэмучжином... И внезапно Джамуха, успев предупредить об этом своего анда через гонцов, дезертирует с поля боя!

В течение ночи найманы были окружены на горе Наку, силы их были рассеяны, всадники спускались по склонам, пытаясь пробить себе путь к отступлению. В завязавшихся стычках противники бились почти вслепую. Та страшная ночь стала свидетельницей медленной смерти племени найманов и их союзников. На рассвете монголы пошли на приступ. Всадники добивали раненых, метали копья в убегающих с поля боя. Сам Таян-хан был серьёзно ранен. В сумятице никто не знал, как ему помочь. Его положили на землю, и самые верные его соратники решились на последний оборонительный выпад. Но монголы отбили это смелое выступление с такой лёгкостью, будто свернули циновку. Таян-хан умер в одиночестве. Согласно преданию, Тэмучжин, оценив его храбрость, воздал почести его останкам. От истребления спаслись только сын Таян-хана Кучлук и Джамуха. Победители грабили лагерь побеждённых, забирая оружие, драгоценности, одежду, насилая их жён и дочерей. Принцесса Губерсу, которая оскорбила монголов, перешла в распоряжение хана. Среди пленных оказался личный секретарь Таян-хана, некто Кигур, который перешёл на службу к Тэмучжину. Союзники найманов, соседние племена, перешли на сторону победителя. Один из вождей меркитов предложил Тэмучжину в жёны свою дочь Кулан, которая впоследствии стала одной из фавориток хана.

Последние меркиты

На следующий день после этого сражения, в результате которого Тэмучжин окончательно разделался с найманами-несторианами, единственными для него опасными соперниками оставались три группы племён меркитов. Населявшие территорию между озером Байкал и Алтайскими горами, в северной части течения Селенги, эти народности в основном обитали в лесу. Они составляли некое неустойчивое племенное объединение. Монголы Тэмучжина часто использовали их как вспомогательную силу. Но центробежные устремления разных группировок внутри этого объединения приводили к мятежам. Часть меркитов под водительством Токто-Беки сумела даже создать в одном из районов, покрытых густым лесом, зону, свободную от контроля монголов.

В 1204 или 1205 году Тэмучжин, решив покончить с этим заповедником, подошёл к горам Кулан-Дабан и Табын-Ула, соединяющим монгольский Алтай с его сибирской частью.

В этом труднодоступном таёжном краю преобладала хвойная растительность, росли также лиственницы и берёзы. Монгольские всадники пробивали себе дорогу до самого логова Токто-Беки, который и встретил там свою смерть. Его сподвижники, главы разных второстепенных родов, бежали и смогли развязать против захватчиков партизанскую войну. Монгольские войска перекрыли им пути к источникам воды. Оказавшись в блокаде, меркиты вынуждены были разделяться на всё более мелкие группы, всякий раз оставляя на местах всё большую часть имущества и продовольствия. Они сопротивлялись ещё несколько лет, осуществляя более или менее удачные нападения на монголов.

Около 1217 года некоторые отряды меркитов, всё ещё не оставившие безнадежных попыток воссоединения, бродили по тайге. Тэмучжин поручил своему зятю Тохучару и военачальнику Субэдэю покончить с ними. Говорят, монголы использовали для этого «железную колесницу» (*темур-терген*), то есть повозку с металлической арматурой, которая лучше выдерживала каменистые дороги. Но это представляется маловероятным, поскольку тяжёлая повозка едва ли может передвигаться по лесной чаще. Как бы то ни было, Субэдэю удалось уничтожить последних партизан-меркитов. И меркиты — кочевники из кочевников, призрачные лесные банды, голодные, истребляемые, захватываемые в плен, смешивавшиеся с монголами, — постепенно исчезли как самостоятельный народ.

Монгольские и китайские источники расходятся в хронологии этих событий с разницей в десятилетие, но несомненно, что Тэмучжин хотел во что бы то ни стало покончить с мятежными меркитами. Мы не можем сказать, предпринимались ли им с этой целью другие военные операции. Не будем забывать, что меркиты и монголы народы одного происхождения. Если между ними существовал хозяйственный обмен, то были неизбежны и конкуренция, и споры из-за охотничьих угодий, и взаимные угоны скота. Кроме того, образ жизни тех и других различался, что порождало непонимание и естественные противоречия. Для кочевника-степняка зайти в лес, чтобы добыть там дичь, означало попасть в незнакомый и опасный мир. Лесные обитатели со своей стороны обыкновенно не имели скота и были прежде всего охотниками. В степь они выходили только при недостатке дичи в лесу — чтобы увести нескольких отбившихся от стада коз и тут же вернуться в свои лесные хижины.

Упрямая ненависть Тэмучжина к меркитам, несомненно, питалась и сугубо личными мотивами. Ведь именно отряд меркитов похитил его жену Бортэ, и он, конечно, возлагал на всех них ответственность за это похищение. Его неуголимую мстительность в отношении к ним подтверждает следующий эпизод. Джучи-Хасар, сын Оэлун, захваченной меркитами, пленил одного меркита, искусного лучника, и пожелал взять его к себе на службу. Обычно великодушный к врагам, проявившим воинскую доблесть и высокие моральные качества, Тэмучжин в этом случае отказался пощадить пленного. Он, простивший Джэбэ, который метко поразил стрелой его собственного коня, приказал казнить лучника-меркита!

Трагедия Джамухи

Когда последние меркиты были уничтожены, монголам подчинились кыргызы, жившие в верхнем течении Енисея. У Тэмучжина оставался единственный враг. В то время как татары, найманы, меркиты, кыргызы и другие соседние племена оказались у него в подчинении, один человек знатного происхождения, но с репутацией, испорченной собственным коварством, всё ещё противостоял хану. То был Джамуха, человек вне закона, всё войско которого состояло в ту пору из пяти верных соратников. Загнанный в обширную болотистую местность вблизи гор Тангну, одинокий, лишившийся всякой опоры, он вёл жизнь дикого кабана. Однажды последние товарищи по несчастью, уставшие ему подчиняться или жаждавшие получить вознаграждение, схватили его, связали кожаными ремнями и за несколько переходов доставили к шатру Тэмучжина.

И в этот раз поведение Джамухи достойно удивления. Перед своим анда, побратимом, Джамуха потребовал смерти для тех, кто его предал, но также для себя самого. Пятеро приближённых Джамухи, которых он сравнил с чёрными воронами, напавшими на дикую утку, были казнены на его глазах. В то же время Тэмучжин, вероятно, тронутый злоключениями того, кто долгое время был его товарищем по играм, его другом детства, близким боевым соратником, решил спасти своему побратиму жизнь. Он вспомнил, что именно благодаря Джамухе вернул себе Бортэ, свою жену, похищенную меркитами. Он вспомнил сражения, во время которых он ехал верхом рядом, стремя в стремя, со своим сподвижником, как ночью спал с ним на одной кошме: «Когда-то мы были неразрывно связаны друг с другом, неразлучны, как две оси одной повозки. Но однажды ты покинул

меня. И вот ты вернулся. Так будем же заодно. Как когда-то. Снова заживём бок о бок. Мы успели забыть наши юные годы, вспомним же их...»

Даже если авторы хроники явно преувеличивают великодушие Тэмучжина и подчёркивают коварство Джамухи, решение хана предложить мир своему прежнему другу вызывает удивление. Больше того, он ещё раз предложил ему свою верную дружбу. Он разом решил забыть все коварства человека, который не раз его обманывал, предавал и преследовал.

Джамуха ответил на это предложение словами, свидетельствующими о незаурядности этого человека. Он похвалил своего анда за щедрость и великодушие, достойные могущественного повелителя. Он тоже вспомнил счастливые годы юности: «Когда мы были молоды, когда мы стали анда у ручья Коркунак, мы делили друг с другом пищу, мы говорили друг другу слова, которые не забываются, и мы спали рядом».

Джамуха признал, что не смог остаться глухим к исполненным желчью словам, которыми его настраивали против Тэмучжина. Он сознался, что обманул его и поэтому больше не может глядеть в глаза своему старому другу. Он признал, что его терзают стыд и угрызения совести. Тэмучжину — величие, могущество; ему, Джамухе, — унижение и поражение: «Ты, мой анда, герой. Твоя мать полна мудрости. Твои братья преисполнены достоинств. Семьдесят три храбреца, составляющие твоё окружение, служат тебе как верные кони. Насколько же я ниже тебя, о мой анда! Ребёнком меня бросили отец и мать. У меня не было братьев, мои друзья были мне неверны. Тенгри покровительствовал моему анда, который превзошёл меня во всём».

Здесь мы наблюдаем следствие психологического шока от поражения. Эти чувства можно объяснить и испытаниями, которые постигли Джамуху, начиная с того, что в детстве он был брошен родителями и предоставлен самому себе. В своём покаянии Джамуха шёл до конца и просил Тэмучжина наказать его смертью: «Теперь, о мой анда, тебе надо от меня избавиться, чтобы твоё сердце было покойно. Но если ты решишь, что я должен умереть, надо, чтобы это произошло без пролития крови. <...> А теперь скорее со мной кончайте!»

Тэмучжин, как сообщает хроника, возможно, преувеличивающая его милосердие, колебался, когда ему передали слова Джамухи. Объясняя отсутствие у него ненависти к Джамухе тем, что тот никогда не посягал лично на его безопасность, Тэмучжин объявил, что до сих пор ценит его как человека больших достоинств.

И всё же под тем предлогом, что его старый товарищ якобы «устал от жизни», Тэмучжин приказал его казнить. Быть может, он чувствовал, что

даже раскаявшийся Джамуха оставался для него потенциальным соперником? На это непохоже. Скорее, можно предположить, что между двумя персонажами разыгрывалась какая-то странная игра. Так как Джамуха просил смерти от руки Тэмучжина, тот согласился исполнить его просьбу, будучи убеждённым — или делая вид, — что исполняет именно желание друга. Создаётся впечатление, что Тэмучжин вдруг понял: лучшее, что он может сделать для своего анда, — это даровать ему смерть, которой тот так настойчиво требовал.

Чтобы осудить Джамуху на эту искупительную казнь, Тэмучжин нашёл подходящий предлог. За много лет до того, угоня лошадей, Джамуха напугал его. А теперь Джамуха отказывается от пощады, которую предлагает ему старый друг. Именно по этим сугубо личным, а вовсе не политическим мотивам Тэмучжин приговорил его к смерти.

Итак, Джамуху умертвили. Поскольку считалось, что душа человека находится в его крови, знатных людей было принято казнить без пролития крови. Согласно хронике Джамуху задушили ковром. Легенда гласит, что Тэмучжин отказался смотреть, как умирает его старый друг, и исполнение приговора поручил одному из своих племянников.

От начала и до конца история их отношений была отмечена противоречивым сочетанием дружбы и враждебности. Несомненно, Джамуху могла бы ожидать более завидная судьба, если бы он не противопоставлял себя Тэмучжину, а поддержал его во всех замыслах. С другой стороны, вероятно, он мог бы успешно ему противостоять, если бы не впадал в самоистребительный азарт и не был непостоянен. Но столь же двойственным было и поведение Тэмучжина, который сначала согласился простить соперника, а потом решил с ним покончить. В истории отношений этой странной пары и её развязке есть нечто шекспировское.

Глава VIII

ЧИНГИСХАН

И объявили Тэмучжина ханом и назвали его Чингисханом.

Сокровенное сказание монголов

Большой курултай

После устранения Джамухи Тэмучжин стал признанным вождём большинства монгольских племён, населявших пространство между горами Большого Хингана на востоке, Саянами на западе, отрогами Алтайских гор на юге и озером Байкал на севере. На этой огромной территории, которая примерно соответствует современной Монголии, сохранились лишь отдельные земли, не подконтрольные его власти. К пятидесяти годам Тэмучжин сумел утвердиться как глава всех «народов, живущих в войлочных шатрах». И тогда, в мае 1206 года, он созвал новый курултай — общий совет представителей знати всех кланов.

Ввиду слабости связей между феодальными владениями кочевников и их отдалённости друг от друга такие советы созывались нерегулярно и в разных местах. Они не представляли собой сколько-нибудь «организованного политического института». На них обсуждались более или менее важные дела, отношения между феодалами, решались вопросы войны и мира. Но иногда эти советы имели менее официальный характер и служили главным образом предлогом для пиршеств. Участие в этих «советах племён» было вполне добровольным. Но в эпоху Тэмучжина значение курултаев резко возросло. Великий хан, обладавший почти неограниченной властью, сохранял верность традиции.

Итак, в середине 1206 года тысячи посланцев племён собрались у истоков реки Онон. Степная знать явилась туда для избрания своего хана. На равнине, где проходил курултай, собралось несколько сотен человек. Среди них были вожди известных кланов, носившие лестные прозвища (*мэргэн* — искусный, *баатур* — отважный, *сечен* — мудрый и т. п.). Их сопровождали жёны, наложницы, слуги. То был огромный лагерь

войлочных шатров, просторный, открытый всем ветрам, шумный и красочный караван-сарай. Все прибыли туда, чтобы присягнуть на верность Тэмучжину, которого сочли наиболее способным держать в руках судьбу многочисленных племён нарождавшейся Монголии.

Вокруг юрт стояли сотни стреноженных лошадей. Кочевники перемещались по лагерю, любовались породистыми скакунами, искусно отделанным седлом или сбруей. Днями напролёт эти пастухи-воины общались, знакомились, завязывали дружеские или союзнические отношения. Соревновались в скачках, борцовских поединках, в стрельбе из лука, обменивались шкурами, ловчими птицами и драгоценностями. Это было подобие большой ярмарки. С наступлением вечера, когда стихали крики животных, люди собирались вокруг костров, чтобы выпить чашу молока или попробовать какой-нибудь хмельной напиток из бутылки, которую выменивали у крестьян или караванщиков. Играли в кости или верёвочку, слушали музыкантов и какого-нибудь бродячего акына, громко певшего эпическое повествование об охоте, диком медведе, скачущем галопом по степи коне.

Исторические источники не содержат никаких сведений о причинах созыва этого курултая. Около десяти лет до того, в 1197 году, Тэмучжин уже был избран ханом частью вождей кланов, включая знатных лиц, которые по своему происхождению сами могли претендовать на это звание. По-видимому, он созвал второй курултай, чтобы обновить свои полномочия и узаконить власть, которой уже фактически обладал. Да и разве мог он, никогда не скрывавший своей жажды власти, не попробовать закрепить её таким торжественным избранием? Поощряемый и поддерживаемый своей роднёй и друзьями, Тэмучжин подошёл к заключительному этапу своего долгого и неуклонного движения к цели. Будучи вторично провозглашённым Чингисханом волей Тенгри, то есть «океанским ханом по воле Вечного неба», он мог поздравить себя с большой удачей.

Если верить хронике, избрание Тэмучжина было обставлено с большой пышностью. Ввысь поднялось священное знамя *тук* с развевающимися на ветру девятью конскими хвостами. Шаман Кокочу, Небеснейший, лично освятил власть Тэмучжина в ходе грандиозной церемонии. К исходу курултая Чингисхан отметил это событие, в порыве суверенной щедрости раздавая назначения на высокие посты и награды. Преданные ему соратники, заслуженные воины получили роскошные подарки из запасов военной добычи.

У хана были свои сторонники. Отныне у него появились и свои царедворцы. Тем, кто его восхвалял, кто ему льстил, Чингисхан жаловал

высокие назначения и дары.

Шаман Кокочу, сделавший ставку на успех хана, получил в подарок то, что попросил в качестве залога своего предсказания, — гарем из тридцати красивых женщин. Помимо этого ему дана была большая власть над лесными народами северо-запада. Мухали, который также пророчил своему господину исключительную судьбу, получил китайский княжеский титул и «командование левым крылом вплоть до гор Кунчидун». Лыстец Шиги-Кутуку, приёмный сын хана, воспитанный его женой Оэлун, потребовал своей доли почестей: «Разве я менее предан тебе, чем другие? С детства я рос на твоём пороге и никогда не думал ни о ком, кроме тебя. Ты позволил мне спать у твоих ног, ты обращался со мной как со своим маленьким братом. Что ты дашь мне в знак своей благосклонности?» Он был назначен верховным судьёй. Это доказывает, что хан, когда это ему было нужно, без колебаний ставил на высокие посты своих близких.

Чингисхан умел вознаграждать самых надёжных своих сторонников, которые сделали возможным обретение им высшей власти. Военачальники Джэлмэ, Субэдэй и Хубилай, а также Джэбэ, равно как Мунглик, Кунан и Дегей, которых хан хвалил за храбрость и верность в прошедших сражениях и походах, — все были щедро награждены. Боорчу, друг детства и товарищ хана по оружию, заслужил похвалу за свою бескорыстную преданность повелителю: «Ты ничего обо мне не знал, но сразу же всё оставил, чтобы пойти за мной. <...> О Боорчу, о Мухали, вы помогли мне взойти на престол, потому что постоянно давали мне советы, поощряя меня, когда я был прав, и удерживая, когда я ошибался».

Хан не только разделил с верными соратниками свою славу, но и высказал слова признательности, даже нежности членам своего семейства: четырём своим сыновьям — Тулую, Угэдэю, Джучи и Чагатаю, а также усыновлённым им найдёнышам — своему побратиму Шиги-Кутуку, Борокулу и Гучу Кёкёчу. Хроника сообщает также, что он помянул добрым словом всех тех, кто погиб, находясь у него на службе. Детей этих героев, павших на поле боя, Чингисхан позднее удостаивал различными привилегиями.

Люди хана

Список льгот и привилегий, которыми Чингисхан наделял верных ему людей или их отпрысков, длинный перечень их назначений и повышений может создать впечатление, что ему несказанно повезло с окружением,

которое сплошь состояло из людей высоких достоинств. Ведь именно эти «люди хана» во многом составляли его могущество. Он постоянно на них опирался, посылал их вперёд. Кажется, их преданность ему не знала границ.

Правда, на его пути встречались и такие, кто его предавал, — вроде принцев Алтана и Хучара, вечно непостоянного гурхана Джамухи или ненадёжного суверена Тогорила, к старости утратившего всякую волю. Все они были знатного происхождения. «Люди хана» к знати не принадлежали. Чингисхан встречался с ними на полях сражений, во время жестоких схваток с противниками. Если верить сохранившимся источникам, многие из них — Джэлмэ, Бадай, Кичлик, Боорчу, Мунглик — были сыновьями пастухов, кузнецов. Именно на них, «носивших свои маршальские жезлы в котомках», предпочитал опираться Чингисхан, чтобы обойти своих соперников из высшей знати и предпринять свои завоевания. Благодаря этим мелким, неродовитым феодалам он убрал со своего пути Джуркина Сача-Беки и Тайджу, считавшихся прямыми потомками славного Хабул-хана, а также других принцев вроде Бури-Бёл, Хучара и Алтана. В долгой междоусобной борьбе, которая мобилизовала его энергию, он, похоже, предпочитал заключать союзы с мелкими владельцами, вождями малых кланов, а то и с простыми пастухами. Доказав свою надёжность, они получали высокие назначения, тогда как сам хан наделил себя реальной властью.

Люди хана, *нукеры*, были ему товарищами. Эти вассалы, бесконечно преданные хану слуги, были членами клановых групп, традиционно связанных союзническими отношениями, и их нельзя рассматривать как наёмных воинов. Участвуя в различных военных акциях, они показали себя отличными тактиками. Будучи искусными наездниками, они позднее смогли дойти со своими лучниками и всадниками до самых дальних мест сражений — Китая, стран ислама, даже до границ Европы.

Кроме этих отличных бойцов, набранных в ходе межплеменных столкновений, Чингисхан нашёл естественных союзников среди собственной родни. Его кровные и приёмные братья, а потом и сыновья стали его лучшими помощниками. Казалось, внутри этого многочисленного семейства царила относительная гармония. Исключением следует считать трагический эпизод с убийством брата Бекгера, но подросткам, виновным в нём, было тогда всего лет по двенадцать.

Объяснялась ли надёжность людей хана их обострённым чувством долга и особой преданностью своему господину? Или же эти его помощники, как люди скромного происхождения, понимали, что подняться

наверх им поможет усердная служба тому, кто их и вывел из безвестности? Эти два объяснения не противоречат одно другому. Во всяком случае, тот факт, что хан довольно скоро отделался от монгольской знати, опираясь на людей, с ней не связанных, или же мелких вождей, ставит под вопрос тезис русского историка Бартольда^[9], который противопоставлял Чингисхана — как ставленника консервативной аристократии — Джамухе, принадлежавшему к более бедному сословию пастухов и потому проявлявшему «демократические» устремления.

Армия как новая ударная сила

Сразу же после курултая 1206 года Чингисхан решил объединить в своих руках высшую власть и военное командование. «Когда-то, — говорил он, — у меня было всего семьдесят воинов для дневной и восемьдесят для ночной службы. Теперь, когда волею Вечного неба вся страна у меня в подчинении, надо довести их количество до двух тысяч, и это будут сыновья десятников, сотников и тысячников».

Он понимал, что его власть, узаконенная решением курултая, ещё в большей мере опирается на силу. Чтобы из хана племени превратиться в признанного суверена, ему потребовалось десять лет. Он делал всё, чтобы упрочить своё положение, и прежде всего намеревался создать настоящую армию, способную к завоеваниям. Ханское ополчение, закалённое в стычках и сражениях, стало грозной силой. Но оно не было профессиональной армией. Говорили, что оно состоит из пастухов и конюхов, которые в мирное время заняты своими обычными делами. Чингисхан мог очень быстро привести это ополчение в боевую готовность. С помощью кузнецов, перевозивших в повозках свой инвентарь, это войско было способно само изготавливать значительную часть нужного снаряжения. Умевшие объезжать лошадей и охотиться в одиночку и коллективно монголы были сильными воинами. Кочевое скотоводство было великолепной школой военной выучки. В начале XIII века племена, объединённые под властью хана, были, можно сказать, вовлечены в систему «естественного» военного обучения.

После курултая 1196 года Чингисхан изменил племенную организацию монгольского общества на основе новой иерархии. Роды, кланы и племена, которые составляли традиционные территориальные структуры (улусы), подчинённые нойонам, были интегрированы в военную организацию, построенную по арифметическому принципу. Каждый улус обязан был

предоставить определённое число мобилизованных воинов со своим снаряжением. При этом крупные племена делились, а малые объединялись для создания равновеликих воинских формирований, состав которых определялся по десятичному счёту: *арбан* (десять человек), *джаун* (сотня), *минган* (тысяча), *тумен* (десять тысяч), *тук* (сто тысяч). Это численное распределение населения накладывалось на феодальную структуру. Так, нойоны формировали корпус старших военачальников. Их командные полномочия становились наследственными, подкрепляя их феодальные права. Кроме того, когда этого требовал великий хан, нойоны переходили почти на постоянный режим военной службы. Самым умелым нойонам Чингисхан давал новые, более высокие назначения. Многим нукерам было поручено командование хозяйственными и логистическими службами: содержание резервных табунов, запасов военного снаряжения (повозок и оружия). Такая реорганизация нерегулярного ополчения вела к замещению некоторых традиционных вождей молодыми и честолюбивыми выдвиженцами. В созданных Чингисханом девятиста трёх командованиях состояли самые верные соратники хана: Джэлмэ, Джэбэ, Сорган-Шира, Субэдэй. Немного позднее другие его приближённые были назначены командующими территориальными единицами.

Эта строгая система выковала из бывшего племенного ополчения мощное оружие завоеваний, позволила создать настоящую армию, которая позднее удивит мир. Через 50 лет Плано Карпини отметит чёткость этой военной системы, обратив особое внимание на дисциплину, которая присуща взаимоотношениям между воинами:

«Чингисхан организовал свою армию следующим образом. Во главе десяти всадников стоит командир, которого называют десятником. Десятью десятками командует сотник, десять сотен подчиняются тысячнику. Десять тысяч человек во главе с командиром составляют корпус, именуемый *туменом*. Наконец, командование всеми войсками принадлежит двум или трём военачальникам, одному из которых отдаётся первенство. Если во время сражения один, или двое, или трое, или большее число из десятка бегут, наказывают всех. Если дезертирует весь десяток, сотню, в которую он входил, казнят, если только они все сразу же не спасутся бегством».

Наложение армии на кланы и племена, превращение монгольских улусов в военные единицы заменяло традиционную феодальную и клановую лояльность преданностью государству. Лишь несколько племенных вождей (Мухали, Даритай) сохраняли власть над своими становищами. Чингисхан, отличавшийся последовательностью в своих действиях, построил свою военную организацию, которой восхищался

Марко Поло, по десятиричному принципу: «Командуют ими таким образом, как я вам расскажу. Знайте же, когда татарский повелитель идёт на войну, он ведёт за собой сто тысяч всадников. Для каждого десятка каждой сотни, каждой тысячи и каждого десятка тысяч назначается командир, так что каждый из этих командиров командует только над десятью прямо ему подчинёнными, и оттого всякий знает свою службу так хорошо и все действуют так согласованно, что это просто чудо».

Для обеспечения взаимодействия в такой армии (орде) были созданы отряды «связных-стрел». Располагая лошадьми по всей территории, подвластной хану, они передавали сообщения и приказы по армии. Эта чрезвычайно эффективная система связи, по-монгольски ям (отсюда русское слово *ямщик*), позволяла конным вестовым за короткое время покрывать феноменальные расстояния: до трёх тысяч километров за неделю, или около 400 километров в день.

Отец Юк в 1846 году сообщал, что встретил в Тибете конных курьеров, которые менее чем за неделю преодолевали более 800 километров по труднопроходимой местности. Эти «вестовые-стрелы» носили пояс с бубенцами или трубили в рог, извещая о своём прибытии. Они скакали без передышки днём и ночью, иногда буквально пристёгнутые к лошади. Они надевали на себя несколько одежд на случай непогоды. Марко Поло с некоторыми преувеличениями описывал конных вестовых внука Чингисхана Хубилая: «На каждой из этих станций находится четыреста лошадей, на некоторых не более двусот — в зависимости от надобности. Количество лошадей, потребных для посылаемых куда-либо великим Государем вестников, назначает он сам. И да будет вам ведомо, что через каждые двадцать пять или тридцать миль на каждой дороге есть такая станция, оборудованная, как я вам сказал. <...> А те, что находятся на следующей станции и узнают о прибытии гонцов по звону их бубенчиков, готовят снаряжённых лошадей и всадников, и те, как только встречаются с прибывшими, берут у них то, что они везут — письмо или что-то другое, и скачут до следующей станции».

Чингисхан учредил новые звания и должности. Из отборных отрядов формировались корпуса «старых храбрецов», другие, состоявшие в основном из лучников, были названы «большими колчанами». Этим привилегированным воинам государь сулил завоевания, богатую добычу, толпы рабов. Но, обещая им свои особые щедрости, поощряя их воинственность, хан, как заметил Рене Груссе, обращался и ко всему объединённому ополчению племён: «Этот отважный народ, который доверился мне, чтобы разделить со мной мои радости и беды, этот народ,

который был мне верен в годину опасностей, этот народ синих монголов^[10] я хочу вознести над всеми народами земли».

Создавая свою новую армию, Чингисхан, вероятно, считал, согласно одной китайской аксиоме, что «даже если приходится воевать всего один день в году, армия не должна прерывать боевую подготовку ни на один день».

Провозглашение ясы

У империи есть глава, есть территория, постоянно расширяющаяся, есть армия. Ей нужен единый закон.

На курултае 1206 года была принята яса, представлявшая собой свод традиционных норм обычного права монгольских народов. На самом деле он существовал уже несколько столетий как совокупность обычаев, обрядов, юридических установлений, которые определяли идентичность кочевого общества. Эти неписанные законы более или менее соответствовали образу жизни племён и отдельных индивидов. Они определяли социальную иерархию, свободы, права собственности, религиозные обряды, prerogatives кланов, охраняли имущество скотоводов, осуждали святотатство, регулировали отношения между людьми.

Многочисленные запреты и табу, принятые у монголов, вызывали удивление иноземных путешественников, которые часто описывали их в своих путевых заметках. Так, легат папы Иннокентия IV монах-францисканец Плано Карпини поражался их странности:

«Хотя у монголов совсем нет законов, которые предписывали бы способы отправления правосудия и указывали на грехи, которых надлежит избегать, они подчиняются установленным ими или унаследованным от предков традициям, согласно которым что-то порицается. Так, не позволяется бросать в огонь режущее оружие, касаться пламени лезвием тесака, брать кусок мяса ножом, пользоваться топором рядом с горящим костром, поскольку так можно случайно отсечь голову огню. Запрещено даже опираться на кнут, которым погоняют животных, — монголы не используют шпор, касаться кнутом стрелы, ловить или убивать птенцов, стегать лошадь вожжой, разбивать одну кость на другой, проливать на землю молоко или любой другой напиток или пищу, мочиться в шатре. А тот, кто сделает это преднамеренно, подлежит наказанию смертью».

Францисканец из Умбрии не мог объяснить смысла этих табу,

уходивших корнями в глубину веков. Он простодушно судит и осуждает — ошибочно — некоторые особенности монгольской этики: «С другой стороны, убить человека, захватить чужую землю, совершенно незаконно завладеть имуществом ближнего, заниматься блудом, оскорбить кого-нибудь или поступить наперекор Божиим велениям — в этом, по их понятиям, нет ничего греховного».

Идея соединить в одном юридическом своде все законы, правила и обычаи монголов соответствует всему тому, что мы знаем о характере Чингисхана: его тяга к порядку, его ревнивая жажда власти почти всегда сопровождалась попытками доказать свою правоту. В нём часто проявлялась склонность к придирчивой аргументации. Для хана, который принимал теперь своих знатных подданных, сидя на белом войлочном ковре, яса должна была стать универсальным законом. Монгольский порядок будет применён к другим покорённым народам.

Яса (защита), дополненная *биликом* (указом), официально диктовалась уйгурским писцам, и текст её хранился в так называемых Синих тетрадях, к сожалению, утраченных. Содержание ясы было реконструировано на основе сведений, содержащихся в сочинениях персидских историков Джувейни и Рашид ад-Дина. Изложенные таким образом, чтобы их могли понять массы безграмотных людей, эти законы отличаются лаконизмом и полной ясностью.

«Долг монголов — являться по моему призыву, повиноваться моим приказам, убивать, кого я захочу.

У того, кто не подчинится, голова будет отделена от тела».

После такой, мягко говоря, решительной преамбулы неудивительно обнаружить очень суровый кодекс, даже с учётом нравов эпохи. Под страхом смерти запрещались убийство человека, угон скота, хранение краденого имущества и укрывательство беглых рабов, вмешательство третьего в поединок, присвоение на продолжительный срок чужого оружия. Такое же наказание назначалось за супружескую неверность, блуд и содомию. Различные проступки, считавшиеся менее серьёзными (например, изнасилование девушки), карались отсечением руки. Незначительные нарушения наказывались штрафами, выплачиваемыми натурой. Палочные наказания применялись как исправительное средство. Чингисхан, знавший о склонности своих современников (включая его собственного сына Угэдэя) к пьянству, рекомендовал им не напиваться более трёх раз в месяц!

Яса определяет роль женщины в этом патриархальном обществе. Прежде всего она должна заботиться о «доброй репутации своего мужа».

Её права и обязанности связаны с домашними работами, а также с безусловной верностью своему мужу и господину: «Мужчина не может присутствовать всюду, как солнце. Поэтому надо, чтобы жена, когда муж отлучился на войну или охоту, содержала его хозяйство в столь добром порядке, что если бы посланник государя или любой другой путешественник был вынужден остановиться в его юрте, он нашёл бы её ухоженной и получил бы хорошую пищу. Это сделало бы честь мужу. Достоинства мужчины узнаются по его жене».

Но как такие правила добродетели исполнялись? Плано Карпини, судивший о нравах кочевников довольно строго, писал: «Женщины в основном целомудренны. Никогда не услышишь разговоров об их предосудительном поведении. Мужчины же позволяют себе прибегать к весьма вольным и даже непристойным выражениям. Мятежи среди них редки, если вообще когда-либо случаются. Хотя монгол любит напиваться, в состоянии опьянения он не задирается и не буянит».

Что касается законов, применяемых в военное время, то они категоричны и подлежали немедленному исполнению:

«Невнимательный дозорный наказывается смертью». «Пьяный гонец-стрела наказывается смертью». «Укрывающий дезертира наказывается смертью».

«Воин, присвоивший себе добычу, не имея на то права, наказывается смертью».

«Неумелый командир наказывается смертью».

Dura lex^[11] — может сказать читатель. Но законы военного времени во все времена и во всех странах всегда дёшево ценили человеческую жизнь.

А контроль за исполнением законов этого кодекса был возложен на Шиги-Кутуку, названного брата Чингисхана, получившего, таким образом, пост верховного судьи. Этот кодекс последовательно дополнялся и исправлялся, но официально был принят только на курултае 1219 года, сразу после завоевания Северного Китая и накануне похода в Переднюю Азию.

Великий хан намеревался подкрепить свою власть событием, которое освятило бы наступление новой эпохи. Яса, как очевидное свидетельство его авторитета, подтвердила законность его власти. Поставив на колени более двадцати народов во имя осуществления своих замыслов, человек, присвоивший полномочия судьи, пожелал оправдать свои действия. Свидетельством тому может служить следующий его указ от 1219 года, текст которого был выгравирован на даоской стеле по инициативе одного китайского монаха, который, высоко оценив деятельность Чингисхана,

подытожил её следующей формулой: «Итак, я получил поддержку Неба и обрёл высшую власть».

Конечно, в ясе были только воспроизведены и узаконены вековые обычаи кочевников. Чингисхан не показал себя ни новатором, ни человеком широких взглядов. Но, решив положить конец анархии, с которой так долго боролся, он сумел освятить сложившиеся семейные и клановые иерархии, регламентировать отношения собственности и систему её наследования, узаконить существовавшие у степняков нравы и обычаи. Этот кодекс, несомненно, отражал дух кочевого монгольского социума начала XIII века. Ни один монгол уже не мог пренебречь законом. Яса не противоречила кочевым обычаям, не изменила иерархических основ, не посягала на прерогативы нойонов, на первенство некоторых знатных родов, на взаимоотношения индивидов, связанных кровным родством или общностью происхождения. Но она спаяла народы, родственные по образу жизни, диалектам речи и традициям.

Походы в тайгу

Степные народы были почти все покорены Чингисханом, но некоторые тюркско-монгольские кочевые и полукочевые этносы на севере современной Монголии оставались независимыми. То были жители лесов, которые покупали или выменивали шкуры, дичь и различные ремесленные изделия у скотоводов. Одним из самых крупных племён среди этих охотников-собираателей были ойраты, народность, родственная бурятам, ныне живущим в Сибири.

Ойраты жили к западу от огромного озера Байкал в обширных хвойных лесах, где обитало множество пушных зверей (соболей, горностаев), медведей и некоторых северных видов оленей (карибу, маралы, сибирская кабарга). Ойраты охотились на них ради мяса, а также употребляли в пищу съедобные ягоды, которые собирали в зарослях мхов и лишайников.

«Они не живут, как другие монголы, в войлочных юртах, — писал один персидский автор, — у них нет никакого скота, а живут они охотой в своих огромных лесах и с большим презрением относятся к скотоводам. Убежищем для них служат хижины, сделанные из ветвей деревьев и покрытые берёзовой корой. Зимой они охотятся, передвигаясь по снегу с помощью привязанных к ногам снегоступов и держа в руках палку, которую погружают в снег, как лодочник погружает свой шест в воду».

Ойраты не представляли настоящей угрозы для степняков-скотоводов, но могли помочь Чингисхану в его завоеваниях, поставляя ему людей, дичь, древесину и пушнину. Чингисхан поручил своему брату Джучи-Хасару добиться от ойратов покорности. Возвратясь из своей поездки, Джучи привёл с собой нескольких вождей племён, которые привезли весьма ценные дары: шкурки соболя, выдры и бобра и ловчих птиц. Один из вождей ойратов по имени Кутука-Беки согласился сразу же перейти на службу к монгольскому хану и привести к нему своих людей. Довольный тем, что так быстро получил желаемое, Чингисхан выразил свою благодарность посланцам ойратов. Двум сыновьям своего нового союзника он отдал в жёны принцесс крови, одной из которых была его собственная внучка, дочь его сына Тулуя. Этот брачный союз скрепил сотрудничество с монголами лесных жителей «страны Сибир».

Затем Джучи-Хасар отправился на запад, в места, населённые тюрками, киргизами, которые кочевали вдоль верхнего течения Енисея. Этот высокогорный, покрытый густыми лесами район изобилдовал пушным зверем. Там паслись большие стада оленей, полуприрученных местными обитателями, которые получали от них молоко, мясо, шкуры и рога.

Киргизы согласились покориться, но другие лесные народы, например тумэты, жившие в Иркутских горах, не признали власти хана. Тэмучжин разгневался и поручил Борокулу разделаться с ними, проведя операцию, похожую на войну с найманами. В глубине густых лесов огромные стволы, окружённые непроходимыми зарослями ежевики и кустарника, образовывали такую чащу, куда только охотники-собиратели могли войти и не заблудиться. Люди Борокула продвигались медленно. Им без конца приходилось спешиваться, чтобы не потерять ориентировку. Кругом царила душная влажность, мириады насекомых осаждали людей и коней. Источенные червями пни скрывали предательские рытвины и трясины. Лошади с огромным трудом шли через эти тёмные заросли, куда едва пробивался солнечный свет. Борокул со своими людьми попал в засаду. Укрывшиеся в чаще лучники стали обстреливать их со всех сторон. Вскоре Борокул был сражён несколькими стрелами, а двое его военачальников — нойон Корчи и глава ойратов Кутука-Беки, незадолго до того перешедший на службу к Чингисхану, были захвачены тумэтами в плен.

Узнав об этом несчастье, Чингисхан решил немедленно отправиться мстить тумэтам за поражение. По-видимому, осознавая опасность, Мухали и Боорчу отговорили его от этого и предложили послать Дорбай-Докчина (Дорбай Грозный). Командующий этой карательной экспедицией действовал умело. Обойдя звериными тропами поджидавших его

охотников, он напал на тумэтов, когда те отдыхали, без труда разбил их и освободил пленных монголов. Своему неудачливому соратнику Кутука-Беки хан позднее подарил знатную наложницу, повелительницу тумэтов Ботоки-Тархун (Толстая Женщина).

Устранив последних мятежников, монголы могли быть довольны своим положением: весь северный, сибирский фланг был покорён. Степь одержала победу над лесом. После этого монгольская экспансия направилась к более далёким горизонтам.

Тайные силы

Отныне Чингисхан приобрёл, казалось бы, безраздельную власть над подданными, которые служили ему с почитанием на устах и страхом в животах. Кое-кто, однако, пользуясь покровительством Неба, всё ещё осмеливался бросать этой власти вызов. То были люди, которые действовали ловко, бесстыдно и бесстрашно, — шаманы, окружавшие хана.

По поводу религиозных верований Чингизидов до сих пор существуют некоторые расхождения. Здесь мы будем характеризовать их, основываясь преимущественно на трудах тюрколога Жана Поля Ру, который исследовал мир мифов и обрядов, богов и демонов, астрологии и космогонии тюрко-монголов в эпоху, предшествующую принятию ими ламаистского буддизма и ислама.

Первые описания религиозных представлений алтайских народов (тюрко-монголов и тунгусов) говорят о распространённом у них почитании природы и сверхъестественного и связанными с этим шаманистскими практиками. Тюрко-монголы верили, что жизненные энергии поддерживают вселенную, в которой они различали верхний и нижний миры. Позднее возникло представление и о некоей промежуточной зоне. В первом из двух миров царит Тенгри (или Тенггери), вечное Божественное Небо. Он распределяет энергию и проявляет себя в природных катаклизмах, пророческих посланиях животных, в различных «знаках судьбы». Тенгри обладает способностью «разделяться» на второстепенные силы. Он является одновременно хранителем мирового порядка и принципа Единого Целого. Нижний, земной мир состоит из четырёх элементов. Первый из них — бурая земля как дополнение к Синему небу, мать-кормилица, источник плодородия. Второй — вода, связанная с небом через дожди. Она символизирует чистоту, но не очищение. Поскольку водные источники начинаются высоко в горах, то есть ближе к небу, их часто

почитают как священные. Третий элемент — очистительный огонь. Четвёртый — питающее этот огонь дерево.

Кроме того, существует множество божественных проявлений. Как мы это уже видели, монголы придают большое значение культу гор, священным опорам неба, выражающим принцип восхождения к Тенгри. В дереве, по их представлениям, обитает божественная сила, так как его корни уходят в землю-кормилицу, а ветви поднимаются к небу. Существует также множество священных скал, животных-прародителей или тотемов, фигурок и других ритуальных предметов, связанных с невидимыми добрыми и злыми силами, которые с помощью колдовских ритуалов можно соответственно либо призывать на помощь, либо отгонять.

Эти сложные верования, бытующие среди алтайских народов, несомненно, эволюционировали от эпохи к эпохе по-разному у разных популяций. Алтайская «религия» с её культом сил природы, обожаемыми животными и священными горами, — это космическая мистика, в чём-то напоминающая японский синтоизм. Эта архаическая религия без чётких канонов и догм, которую трудно очертить в её степной и лесной зыбких туманностях, кажется, имеет точки соприкосновения со всеми другими религиями: культом природы, идолопоклонством, культом животных, многобожием, культом предков. В ней представление о едином боге на небесах сосуществует с практикой гадания. Как писал Мирча Элиаде по поводу религиозной жизни архаичных социумов: «Её нельзя свести ни к анимизму, ни к тотемизму, ни к культу предков, но... в ней есть также место высшим существам».

В эту систему космогонических представлений человек гармонично включается с каждым из своих повседневных микрокосмов, которые создают Единое Целое. Место, которое он там себе находит, зависит от определённого набора ритуальных действий, имеющих целью привести в равновесие индивида и космос. Для достижения этого требуются посредники, ходатаи — шаманы.

Шаманизм составляет столь важный элемент религии алтайских народов, что долгое время этот термин применялся для её обозначения в целом и зачастую служил для ошибочного определения некоторых религиозных феноменов, существующих в других частях света. Шаманизм до сих пор бытует у некоторых сибирских народов и этнических меньшинств Кореи. Общее число приверженцев шаманизма оценивается примерно в 100 тысяч человек. Само слово *шаман* — тунгусского происхождения и означает человека «вне себя», «потрясённого», который находится между состояниями экстаза и одержимости. Шаманом

становится мужчина из племени, охотник, пастух или кузнец, иногда из семьи шаманов, — человек, которого берут на заметку, признают в нём нужные для этого качества и назначают старейшины. После такого назначения он приступает к исполнению своих функций.

Когда шаман умирает, племя должно найти ему замену. Этот выбор определяется и коллективным сознанием соплеменников, и личными способностями кандидата. Задача состоит в том, чтобы найти среди себе подобных одного или нескольких человек, в которых «вселился дух». Различные признаки — странные сновидения, кошмары, склонность к уединению, бессвязная речь — позволяют распознать того, кто подходит для роли шамана. «Симптомы» шаманизма, отмеченные в Центральной Азии, Сибири и Корее, включают в себя различные проявления: прострация, светобоязнь, тяга к высоте, особая жестикуляция, так называемая «арктическая истерия» (*пиблокто*). Всё это часто сопровождается сомнамбулизмом, аутизмом, истерией и некоторыми признаками психических расстройств. По приметам такого рода клан признаёт в ком-то из своих соплеменников «призвание» шамана.

После этого начинается вхождение в профессию. Шаман понемногу приобретает навык контактов со сверхъестественными силами ради защиты интересов клана. На нём лежит обязанность «выторговывать» у невидимых сил избавление от эпидемий, эпизоотий, неудач. Для этого он переносит себя к небесным или подземным духам в процессе камлания, который состоит из декламации, театрализованного речитатива, повествующего о его пребывании в потустороннем мире. Чтобы совершить этот переход, шаман облачается в особые магические одеяния. Часто это плащ с металлическими накладками, ритуальной вышивкой, нашитыми звериными хвостами и когтями, наделёнными космогонической, сексуальной или синергетической символикой. В сопровождении непрерывного и оглушающего грохота барабанов, отчаянного звона бубенцов и колокольчиков, истошного завывания вибрирующих металлических пластин он входит в транс. С пеной на губах, с выпученными глазами, с хрипами и присвистом или животными криками шаман, дёрганой, словно у медведя в клетке, жестикуляцией наконец «переходит в другой мир», «возносится к небу». Там он встречает призраков, духов, божественных животных и других обитателей невидимого сверхъестественного, которые передают ему необыкновенные способности. Благодаря такого рода целительным, провидческим, заступническим и жреческим качествам шаманы обретали мощную харизму. В мире, где суеверия, табу и обряды очищения играли столь

значительную роль, как могли обычные люди, будь они даже вождями племён или ханами, не бояться шаманов?

Шаманы против хана

Этих людей, более или менее близко общавшихся с потусторонним миром, с мертвецами, с тайными силами и способных, по их утверждениям, даже повелевать молниями, градом, ветрами, — боялись, почитали, им льстили. После военачальников хана они были самыми нужными его помощниками, поскольку ведали обрядами посвящения, занимались предсказаниями, гаданием на костях и стрелах. Ввиду кочевого образа жизни монгольские шаманы не могли закрепить свои полномочия в постоянных и признанных местах отправления культа, но власть их была велика. Очищения, подношения божествам и духам, похороны — всё это не могло происходить без их участия.

При Чингисхане состоял один из самых авторитетных шаманов — Теб-Тенгри, Небеснейший Кокочу. Он был сыном Мунглика, того самого, которого умирающий Есугей просил позаботиться об оставляемых им сиротах. Хотя Мунглик и не исполнил последней воли своего друга, он, по-видимому, всегда благожелательно относился к Тэмучжину. Кокочу, четвёртый из семьи сыновей Мунглика, стал одним из самых влиятельных шаманов. Это он организовал церемонию проведения большого курултая. Он был крайне честолюбив и с нарочитым высокомерием относился к высокопоставленным чиновникам империи. Однажды он даже устроил взбучку Джучи-Хасару, брату самого Чингисхана. Неизвестно, послужило ли тому причиной политическое соперничество между ними или же это была простая стычка двух пьяниц, но с того момента отношения Кокочу с семейством Чингисхана испортились.

Джучи-Хасар, Тигр, известный своей силой и смелостью, пришёл в шатёр своего брата, чтобы просить у него наказание для обидчика. Но, к общему удивлению, Чингисхан упрекнул его в недостойной трусости. Тот удалился весь в слезах и в течение трёх дней не попадался на глаза старшему брату. Может быть, хан не хотел прямо ответить на выпад против одного из членов его семейства? Мы этого не знаем, но дело приняло скверный оборот.

Шаман пришёл к повелителю и нашептал ему, что Джучи-Хасар якобы затевает заговор против самого Чингиса. В ту же ночь воины хана арестовали Джучи-Хасара. Но у брата хана были верные ему люди, которые

поспешили к Оэлун, чтобы предупредить её о происходящем. Гнев Оэлун был страшен. Стараясь сохранить мир в семье, она, подобно кошке, защищающей своего котёнка, выпустила когти. Ворвавшись в шатёр хана, она гневно его отчитала и потребовала немедленно освободить Джучи-Хасара. Потом пошла к арестованному и вернула ему пояс и шапку, которые с него сорвали в знак потери им достоинства.

Дело на этом не закончилось. Кокочу продолжал настаивать на своих обвинениях, и хан предал своего брата опале, лишив его части принадлежавших ему владений. С того дня силы стали понемногу оставлять Оэлун, она закончила свою жизнь в тоске оттого, что мир в её семье подрывает соперничество. Действительно ли Чингисхан верил в то, что Джучи-Хасар пытался его устранить, и хотел ли он, лишая своего брата нескольких десятков тысяч подданных, подрезать крылья ястребу, который мог бы когда-нибудь внушить опасение ему, орлу? Или же он только сделал вид, что верит в измену, как то можно заключить из последующих событий?

Кокочу, этот настоящий степной Яго, вёл опасную игру. Льстя своему господину, предупреждая его об интригах, плетущихся против него, и, возможно, сам затеявая что-то в этом роде, великий шаман, казалось, быстро усиливал своё влияние на монгольского суверена. Тот, будучи крайне придиричивым во всём, что относилось к интересам его семьи, выказывал явную слабость в отношении Кокочу. Может быть, он опасался его непредсказуемых замыслов? Или же боялся стоявших за ним таинственных злых сил божественного и дьявольского мира, с которыми мог справиться только сам шаман? Этого мы не знаем.

В этом деле, которое поставило под вопрос единство правящего клана и авторитет его власти, решающее слово вновь осталось за женщиной. Этой женщиной была Бортэ, жена Чингисхана. Она горько упрекала мужа в том, что он трусливо оставил своего брата Джучи-Хасара, в то время как другой его брат, юный Тэмуге, тоже пострадал от выходок великого шамана: тому удалось присвоить себе нескольких рабов Тэмуге. И когда тот, уверенный в своих правах, позвал их, шестеро братьев Кокочу опрокинули его наземь и заставили просить у шамана прощение за свою дерзость. Именно Бортэ открыла Чингисхану глаза на грязные происки шамана и настояла на том, чтобы пресечь его пагубное вмешательство в дела правящего семейства: «Почему Кокочу и его братья позволяют себе подобную наглость? Недавно они побили Джучи-Хасара. Сегодня заставили Тэмуге встать перед ними на колени. До чего же мы дошли! Как ты можешь спокойно смотреть на такое обращение с твоими братьями?»

Эти доводы убедили хана в необходимости вернуть себе власть, которую у него стал оспаривать Кокочу. Он объявил Тэмуге, что тот вправе поступить с великим шаманом, как ему заблагорассудится. Конечно, он предпочёл, чтобы дело решилось без его прямого участия. Он вызвал к себе Теб-Тенгри, и тот явился. Присутствовавший при разговоре Тэмуге предложил ему уладить ссору за пределами ханского шатра. Едва великий шаман из него вышел, как люди Тэмуге набросились на него, сломали ему позвоночник и бросили тело «около стоянки повозок», то есть всё равно что на помойку.

Узнав об этом убийстве, вся родня великого шамана во главе с Мунгликом появилась в шатре. Посыпались грязные взаимные оскорбления, противники перешли врукопашную, взялись за ножи. Чингисхана стали окружать. Он попытался высвободиться и позвал охрану из «оруженосцев», стоявших на посту снаружи. Великий хан сошёлся в схватке с братьями великого шамана, которого незадолго перед тем он позволил убить. Разыгралась сцена в шекспировском духе, где не было недостатка ни в грубости, ни в вульгарности царственных персонажей.

Труп Небеснейшего Кокочу в течение трёх дней находился в одной из юрт под охраной головорезов Чингисхана. В хронике говорится, что после этого «труп вышел сам из себя через рот». Это даёт повод думать, что Кокочу не умер сразу после перелома позвоночника и агония продолжалась три дня, пока его душа не вознеслась к Вечному небу, которое, возможно, её приняло.

Так внезапно закончился конфликт интересов, маскировавшийся под соперничество между преходящей земной властью хана и духовной властью шамана и его окружения. Небеснейший Кокочу был удостоен поминальной речи, составленной Чингисханом: «Кокочу бил моих братьев и клеветал на них, и Тенгри, лишив его своего покровительства, отнял у него жизнь и тело». Эти слова свидетельствуют об изощёренности ума их автора, так как из них следует, что великий шаман умер потому, что утратил данные ему небом полномочия.

Эта постыдная история, закончившаяся сведением счётов столь же скорым, сколь коварным, положила предел всяким поползновениям узурпировать власть в государстве Чингисхана. Путь к великому каганату проходил через нечистоплотные манёвры. Хан упрекнул Мунглика в том, что он не воспитал должным образом семерых своих сыновей, не смог удержать их от дерзкого вызова монаршей власти. Тем не менее все были помилованы. Сначала — строгость, потом — милосердие! Чингисхан назначил преемника покойного великого шамана, чем доказал, что

преходящая власть иногда бывает способна встать между небом и его вестниками. Великим шаманом он сделал Усуна, которому даровал белого скакуна и почётное место, подобающее высокому духовному чину. На сей раз Чингисхан сделал удачный выбор: Усун-Беки был почтенным старцем.

Глава IX

ТЕНИ НАД КИТАЕМ

*Когда-то была построена Великая Стена,
Чтобы отгородиться от земли варваров,
Потом были возведены башни с факелами.
Сигналы, подаваемые факелами, светили
непрерывно,
Беспрестанно происходили долгие сражения
Бились в долинах, убивали и умирали.
Лошади убитых ржали и жаловались небу.
Вороны клевали внутренности убитых,
Потом взлетали и садились на ветви высохших
деревьев.
Солдаты бегут по грязи и траве,
Командующий не может ничего сделать и
старается тщетно...*

Ли Бо (701–762)

На заре XIII столетия Чингисхан решил начать новую войну, на этот раз против Китая. Эта огромная страна была достойным объектом его жажды власти и достижима для его кавалерии. Чтобы преуспеть в этом замысле, с которого началась грандиозная эпопея его завоеваний, Чингисхан произвёл подсчёт своих сил. Он безраздельно господствовал над несколькими объединениями племён, вставших под его знамёна. Ему подчинялись и степные, и таёжные народы, то есть огромное большинство собственно монголов, а также тюрки и тунгусы.

Накануне китайской кампании как можно было оценить численность воинства улусов, находившихся под контролем Чингисхана, этого подвижного государства, которое управлялось им и его наместниками? Историки монгольских военных походов (Мартин, Лиддел Гарт, Нерниш) считают, что к началу нашествия на Китай армия Чингисхана состояла из 110 тысяч человек, а к концу его завоеваний увеличилась до 130–200 тысяч. Можно рискнуть и сделать гипотетическое сравнение с современной Монголией, население которой к концу 1980-х годов составляло 1,8

миллиона человек и которая в мирное время содержала армию из 45 тысяч солдат. К этому количеству следует присовокупить 15 тысяч ополченцев и пограничников, а также различные вспомогательные контингенты. В случае военного конфликта в эту армию могло быть мобилизовано 120 тысяч солдат, то есть каждый пятнадцатый житель страны, что даже от современного государства требует значительных усилий. Экстраполируя эти цифры, можно предположить, что в исторических условиях, отличных от нашего времени, Чингисхан контролировал население численностью примерно миллион человек. По нашему мнению, численность монгольской армии представляется недостаточной для завоевания таких обширных территорий, как Северный Китай, тюркские и ирано-арабские государства Среднего Востока, а также Южная Русь. Это если не принимать в расчёт то обстоятельство, что для своего времени это была значительная военная сила, в частности по европейским масштабам. В 1214 году Филипп Август в битве при Бувине располагал всего лишь 1300 всадниками. С другой стороны, монгольская армия была не оккупационной, а преимущественно ударной. Заметим также, что в Китае, как и на Среднем Востоке, армия Чингисхана по численности всегда будет уступать противнику.

Китайский тренажник

Китай, как мы уже видели, был разделён на три самостоятельных государства: империя Миньяг на северо-западе (населённая народом сися, или тангутами); государство под властью чжурчжэней на севере и империя Сун на юге.

Государство Миньяг состояло из двадцати двух наполовину земледельческих, наполовину скотоводческих провинций, протянувшихся по ту сторону Великой стены на обширном плато Ордос (по-китайски Ситао), находящемся в большой излучине Желтой реки, там, где нынешние провинции Нинся и Ганьсу. О происхождении государства Миньяг известно мало. Появилось оно в конце X века как зависимое от Китая владение. Народ сися, или тангуты (родственный тибетцам), был на службе у китайских императоров династии Тан, которые передали им в охрану некоторую территорию. Бывшие союзниками Китая в эпоху Пяти династий (907–960), позднее при династии Сун (960—1279), они потребовали независимости, когда китайцы уступили напору явившихся с севера захватчиков-киданей. В 1038 году Миньяг стал независимым государством, в столице которого Иргэе (в наше время Нинся) последовательно правили

десять императоров. В эпоху Чингисхана Миньяг, несмотря на 150-тысячную армию, находился в опасном положении, так как был окружён более сильными соседями.

Второе государство управлялось династией чжурчжэней, народа алтайского происхождения тунгусского корня, пришедшего из Маньчжурии. Их владения протянулись более чем на две тысячи километров от реки Амур на севере до бассейна Жёлтой реки, занимая всю Маньчжурию, территорию современной Внутренней Монголии и северных провинций Шаньдун, Хэбэй, Шаньси и северной части Шэньси. За исключением чисто китайских районов эта обширная империя была населена киданями (или китаями), которыми с 904 по 1125 год правила династия Ляо. Выходцы из одного протомонгольского объединения, кидани, кочевники, перешедшие на оседлость, были изгнаны своими вассалами чжурчжэнями, союзниками южной империи Сун, и вынуждены мигрировать под руководством одного из своих князей до Или в Средней Азии, где основали новое государство — Восточное Ляо, или державу Каракитаев, а часть их осталась в подчинении у завоевателей.

Близкие к маньчжурам чжурчжэни основали династию Цзинь. Сохраняя специфический характер своей прежней племенной организации, они китаизировались, переняв административные и юридические установления у империй Тан и Сун. Управляя довольно разнородным населением (в основном китайцы, а также кидани, частично перешедшие на осёдлость кочевники бохай), знать чжурчжэней контролировала высшие посты в государственном аппарате, предоставив второстепенные должности китайцам, но какой-либо дискриминации по этническому признаку в отличие от других, более поздних оккупантов не практиковала. Администрация чжурчжэней была, по-видимому, космополитичной и многоязычной. В память о своих прежних сезонных перекочёвках чжурчжэни сохраняли в государстве несколько столиц, существовавших ещё при их предшественниках — киданях. Хозяйство этой северной империи основывалось преимущественно на зерновом земледелии и торговых отношениях со степными кочевниками, а также с соседними государствами Си Ся и Сун. Последние к тому же были вынуждены выплачивать чжурчжэням дань, чтобы откупиться от своих воинственных соседей. Кроме того, чжурчжэни основали в пограничных районах многочисленные военно-земледельческие поселения, в которых зачастую использовался труд военнопленных, в той или иной мере низведённых до положения рабов. Вместе с этим конфискация феодалами-чжурчжэнями самых плодородных китайских земель быстро привела к серьёзному

кризису. Китайские мелкие землевладельцы и крестьяне нанимались к оккупантам в батраки, что, естественно, вызывало глубокие противоречия между теми и другими.

Империя чжурчжэней, которая поддерживала дипломатические и торговые отношения как с сунским Китаем, так и с Миньягом и Кореей, освободившейся от подчинения Китаю, насчитывала около пятидесяти миллионов жителей. Но это был колосс на глиняных ногах, поскольку государство ослабляли и частые восстания китайцев и киданей, и феодальные мятежи. Пять его столиц — Чжунду (Пекин), Бяньцзин (Кайфэн), Датун, Ляоян и Дадин — олицетворяли угрожавший самому существованию империи раскол под действием центробежных сил.

Последняя опора китайского треножника занимала весь Южный Китай за исключением горных районов Сычуани, Гуйчжоу и Юньнани, где местные этнические меньшинства и тайцы сдерживали экспансию Китая в южном направлении. Отрезанный от своих северных регионов и управлявшийся государем, который бежал от захватчиков-чжурчжэней, сунский Китай простирался к югу от реки Хуай и нижнего течения Жёлтой реки. Это был Китай орошаемого рисоводства в отличие от Северного Китая, где в более холодном климате возделывались в основном пшеница и просо. Политическая система и культура достигли в государстве Сун такого уровня, какого в те времена по существу не знала ни одна другая страна мира. Сунский Китай вступил в новую фазу многовекового феодального развития.

Эволюция китайского общества в эпоху Сун повлекла за собой радикальные изменения. Хотя конфуцианская бюрократия и продолжала сохранять дистанцию от торговцев, деловая активность последних, их предприимчивость и, как результат, достигнутый ими уровень материального благополучия постепенно сближали оба класса. Торговцы получали рычаги хозяйственного управления и политической власти. Но становление этого нового класса посредников, порождённого торговлей, было медленным. Он ещё не мог контролировать, как то было в Италии или в Северной Европе, такие институты, как городское самоуправление, или «коммуны», поскольку государство в Китае держало в своих руках все сферы управления. Но, несомненно, Китай в эпоху Сун быстро развивался, что было результатом предшествующих научных открытий: изобретение компаса, печати, пороха стимулировало прогресс в морской навигации, картографии, артиллерии и т. п.

Экономический подъём, которому благоприятствовала относительно спокойная политическая ситуация, сопровождался заметным ростом

населения. Согласно данным демографа Чжан Чжачжу, в 1125 году оно составляло в сунском Китае около шестидесяти миллионов человек. После сдачи Бяньцзина (Кайфэна) чжурчжэням, в то самое время, когда в одном из кочевых становищ родился будущий Чингисхан, население новой китайской столицы Ханьчжоу уже превышало 500 тысяч человек. «Это самый большой город в мире, — писал на пороге XIII века Одорико де Порденоне, — говорят, что окружность его составляет сто миль, а внутри этого большого города не осталось свободного, необжитого места... У него двенадцать главных ворот, за каждым из которых на расстоянии в восемь миль расположены крупные города, каждый больше Венеции». Сто лет спустя, когда там побывал Марко Поло, население города достигло фантастической для той эпохи численности в один миллион человек, а уличное движение в нём поразило венецианца:

«На этой улице (императорская дорога) постоянно перемещаются в ту и другую сторону длинные крытые экипажи, обитые тканями и оборудованные мягкими сиденьями. Они способны вместить шестерых человек и постоянно бывают заняты дамами и господами, выезжающими на прогулку. Всякий час бесконечное множество этих колесниц движется по этой улице, ведущей горожан в сады, где служители приглашают их в тенистые беседки. Там они в продолжение целого дня развлекаются в компании своих дам, а с наступлением вечера возвращаются к себе домой в тех же экипажах».

Город Ханьчжоу на реке Янцзы (Янцзыцзян) был образцом нарождавшейся новой городской цивилизации. В этой гигантской метрополии существовало десять больших оживлённых рынков, уже появились жилые дома из дерева, возвышавшиеся над скромными мазанками ремесленников, театры для простонародья, людные кабаре и лупанарии, посещаемые торговцами, чиновниками, лодочниками, грузчиками, не считая воров, попрошаек и всевозможных маргиналов. У рынков, у мостов, переброшенных через каналы, вокруг мест отправления культа китайский город кишел людьми: бродячие продавцы пельменей или сладостей сбывали свой товар самым малоимущим горожанам. Собиравшие толпы ротозеев предсказатели судьбы, акробаты, имитаторы птиц, настоящие или фальшивые певицы, «заведения», заманивающие клиентов. Все снуют, толкаются, наблюдают друг за другом под взглядами вездесущей полиции. В этом большом нестройном оркестре жизни китайского города всё продаётся и всё покупается. От причалов порта отходят сампаны^[12], гружённые продовольствием, которое развозится по

побережью каботажными переходами, а крупные джонки^[13], заполненные пряностями, шёлком или чаем и способные вместить до шестисот человек, отправляются к дальним портам — японским, филиппинским, малайским, индийским, средневосточным и даже мальгашским^[14] и африканским.

Императорский Китай, переживавший экономический подъём, который породил городскую «буржуазию», отличался и богатой культурной жизнью. Диспуты учёных мужей, споры, оживлявшие собрания образованных чиновников, были характерной чертой и тогдашних истории, археологии, литературы и живописи.

Но у этой блестящей картины Китая эпохи Сун есть и другая сторона. Авторитет чиновного сословия подрывался взяточничеством и кумовством. Продажность стала нормой жизни мандаринов всех уровней. Нередко за спиной имперских бюрократов стояли различные аферисты и крупные торговцы, которые извлекали свою выгоду из проблем государственного казначейства. Непомерно раздутый и скудно оплачиваемый аппарат управления грешил склонностью к расточительности государственных доходов, и сам двор приобрёл привычку к непомерным тратам. Эта слишком часто повторявшаяся ситуация порождала серьёзные трудности во время набегов кочевников через северные рубежи государства. Как и империя Цзинь, Сунский Китай, сильный своим большим населением, своей вездесущей армией и особенно своим комплексом превосходства, не предчувствовал, какая гроза собирается над ним.

Война с Миньягом

Если верить персидскому историку Рашид ад-Дину, Чингисхан напал на империю Миньяг (или Тангут), которую китайцы называли Си Ся, около 1205 года. Но хронология первых столкновений остаётся невыясненной, и вполне вероятно, что кампания в действительности началась после большого курултая 1206 года.

Начавшаяся новая война вышла на пространство Северо-Западного Китая. Опустошённый монгольскими нашествиями XIII века, Миньяг до сих пор мало известен историкам. Китайские летописи сообщают, что народ Си Ся тибето-бирманского происхождения усвоил некоторые китайские политические установления времён империи Тан. Эта династия, правившая в объединённом и мощном Китае с 617 по 907 год, сумела утвердить свою власть и за пределами границ государства. За исключением

Тибета императоры Тан контролировали протектораты в Центральной Азии (Аньси, Мэнши, Куньлунь) и держали в подчинении государства Согда и Тохаристана (на севере Афганистана), пока арабы не нанесли Китаю решающее поражение в битве при Таласе (751 год). Миньяг представлял собой нечто вроде китаизированного доминиона, прежде чем добился независимости в XI веке. Как о том свидетельствуют замечательные пещерные скульптуры в Дуньхуане, датируемые между V и X веками, в этом регионе долгое время процветал буддизм.

Став верными союзниками Китая, правители Си Ся получили от него привилегию императорского достоинства и право носить китайские династические имена. Основатель государства император Ли Юаньхао (умер около 1048 года) повелел своим помощникам Юй Ци и Елюй Жэньчжуну составить письменность для языка сися, взяв за основу письменность китайцев и киданей. В результате была создана смешанная, в значительной мере подражающая китайской система письма, состоявшая примерно из шести тысяч знаков, одни из которых обозначали звуки, другие — понятия. Эта система позволила напечатать буддийские канонические тексты. Императоры Си Ся, обосновавшиеся в двух своих столицах — Линьчжу и Нинся — поначалу поддерживали с Китайской державой довольно нерегулярные отношения, потом заключили с ней договор о добрососедстве, который способствовал впечатляющему экономическому подъёму. Империя, по землям которой проходили караванные пути Северной Азии, процветала благодаря торговле товарами, пользовавшимся большим спросом (серебро, шёлк и особенно чай, соль и военные доспехи). К своей коммерческой специализации Миньяг добавлял развитое земледелие в зонах аллювиальных (расположенных в поймах рек) почв и оазисах, тогда как в аридных (зона пустынь) районах основой хозяйства было кочевое или полукочевое скотоводство — необходимое подспорье для караванной торговли.

Именно эту страну с осёдлым населением, китаизированную и тем не менее самостоятельную, Чингисхан намеревался захватить. Его мотивов мы не знаем, но известно, что ханы из найманов и керэитов нашли убежище в Миньяге и, возможно, находясь в изгнании, некоторые из них вели антимонгольскую пропаганду, если не готовили заговоры против монгольских объединений. Можно также предположить, что Чингисхан в своих первых захватнических замыслах искал для нанесения удара слабое и периферийное место Китая.

В 1205 или 1206 году хан отправил в Миньяг конницу под командованием военачальника из киданей по имени Елюй-Ака. Ей

противостояли разрозненные армии государства Си Ся. Монгольские всадники сначала штурмовали укрепления Джили, потом крепость Жинглос (местоположение её не установлено) и разграбили округу: опустошили хлебные амбары и хозяйственные постройки, увели в плен мужчин и женщин, захватили стада, вывели из караван-сараев тысячи верблюдов, которых отослали в Монголию. Эти верблюды светлой масти, прежде редкие в тех местах, позднее упоминал Марко Поло. Монголы быстро их оценили и использовали в засушливой местности как тягловый скот.

В результате этих монгольских рейдов, которые опустошили запад страны, при дворе Си Ся не замедлили последовать политические неурядицы. В начале 1206 года произошёл переворот: монарх был свергнут и к власти приведён его двоюродный брат, который поспешил добиться признания со стороны империи Цзинь, надеясь таким образом получить от неё дипломатическую, если не военную поддержку. Для победы над Миньягом монголам пришлось воевать с ним несколько лет и предпринять три похода (в 1206, 1207 и 1209 годах).

Военные силы Миньяга, насчитывавшие 150 тысяч человек, состояли из боевого войска, которое составляли собственно сися, а также из формирований тибетцев, уйгуров и китайцев. Когда войска Чингисхана воевали в открытом поле, то имели преимущество над противником, который обычно сражался пешим. Но перед укреплёнными городами Миньяга с большим количеством защитников и запасами продовольствия кочевники, тогда ещё не имевшие осадных орудий, были вынуждены останавливаться.

Говорят, что для взятия Улахая, города, окружённого неприступными с виду крепостными стенами, монголы прибегли к удивительной военной хитрости. Они вступили в переговоры с командованием осаждённого гарнизона и обещали немедленно снять осаду, если им отдадут всех городских кошек и птиц. Озадаченные этой странной просьбой, но слишком обрадованные представившейся возможностью так дёшево отделаться от врага защитники устроили в городе настоящую повальную охоту на кошек и птиц, которых, изловив, поместили в клетки и передали монголам. Те аккуратно привязали к хвостам кошек и лапкам птиц пучки шерстяных очёсов, подожгли их и стали выпускать животных небольшими партиями. Несчастные, в страхе ища спасения, инстинктивно разбежались по своим жилищам. Многие из них находили свою смерть в зерновых амбарах или на конюшнях, одновременно поджигая множество мест в городе, который от вспыхнувших пожаров был охвачен паникой.

Воспользовавшись этим, осаждавшие ворвались в город.

Эта любопытная уловка упоминается во многих свидетельствах о более поздней кампании в Маньчжурии, что подтверждает достоверность сведений о её боевом применении. Известно, что помимо почтовых голубей китайцы использовали с этой целью также собак, быков и других домашних животных, которых обмазывали варом и поджигали, после чего выпускали на противника.

В 1209 году после нескольких успешных, но не ставших решающими походов на Миньяг монголы так и не смогли захватить две столицы Си Ся — Нинся и Линьчжу, которые с высоты своих стен смело взирали на кочевое конное войско. Тогда захватчики надумали повернуть течение части Жёлтой реки, соорудив плотину, благодаря которой была бы осушена водная преграда, идущая вдоль городских стен. Но, несмотря на тысячи пленных, согнанных на тяжёлые земляные работы, монголам, не имевшим технических навыков и нужного оборудования, так и не удалось осушить рукав реки, защищавший один из флангов городских укреплений, и, когда начались затяжные осенние дожди, им оставалось только наблюдать, как вода заливала их собственный лагерь.

Китайские летописи сообщают, что правитель Миньяга в итоге добился отступления захватчиков, предложив хану почётные условия мира. Ради этого он согласился признать номинальное верховенство Чингисхана и в придачу к дани в виде каравана из множества верблюдов, нагруженных тканями (вероятно, речь идёт о дорогих коптских тканях *кеси* с великолепным рисунком, впервые завезённых в Центральную Азию уйгурами), подарил ему одну из своих дочерей. Чтобы предотвратить разорение торговли из-за набегов кочевников, империя Си Ся запросила мира на условиях, которые оказались приемлемыми для обеих сторон.

Для Чингисхана то была победа без славы. Тем не менее подписание мирного договора временно гарантировало его от поползновений сися к сопротивлению и позволило значительно приблизиться к другим районам Китая. К тому же в 1207 году монгольскому хану присягнула часть Тибета.

Военные приготовления

Монгольские набеги на территорию Си Ся серьёзно препятствовали караванной торговле, проходившей по дорогам Великого шёлкового пути, слабо охранявшимся слишком разрозненными воинскими силами. Эти походы убедили Чингисхана в том, что нападение на хорошо

организованное государство, имеющее крепости, является предприятием гораздо более серьёзным, чем примитивные молниеносные набеги. Военный конфликт с Китаем требовал разведки путей сообщения, отправки патрулей, вербовки коллаборантов. Начиная продолжительную кампанию, надо было предусмотреть возможность неожиданных стычек, в которых можно было увязнуть. В огромном по территории и густонаселённом Китае, располагавшем значительными ресурсами, степная военная стратегия могла оказаться несостоятельной. Но, ступив на путь завоеваний, Чингисхан остановиться уже не мог, ибо «когда лошадь под седлом, на неё надо садиться».

Чингисхан обеспечил себе поддержку всех монгольских объединений, каждое из которых поставляло ему определённое количество воинов, обеспеченных лошадьми и транспортными средствами главным образом в виде повозок с грузом продовольствия и военного снаряжения. Помимо ускоренной подготовки новых всадников и тщательного ухода за оружием необходимо было готовить лошадей. Для войск Чингисхана они были тем же, что бронированные машины для современной армии. Только они обеспечивали легендарные мобильность и скорость воинов-кочевников — качеств, значение которых возрастало оттого, что монголы пока ещё совсем не использовали артиллерию.

Как мы помним, армия Чингисхана состояла из десятиричных формирований. Хорошо обученные на манёврах и ежегодных больших охотах монгольские всадники строились тремя порядками — *джункар* (левое крыло), *барагун* (правое крыло) и *гол* (центр) — и подчинялись приказам, оглашаемым военачальниками или передаваемым флажками. Получившие боевой опыт в бесчисленных межплеменных столкновениях и грабежах, эти всадники являли собой грозную военную силу, в своё время не имевшую себе равных.

Что касается вооружения всадников, то Плано Карпини описывает его так: «Каждый воин имеет по меньшей мере два или три лука либо один, но исключительного качества, три больших колчана, заполненных стрелами, топор и верёвки, чтобы тянуть повозки. Самые богатые имеют острый изогнутый меч. <...> Ноги у воинов закрыты, они носят шлем и латы. Последние все из кожи, как и сбруя лошадей, и изготовлены следующим образом: полосы кожи быков или других животных шириною в ладонь соединяются по три или четыре с помощью верёвок. Верхние ленты прикрепляются к нижним, а шнурки следующих полос связываются посередине и так далее, так что, когда воин наклоняется, нижние части поднимаются к верхним и таким образом удваивают или утраивают

толщину кожаной защиты тела».

Это напоминает описание чешуйчатых или японских доспехов, состоящих из металлических пластинок, которые покрывают воина подвижным защитным панцирем. Они меньше сковывают движения, чем тяжёлые доспехи. Головы всадников защищали металлические шлемы на кожаной подкладке.

Западные наблюдатели отмечали, что кавалерия Чингисхана нередко была вооружена длинными шестами с крючками или петлёй на конце, с помощью которых противника выбивали из седла. Что касается монгольского лука, который вызывал восхищение иностранных путешественников, то он был гораздо совершеннее знаменитой модели, использованной англичанами в битве при Кресси. Он имел s-образный изгиб, сила натяжения тетивы достигала 80 килограммов, а дальность полёта стрелы, по свидетельствам многих путешественников, составляла от 200 до 300 метров при скорости стрельбы до дюжины стрел в минуту. По наблюдениям Плано Карпини и Марко Поло, эти стрелы с орлиными перьями могли пробивать доспехи. Долгое время лук по своей эффективности превосходил мушкеты и даже ружья, которые били неточно и которые приходилось долго заряжать. Даже в 1807 году в сражении при Фридланде Наполеон столкнулся с калмыцкими лучниками, сражавшимися в русской армии. Боевые лошади у монголов, как правило, также были покрыты кожаными пластинами, которые защищали их грудь и бока от копий и стрел, хотя китайские и персидские художники чаще всего изображали их без этой защиты.

Такова была монгольская армия, готовая обрушиться на китайские оборонительные линии. Мобилизация проводилась строго и методично. Под присмотром нойонов кочевники-коневоды и пастухи на полях сражений становились настоящими воинами. Разведчики, набранные из племён в приграничных районах, пленники, к которым были приставлены толмачи, сообщали сведения о путях подхода, о бродах и мостах, о состоянии крепостей и организации войск противника.

Неделя за неделей по вечерам, когда женщины занимались своими повседневными делами, мужчины в юртах оживлённо обсуждали предстоящее завоевание Китая, слухи о котором ходили по становищам. Зрелые ветераны, побывавшие во многих стычках и битвах с меркитами и найманами, гадали о том, что может их ожидать по ту сторону Великой Китайской стены. Каждый вспоминал о рукопашных схватках в безлунные ночи, когда противники увязали в снегу, настоящие или вымышленные боевые подвиги, которые пьянили и рассказчиков, и слушателей. Эти

побывавшие в боях войны с помощью жестов показывали новичкам, что следует целиться в горло противнику, если хочешь разбить ему лицо тыльной стороной клинка, так как всадник, опасаясь удара, инстинктивно нагибает голову. Ещё они рассказывали, как провести клинком по телу противника, чтобы лёгкий порез превратить в глубокую рану. Но большинство, не задумываясь об опасностях, их ожидающих, мечтали о добыче, которую они захватят после славных побед. Весь большой улус Чингисхана и телом и душой был готов двинуться против сёл и городов обширного Китая.

Кампания против государства Цзинь

Как уже упоминалось, в молодости Тэмучжин какое-то время был вассалом государства Цзинь. Чжурчжэни использовали его и Тогорила в качестве вождей монголов-наёмников, которые проводили для них операции против татарских племён. За эти услуги Тогорил получил от китайцев титул царя (ван), а Тэмучжин — более скромный чин «десятника», который монарх присвоил ему с показной щедростью. В 1208 году он скончался, и Чингисхан счёл себя свободным от каких-либо обязательств перед чжурчжэнями.

Новый повелитель Чжунду (Пекина) принц Вэй, безликий, не пользующийся авторитетом, быстро оказался игрушкой в руках царедворцев. Когда, согласно традиции, китайское посольство во главе с неким Юнцзы прибыло с известием о воцарении нового монарха династии Цзинь к Чингисхану, тот устроил скандальную сцену, которая описана в «Юань ши»^[15]: «Правящий император отправил посланника по имени Юнцзы, чтобы получить от Чингиса обычную дань... Но Чингис по глупости обошёлся с посланником пренебрежительно и забыл о принятых правилах гостеприимства».

Считается, что официальная история эпохи Юань замалчивает обстоятельства этого дипломатического скандала. В действительности же, когда Юнцзы сообщил имя своего нового повелителя Чингисхану, тот отозвался о принце Вэе как о дурачке, отказался выполнить традиционный земной поклон (куту) в его честь, а потом закусив удила повернулся на юг — в ту сторону, где находился пекинский двор, и плюнул. Члены посольства от новых властей Цзинь стояли униженные и ошеломлённые. Оскорблённый этой выходкой Чингисхана, Юнцзы поспешил вернуться на родину, где доложил своему суверену о происшедшем и предложил послать

карательную экспедицию против этих варваров, посмевших так унижить высокий трон. Но слабый и трусоватый новый император отлично знал, что у тигра не требуют его же шкуры. Он счёл инцидент исчерпанным, во всяком случае, слишком незначительным для того, чтобы служить поводом для военного ответа.

Этот монарх с самого начала своего правления показал себя слабым правителем. Чингисхан же усвоил пословицу, согласно которой «во всяком деле подготовка обеспечивает успех, а непредусмотрительность ведёт к поражению». В марте 1211 года он созвал новый курултай, чтобы уточнить, какие у него есть союзники и какими силами он может располагать при походе на Китай. Из самых отдалённых степей и лесов вновь прибыли вожди кланов, чтобы ещё раз изъявить ему свою преданность. Это были не только монголы, но и тюрки. В своём ханском шатре на берегу Керулена он принимал многочисленных князей и князьков. Среди них были *идикут* (правитель уйгуров, ставка которого находилась в Турфане) и вождь карлуков Арслан, обосновавшийся к югу от озера Балхаш.

Союз этих правителей стал важным событием, поскольку по контролируемым ими землям проходила значительная часть Великого шёлкового пути. Именно благодаря этим дорогам Китай поддерживал дипломатические и торговые отношения с Ираном, арабскими странами и Европой. На этих дорогах в оазисах располагались караван-сарай. Торговые караваны привозили в Китай высоко ценимые там товары: ковры, тонкие ткани, военные доспехи, отлично выкованные и обработанные мастерами Среднего Востока сабельные клинки. Чингисхан мог сразу же взять под контроль торговлю с Передней Азией и прибрать к рукам чудеса ремесленного искусства, дотоле неизвестные в Монголии. Доступ монголов в эти районы при посредничестве новых союзников и тюрко-монгольских лжеторговцев к тому же позволял хану открыть глаза — и уши — внешнему миру — миру осёдлых народов.

Курултай 1211 года обеспечил Чингисхану две решающие гарантии. Первой из них была безусловная поддержка всех его вассалов, второй — надёжное прикрытие тылов благодаря союзу с карлуками. Уверенность в том, что не придётся воевать одновременно на два фронта, ускорила начало монгольского наступления на Северный Китай.

Чингисхану и его ближайшему окружению было известно, что могущество династии Цзинь подорвано внутренней смутой. В 1204 году вождь одного тюркского племени, исповедовавшего несторианство, — онгутов, которому было поручено охранять центральный сектор границы Северного Китая, вступил в контакт с монголами, вероятно с целью

заклучить с ними взаимовыгодное соглашение. В 1205 году в Ляодуне, к северо-востоку от Пекина, против династии Цзинь начался мятеж. Это событие подсказало Чингисхану, что достаточно одного мощного удара, чтобы вызвать дестабилизацию государства чжурчжэней и всего китайского треножника.

Для великого хана Китай представлял гигантское пространство для охоты и войны, а это сулило большую добычу. Благодаря сведениям, полученным от путешественников, перебежчиков и вождей онгутов, которые несли службу на границе империи Цзинь, Чингисхан своим инстинктом хищника, несомненно, почувствовал, что перед ним открывается великолепная возможность. В этой богатой стране крестьяне, ненавидевшие захватчиков чжурчжэней, засели в своих домах, плохо оплачиваемые наёмные войска разбредались, как кролики, и, наконец, слабые и непостоянные монархи думали только о том, как спасти свою жизнь.

Чингисхан сделал вид, что намерен свести с пекинским двором личные счёты: заставить монархов династии Цзинь заплатить кровью за то, что в результате одной из пограничных стычек в плен были захвачены два его «дяди» — Амбахай и Ёкин-Баркак, которых при участии татар казнили, прибив гвоздями к деревянному ослу.

Перед началом кампании хан согласно обычаю попросил помощь у Неба. Он вновь отправился к подножию горы Бурхан-Халдун для исполнения традиционного обряда. Он развязал пояс, повесил его себе на шею, снял меховую шапку, показывая этими жестами, что отрекается от символов своей власти, чтобы предстать беззащитным перед Тенгри, богом Синего неба. Потом, совершив три земных поклона, объявил: «О Вечный Тенгри, я вооружился, чтобы отомстить за кровь моих дядей Ёкин-Баркака и Амбахая, которых Золотые цари (Цзинь) повелели убить постыдным образом. Если ты одобряешь моё решение, даруй мне свыше помощь твоей руки, прикажи, чтобы здесь люди и духи объединились, дабы участвовать со мной в этом». Кости были брошены. Поход на Китай начался. Но «тому, кто взбирается на спину тигра, непросто с неё спуститься». Чжурчжэни, правившие страной с населением около пятидесяти миллионов человек, могли развернуть 500-тысячную армию, состоявшую из всадников, в основном из наёмников-кочевников — онгутов, солонов, мукри и даже киданей и чжурчжэней — и пеших полков, в которых преобладали китайцы. К тому же цзинский Китай охраняли укрепления, оснащённые противоосадными орудиями, не говоря уже о гигантской оборонительной линии Великой стены.

Конное войско Чингисхана насчитывало, вероятно, чуть более ста тысяч человек. Хан взял на себя личное командование «центром». Джэбэ и Субэдэй, Мухали, сыновья хана Тулуй и Джучи-Хасар командовали левым крылом. В походе участвовали Чагатай, Угэдэй, Бугурджи и Джучи-Хасар, а также иноплемённые вожди: Чаган из народа сися, усыновлённый ханом, и двое киданей, братья Елюй-Ака и Елюй-Тука.

Армия отправилась в поход в марте 1211 года сразу после курултая. Китайские источники расходятся в дате: «Юань ши» и «Си Юань ши» («Новая история династии Юань») склоняются к марту, а «Сокровенное сказание монголов» указывает на несколько более позднее время. Маршрут вторжения достоверно не установлен. По-видимому, армия великого хана собралась где-то к северу от Керулена, который она перешла по льду, после чего разделилась на две части. Одна из них, под командованием самого Чингисхана, дошла до верховьев реки Луан. Другая, во главе с сыновьями хана, прошла от Туула до Хорио Гола. Через 800 километров пути войска разделились на стандартные полки, чтобы не истощить редкие в этих полупустынных местах водные источники. Группы разведчиков отыскивали дороги и колодцы с питьевой водой, отмечали населённые пункты, труднопроходимые места и захватывали пленных. За войсками двигались повозки, нагруженные продовольствием и военным снаряжением, а также небольшими походными шатрами. Через два месяца после начала похода монголы наконец дошли до пограничной зоны, которую удерживали онгуы.

У ворот Пекина

Монголы без труда преодолели первые пограничные укрепления, а в это время чжурчжэни держали свои войска в резерве. В начале лета 1211 года после нескольких успешных, но не имевших большого значения операций захватчики замедлили дальнейшее продвижение, хотя им, по всей видимости, не угрожала никакая контратака армии чжурчжэней. Наверняка в это время монголы вели переговоры с вождём онгутов Алакуш-Тегином. Тот, внезапно изменив Пекину, перешёл на сторону врага. В результате Чингисхан без единого выстрела овладел высотами, прикрывавшими Пекин с северо-запада.

В столице империи царило замешательство. Были срочно отправлены войска на позиции между городом и кочевниками. Но крепости Фэнли, Уша, Хуань и Фучжу в северном Хэбэе вскоре оказались в руках монголов.

Цзинское командование направило в район Великой стены свежие силы под началом принцев Ван Нью и Ху Ша. У правителей Цзинь уже не оставалось сомнений в том, что кочевники пришли к порогу империи не ради очередного грабежа, а с тем, чтобы её захватить. В военных донесениях сообщалось о движущихся вражеских колоннах, сопровождаемых большим количеством запасных лошадей, повозками с провиантом, стадами скота. Все монгольские силы продвигались, соблюдая чёткое взаимодействие.

Первое сражение произошло на склонах гигантского плато нынешней Внутренней Монголии, которые спускаются к обширной Китайской равнине. Битва состоялась к северу от русла Жёлтой реки и получила название битвы у вершин Диких лис (Е Ху Линь). Имперские войска понесли большие потери. Лет через десять после того один даосский паломник по имени Шань Шун, проходя по этим местам по пути в ставку Чингисхана, отметил: «Мы видели поле битвы, покрытое побелевшими человеческими костями».

Цзинская пехота превосходила монгольскую, но конница сильно уступала коннице захватчиков. Военачальники-чжурчжэни выжидали, пока в Маньчжурии не соберётся резервная армия, которая сможет ударить по монголам с тыла. Эта неторопливость и нерешительность командования противника благоприятствовала продвижению ханского воинства. Из района к северу от Хэбэя оно спускалось в долину по трём путям: первый — по реке Янь (по выходу из ущелья), два других — в сторону реки Саньган. Цзинское командование приказало надстроить стены некоторых укреплений, чтобы разместить в них гарнизоны, но Джэбэ и Елюй-Тука ещё до этого успели захватить несколько опорных пунктов и ударили по Вэйниню. Один из служивших в этой крепости офицеров Лю Болань бежал из неё по верёвке и перешёл в лагерь Джэбэ. Там он вызвался склонить местный гарнизон сдаться монголам.

Китайские источники не сообщают точных сведений о военных действиях, проходивших в том году на севере Цзинского Китая, где мелкие столкновения предшествовали ожесточённым сражениям. В главном штабе чжурчжэней, по-видимому, возникли разногласия. Одни считали, что следует как можно скорее покончить с опасной угрозой. Другие предпочитали ждать сосредоточения сил, чтобы воздвигнуть на пути захватчиков «бронзовую стену». Но и те и другие были уstraшены видом вездесущих монгольских колонн, которые переваливали через засушливые плато, где выковывалась их смертоносная конница.

Вскоре Чингисхану сдался ещё один военачальник империи кидань Шимо Минган. Потом был разбит Ху Ша. Со своим поредевшим войском

он укрылся в западной столице — городе Датуне, в те времена называвшемся Сицзином. Этот укреплённый город был одной из пяти чжурчжэнских столиц. Ху Ша, опасаясь оказаться в ловушке, решился на отчаянный прорыв через ряды монгольских войск, и те отправились за ним вдогонку. Тем временем войска под командованием Джэбэ соединились с силами великого хана, оставив трёх его сыновей действовать к северу от Великой стены, где им удалось преодолеть слабую оборону нескольких городов и просочиться через недостаточно укреплённые участки стены. Основные монгольские силы зимой 1211/12 года сконцентрировались в районе Пекина. За шесть месяцев, прошедших после начала вторжения, территория государства Цзинь, примыкающая к современной Внутренней Монголии, была, очевидно, оставлена правящей династией.

Целые районы сельского Китая были разграблены захватчиками, поля проса (гаоляна), сады были опустошены, фермы, амбары, коровники разграблены. Мужчины, спасаясь от набора в армию, бродили в поисках убежища и присоединялись к бандам грабителей. Беженцы из зон боевых действий становились лагерем у стен городов, которые не могли их ни накормить, ни приютить. Всюду, где прошло воинство Чингисхана, оставались руины. Монголы, привыкшие к открытым пространствам, не задерживались в захваченных городах. Их интересовали только добыча и пленники. Они отрывали крестьян от земли, чтобы использовать их как рабочую силу. Женщин насиловали. Вдоль дорог стояли брошенные деревни, в которых оставались только отощавшие сумасшедшие да дети.

Китайские истощённые, плохо обученные и плохо накормленные, нерегулярно получавшие содержание, быстро утомлялись на марше. Дошедшие до нас песни и поэмы эпохи кочевых нашествий — это сплошь жалобы вечно побеждённых. Лю Ю писал: «С хриплыми, печальными криками строят Стену. Рядом с нею Луна и Млечный Путь кажутся невысокими. Но если с них не снимать белых костей мертвецов, они достигнут высоты Великой стены».

Чингисхан, прибыв на позиции, откуда был виден Пекин, понял, что захватить его не сможет. Город был окружён поясом очень высоких стен, и за ними находились лучшие войска империи. Монгольский предводитель решил ограничиться вывозом фуража и провианта из окрестных деревень, грабежом предместий, угоном лошадей — словом, пробавляться лёгкой добычей. После шести месяцев боёв его воины нуждались в отдыхе. Стояла холодная зима, и подножный корм для скота кончился. Выручали только запасы фуража, захваченные в округе.

Джэбэ был послан в район Ляодуна, расположенный к северо-востоку

от Пекина вдоль прибрежной равнины. Пройдя Шанхайгуань (Проход между горами и морем), он вскоре достиг восточной столицы государства Цзинь — города Ляояня (нынешний Дунцзин) и, перейдя реку Ляо, сумел захватить его.

Чтобы овладеть укреплённым городом, Джэбэ прибег к военной хитрости, которую монголы использовали неоднократно. Сделав вид, будто спешно отступает от оборонительных укреплений врага, он покинул свой лагерь, расположенный недалеко от городских стен. Убедившись, что Джэбэ уже далеко от них, горожане и солдаты гарнизона вышли, чтобы принять участие в разграблении лагеря. Но монгольский военачальник после непрерывной 24-часовой скачки ночью ворвался в город, который как раз праздновал наступление нового года по лунному календарю. И солдаты, и жители всюду гуляли, городские ворота были открыты, как в мирное время, а караульные посты оставлены стражей. Джэбэ не составило труда захватить гарнизон. Это случилось 4 января 1212 года.

Мятеж киданей

Пока Пекин продувался ледяными ветрами, укрывшими весь Северный Китай снежным саваном, монголы стали на зимние квартиры, предварительно разграбив деревни в Шандоне в нижнем течении Жёлтой реки и севернее, за Пекином. Некоторые поселения сопротивлялись. Чингисхан в этих случаях не упорствовал, поскольку знал, что его слабость — в отсутствии осадного снаряжения и военных инженеров. Тулуй, младший сын хана, захватил несколько укреплённых постов, но в целом монгольская волна шла на спад, и галоп понемногу сменялся рысью. Захватчики постепенно поднимались к северу, оставляя позади себя растерянных правителей и разорённое население.

Но вот весной 1212 года произошло событие, имевшее катастрофические последствия для династии Цзинь. Один из потомков прежнего императорского дома Ляо, некий Елюй Люгэ, выходец из династии киданей, побеждённой чжурчжэнями, отложился от государства Цзинь во главе региона на крайнем севере территории империи (современный Цилин), недалеко от бывшей столицы киданей. Вместе с другим киданем по имени Еди он стал собирать войска, и вскоре мятежники имели под своим началом уже более ста тысяч солдат.

Этот военный мятеж, разумеется, привлёк внимание монголов. Чингисхан действовал без промедления. Он отправил своего помощника

Алчина разузнать поточнее о сложившейся ситуации. Мятежники встретили монгольского посланца на берегу Ляо, и их вожди сочли благоразумным присягнуть на верность великому хану. Договор был подписан и освящён ритуальными жертвоприношениями животных и обоюдными клятвами. Войска, посланные чжурчжэнями против бунтовщиков, прибыли на место слишком поздно: кидани с помощью монголов обратили их в бегство. Это поражение подорвало положение династии Цзинь, поскольку она лишилась контроля над территорией перед Корейским полуостровом и поддержки большой армии.

После мятежей Елюй Люгэ, Шимо Мингана и предательства онгутов чжурчжэни серьёзно усомнились в надёжности иноземных наёмников. Становилось очевидным, что всякая новая трещина в здании государства Цзинь будет грозить распадом. Пекинский двор был взбудоражен, военные подвергались нападкам. Командующих осыпали упрёками. И тем не менее военные, даже побеждённые и поруганные, всё ещё могли сказать своё веское слово.

В 1213 году положение несколько изменилось. Монголы стали закрепляться на севере Китая. Они опустошали возделанные земли и небольшие поселения, но им не удавалось захватить большие города с мощными укреплениями, в которых была сосредоточена гражданская и военная администрация, и покончить с правительством страны, укрывавшимся за каменными крепостными стенами имперской столицы. Кочевники совершали набеги, угоняли пленников, но ещё не были способны установить в Китае режим настоящей военной оккупации. Для этого им пришлось бы не только держать там гарнизоны, но и любым способом сосредоточить в своих руках все рычаги управления. В сущности, пока что завоеватели оккупировали только небольшую часть гигантской территории государства Цзинь.

Битва у проходов

В том самом 1213 году армия Чингисхана, отошедшая на внутреннее плато, вновь спустилась на Китайскую равнину. Первый укреплённый пункт был взят самим ханом, который командовал войсками, направлявшимися к Великой стене самым коротким путём.

Гигантская оборонительная линия протяжённостью шесть тысяч километров представляла собой сложную цепь укреплений с двойными и даже тройными поясами стен, фортами, опорными пунктами, бойницами.

Высота стен составляла от семи до восьми метров. На некотором расстоянии одна от другой возвышались дозорные башни, располагались казармы, склады, казематы, где были размещены гарнизоны. Подходы к фортам были защищены надолбами и рогатками. Каждая дозорная башня сообщалась с соседней при помощи сигнальной связи — визуальной (сигнальные вымпелы, дымы днём и костры в тёмное время суток) или звуковой (бой барабанов). В течение всего нескольких часов можно было передать сообщение на расстояние до 500 километров.

Чингисхану с помощью хитрости и — наверняка — благодаря сообщникам и предателям из числа обороняющихся удалось пройти со своей конницей через ворота Великой стены. Первым испытанием, которое его поджидало, было взятие Хюайлая, небольшого укрепленного городка с немногочисленным гарнизоном, но контролировавшего пути, ведущие в столицу государства Цзинь. Его захватил Тулуй. Неизвестно лишь, взял он его штурмом или хитростью.

Разбив китайско-чжурчжэнские войска, кочевники вошли в узкий проход Нанку, над которым возвышались отвесные скалы, где на некотором расстоянии один от другого стояли сторожевые посты. Проход по этому стратегически важному отрезку пути длиной 22 километра был полон опасностей. Тем не менее Джэбэ сумел это сделать. Он притворился, что собирается с отрядом всадников разведать местность, инсценировал нерешительность и спешно ретировался. Испытанная уловка сработала и в этот раз. Войска чжурчжэней, выйдя из своих укреплений, стали преследовать убегающего врага и попали в классическую засаду. Укрепленные посты без своих защитников были блокированы монголами, которые открыли себе проход к местности под названием Плоскогорье Дракона и Тигра (Лунхутай). Оттуда до Пекина оставалось не более 30 километров.

Одновременно с этим другие отряды монголов шли через Жэхэ и Шаньси. Первым препятствием на их пути стала цитадель Датун, которую быстро взяли и освободили заключенных в ней пленных онгутов, сына и вдову Алакуш-Тегина, убитого антимонгольской группировкой. Пекин был окружен и почти оставлен на милость врага. Ни один из проходов уже не мог задержать вторжение, так как все находившиеся в них гарнизоны сдались практически без сопротивления. За исключением ворот Жюёнгуан, Великая стена не подвергалась штурму.

До сих пор у многих вызывает удивление тактическое искусство Чингисхана, который почти всегда умел заставить противника врасплох и навязать ему свои правила боя. Китайские источники содержат немного

сведений о пассивности чжурчжэнских стратегов и неспособности правителей государства Цзинь, но нет сомнений в том, что потери его армии были чудовищными. Китайский историк Ван Говэй даже утверждает, что династия Цзинь с самого начала конфликта понесла такие потери, что оказалась неспособной мобилизовать достаточное количество солдат для серьёзных сражений в открытом поле. Это утверждение кажется излишне категоричным, поскольку немного позднее власти империи набрали новые войска в немалом количестве.

Главными причинами поражений имперских войск были трагическая неопытность, нерешительность и медлительность верховного командования. Среди военачальников высшего звена у чжурчжэней когда-то были люди способные (например, те, что победили на юге сунов), но в 1211 году таких не нашлось. Сыграло свою роль и недостаточное использование вооружённых луками всадников в большинстве столкновений с кочевниками, у которых лучники-всадники были основной ударной силой. Нередко отсутствовало взаимодействие между всадниками и пехотой чжурчжэней, из-за чего в боевых порядках возникала неразбериха, всадники толкали пехотинцев, как это случилось во время сражения при реке Яньхэ, которое проиграл полководец Сю Ша.

Чжурчжэни, бывшие кочевники-тунгусы, победившие китайцев благодаря своей решимости, захватив власть в стране, стали вести себя так, как это делали многие другие завоеватели, — расслабились и погрязли в утехах жизни двора. Их правители явно не усвоили китайского изречения, которое гласит: «Сила стрелы, выпущенной из лука, ослабевает к концу полёта».

В обстановке серьёзного кризиса, поразившего государство Цзинь, стали искать виновных. За каждым поражением следовали раздоры. На каждом заседании министров возникали стычки. Но, как это часто бывает, меч возобладал над скипетром. Один из орхонов (высших военачальников) по имени Ваньянь Хуша организовал заговор и, умертвив законного государя, захватил власть. Вместо слабого правителя Вэя в сентябре 1213 года на трон взошёл новый правитель по имени Удабу.

Глава X

НА ШТУРМ ВЕЛИКОЙ СТЕНЫ

*Над могилой Юэ Фэя растёт густая трава.
Мрачным осенним днём каменные изваяния зверей
кажутся зловещими.
Государь и его министры, отступившие к югу по
реке, слишком скоро оставили плодородную землю.
Старики центральной равнины хотели бы снова
увидеть императорские штандарты.
Но, увы, герой мёртв, поздно.
Страна без опоры раскололась пополам.
Не повторяйте моих слов Западному озеру,
Ни воды, ни горы не преодолеют их тоски.*

ЧжаоМэнфу. 1254—1322

Монгольские орды

Получив известие о дворцовом перевороте, который поколебал власть династии Цзинь, Чингисхан не замедлил принять свои меры. Во главе трёх своих армий он отправился в поход, в результате которого будет нанесён решающий удар по новому правительству императора Удабу. Поскольку хан всё ещё не имел возможности с боем взять имперскую столицу, он развернул перед её стенами заслон из своих войск, который перекрывал выход из города и препятствовал возможному прибытию подкреплений. Потом начал продвижение войск на юг Хэбэя и Шаньдуна по направлению к Хуанхэ (Жёлтой реке).

Жёлтая река, исполинский животворный водный путь, колыбель китайской цивилизации, в течение тысячелетий наносила плодородный лёсс, который население возделывало. Насколько видит глаз, тянутся дамбы, построенные трудолюбивыми китайскими крестьянами. Там, на этих коричневатых почвах, фермеры разводят свиней, возделывают просо, сорго, кунжут, сою — если их не задавили налогами и если страшные разливы реки не уносят их урожай, а иногда и целые деревни. Бассейн

Хуанхэ густонаселён, в отличие от севера, где поселенцы поднимают целину.

Кочевников удивила эта разделённая на квадраты, одомашненная, прирученная природа. Им казалось, что земля, которую топчут копыта их коней, изнасилована, а люди, на ней живущие, подобны скоту, который согнали в загоны. Мало кто из кочевников был способен понять осёдлый образ жизни. Всадники Чингисхана пришли грабить и жечь возделанные земли, чтобы вернуть их в природное состояние. Невосполнимые разрушения, регулярные грабежи... Да и как кочевники-скотоводы начала XIII века могли уважать жизнь и имущество китайцев и китаизированных чжурчжэней — людей, история, язык, обычаи которых были им неведомы и которые, укрывшись за своими стенами, осыпали их стрелами? Захватчики находились на завоёванной земле. Они пришли только затем, чтобы грабить. Возбуждённые свирепостью боя, они месяцами шли бок о бок со смертью. И эту ставшую для них обыденной смерть они с лёгкостью, иногда по необходимости, иногда ради пьянящего удовольствия, обращали против своих врагов — ведь она бродит повсюду и подстерегает каждого. Так они подсознательно пытались от неё отделаться.

Чаще всего о нашествии узнавали через слухи. Китайские солдаты-дезертиры, раненые приходили в деревни в поисках пропитания или убежища. Офицеры-рекрутёры оцепляли городки и целые округа, чтобы насильно загонять в армию крестьян. Для тех война была довершением всех бед. Военные не защищали их земли от захватчиков, так как старались удержать только стратегически важные пункты. Отсюда — трагические картины массового бегства земледельцев из своих деревень, которые бродили с малыми детьми и в тщетной надежде на помощь останавливались у внешних стен городов, защищённых гарнизонами.

Обойдя Пекин, захватчики вскоре достигли южной части Хэбэя, провинции Шаньдун, где течение могучей Хуанхэ разделяется на несколько рукавов, которые периодически меняют свои русла. Хан и его люди подошли к торговому городу Цзинань, окружённому озёрами, водными источниками и лесистыми вершинами, благодаря чему он стал местом отдыха знати. Монголы оказались в низменной местности, пересечённой многочисленными речными руслами, преодолеть которые из-за отсутствия мостов было нелегко. Тогда они стали врываться в деревни, чтобы захватить пленных. Крестьяне, не умевшие обращаться с оружием, позволяли взять себя как овец, довольные уже тем, что не разорили их бедные хозяйства и не увели жён и дочерей. Кочевники использовали пленных как носильщиков и рабочую силу. Их заставили ремонтировать

мосты, чинить повозки, кормить животных. В течение лета 1213 года кочевые орды прошли через несколько областей страны, повсюду сея смерть и разорение.

Но хуже было то, что монголы, не столь многочисленные, чтобы брать приступом укрепленные города, и не имевшие технических средств, чтобы проламывать массивные городские ворота, использовали толпы пленников в качестве живого щита. Несчастных гнали впереди войск к крепостным воротам и башням, где они с топорами, таранами, лестницами, дубинами и просто палками должны были бросаться на штурм внешних укреплений. Тех, кто отказывался подчиниться, убивали на месте. И это многочисленное людское стадо, трепеща, повиновалось преступным приказам победителей, и каждый становился одним из железных звеньев в этой цепи из «отрядов самоубийц». Со стен штурмуемых крепостей китайские солдаты, иногда под командованием офицеров-чжурчжэней, после тщетных попыток убедить пленников не приближаться, вынуждены были их убивать. Чаще всего противоборствующие стороны сражались на расстоянии, позволявшем узнать противника в лицо. Защитники крепости осыпали стрелами своих соотечественников, иной раз жителей соседней деревни или даже односельчан, под нетерпеливыми взглядами монголов, которые ждали момента, чтобы по трупам заложников броситься на штурм. Монгольский порядок был чудовищно эффективным: беречь свои силы, истощать силы противника.

Летом 1213 года в провинциях Шаньси, Хэбэй и Шаньдун население массово покидало зоны боевых действий. Бежавшие от монголов, потерявшие всё, что имели, крестьяне, мелкие чиновники, ремесленники, разорившиеся из-за прекращения торговли, дезертиры тысячами брели по дорогам. Беглые воины бросали оружие, но оставляли на себе войлочные или кожаные доспехи, чтобы согреться прохладными ночами. Некоторые чиновники с семьями ехали в повозках, а за ними кули несли на бамбуковых коромыслах ценности, которые те смогли взять с собой. Тележки, забитые корзинами, кувшинами и прочей домашней утварью, тянулись за семьями босоногих крестьян в соломенных островерхих шляпах. Тысячи одетых в лохмотья, истощённых голодом и жаждой, обессиленных мужчин, женщин и детей стали бродягами на своей собственной земле. Всё вокруг словно застыло и помертвело.

То была чёрная эпоха в истории Китая, захваченного, ограбленного и истерзанного грубым и беспощадным врагом. Но который уже раз Китай переживал нашествие варваров? Ещё в VII веке поэт Чжан Вэй писал, жалуясь на бедствия войны:

*...Говорят, что теперь император и министры
Посылают наши войска умиротворять варваров.
Конечно, прекрасно, когда на границах мир,
Но надо ли ради этого рассеять людей Китая?*

Словно отзываясь на эти слова, спустя примерно шесть веков Чжао Мэнфу, художник и поэт эпохи Юань, замечал:

*Череп повешенных плачут лицом к лицу.
У некоторых офицеров по восемьдесят ран в спине;
Разорванные знамёна прикрывают тела, лежащие у обочины
дороги.
Выжившие, смилившись с неминуемой скорой смертью,
плачут на стенах пустой цитадели.
В победных сводках останется лишь имя командующего.*

Разграбление Пекина

Поначалу монголы не решались на фронтальные атаки против больших укрепленных городов, обороняемых лучшими войсками. Они ограничивались грабежами, опустошением житниц, поджогами небольших городов. Пока хан пересекал великую Северную равнину, продолжение монгольских степей, его сыновья Угэдэй, Джучи и Чагатай во главе войск, составлявших правое крыло армии вторжения, спускались по западной окраине Хэбэя в сторону Хэнаня к северу от Хуанхэ. Потом они внезапно повернули в сторону южного Шаньси, чтобы появиться в богатой долине реки Фэн. Небольшие провинциальные города Пиньян, Фэнчжу, Синьчжу один за другим переходили в их руки. Крупный город Тайюань на берегах реки Фэн, защищённый глубокими рвами, также был захвачен, а жители его разбежались. Третья монгольская группировка под командованием Джучи-Хасара, брата Чингисхана, вышла из окрестностей Пекина и, преодолев знаменитый проход Шанхайгуань, достигла области Жэхэ. Монголы опустошили территорию современной Маньчжурии, откуда происходили чжурчжэни.

Удивляет видимая лёгкость, с которой захватчики овладевали теперь уже защищёнными китайскими городами. Китайско-чжурчжэнские

гарнизоны должны были бы, по логике вещей, отбить некоторые атаки монголов и нанести им чувствительные потери. Что касается цзинских военачальников, то они допустили очевидную трагическую ошибку. Их чрезмерная вера в стратегию организованного отступления, их иллюзорное чувство безопасности за стенами крепостей привели к роковым для них последствиям, поскольку монголы, избегая прямого столкновения с цитаделями, которые они не могли взять приступом, нашли чрезвычайно эффективный способ компенсировать эту свою слабость. Обходя города, они взялись за сельскую местность, где применяли тактику выжженной земли, чем наносили противнику самые сильные удары. Разоряя фермы, опустошая поля, поджигая дома, разрушая дамбы и ирригационные каналы, чтобы затопить или иссушить возделанные земли, монголы в итоге уничтожили зерновые резервы тех районов, по которым проходили, обескровили деревню-кормилицу, чтобы задушить города. Опустошить землю преимущественно земледельческой страны — значит в короткий срок лишит города продовольствия и превратить их жителей в подобие «рыб на дне котелка». За семь столетий до Мао Цзэдуна монголы знали, «что рыбу можно погубить, лишив её воды».

Похоже, что военачальники-чжурчжэни не всегда оказывались на высоте положения в сложившейся тяжёлой ситуации. Если некоторые из них сражались против захватчиков, то многие, по-видимому, старались прежде всего экономить наличные силы. За несколькими редкими исключениями войска чжурчжэней довольствовались сдерживанием атак противника. К тому же среди них так и не появилась фигура политика или полководца, способного противостоять Чингисхану и его сподвижникам. Китайцы же, многие из которых были мобилизованы в армию чжурчжэнских оккупантов, похоже, уклонялись от их защиты. Страдая от ига чужеземной династии, которая разделила страну надвое, китайцы явно придерживались выжидательной тактики, осознанно или инстинктивно надеясь на падение власти чжурчжэней под ударами монголов. Отсюда их пассивность, нежелание сражаться за иноземцев, правивших из Пекина. Но, видимо, они забыли пословицу, которая гласит: «Когда богомол охотится за стрекозой, позади него прячется иволга».

Тиски, в которые попал пассивный, почти открытый для врага Китай, медленно, но верно сжимались. Пока одна монгольская группировка под командованием брата Чингисхана шла вдоль берега Бохая в направлении Маньчжурии, чтобы ударить по чжурчжэням с тыла, войска самого хана сосредоточились перед столицей династии Цзинь. В апреле 1214 года многие соратники Чингисхана готовы были немедленно идти на приступ

могучей имперской цитадели, но их повелитель, считая, что у него недостаточно своих сил для захвата города, предпочитал выжидать. Больше того, он начал переговоры с чжурчжэнскими властями об условиях своего отхода. Это был искусный тактический ход. Пекинский монарх, запертый в столице и не надеявшийся на подмогу, принял предложение противника. Без военных резервов, блокированных на северо-востоке Маньчжурии монгольскими колоннами во главе с Мухали, и без подвоза продовольствия из разорённых сельских окрестностей Удабу мог рассчитывать только на милость победителя. И он согласился на все его требования, включая огромную дань в виде большого количества золотых и серебряных предметов, а также драгоценных шёлковых тканей.

Но Чингисхан потребовал большего: лошадей и жеребцов из императорских конюшен, тысячу самых сильных юношей и самых красивых девушек. Наконец, он пожелал для себя личный подарок — принцессу крови Жигуо, младшую дочь предшественника Удабу. Тяжело нагруженное этими неисчислимыми сокровищами воинство монгольского правителя отступило на север и стало лагерем у порога Китайской империи и на подступах к родным степям. Позади хан оставил отряды, которым было поручено патрулировать местность.

В Пекине воцарилась атмосфера конца царствования. Министры, советники, военачальники обвиняли монарха в трусости, в непростительном слабоволии. Напряжение нарастало. Вытребованная врагом колоссальная дань опустошила государственную казну. Удабу чувствовал, что назревает буря. То ли ему хотелось во что бы то ни стало оказаться подальше от лагеря захватчиков, то ли он опасался мятежа собственных военных? Как бы то ни было, в июне 1214 года, всего через несколько недель после ухода монголов, он оставил пекинский двор и укрылся в Кайфэне. Этот город был защищён бурными водами Хуанхэ, и там можно было попытаться собрать новые войска. Это отступление цзинской верхушки ещё раз доказывает — если здесь требуются какие-то новые доказательства — слабость правящей династии, которая окончательно оставила север страны.

Год спустя имперская столица Пекин пала под ударами монголов. Город, ставший добычей тысяч грабителей, был подожжён, и его агония продолжалась целый месяц.

Защитники Пекина (тогда он назывался Чжунду, то есть Центральная столица) знали, что им отведена роль жертв в арьергардных боях. Удабу поручил оборону города принцу крови по имени Шуцзун и двум военачальникам — принцу Аотуаню и Муян Цзинчжуну. Расположенный в

центре узкой долины, через которую проходят все пути, ведущие в собственно Китай, город находится на стыке ландшафтов, отражающих разнообразие природы страны: степные просторы северо-запада, большая равнина Маньчжурии с её континентальным климатом — на севере, и на юге — обширные равнины с более тёплым климатом.

Пекин 1215 года примерно соответствовал той его сегодняшней части, которую до сих пор называют «Внешним городом» (или «Китайским городом»). За его могучими стенами протяжённостью 43 километра с дюжиной монументальных ворот, в кварталах, многие из которых были просто деревнями, проживали сотни тысяч жителей. В центре города находились императорский дворец, здания гражданской и военной администраций, казармы. Это были богатые жилые кварталы, окружённые тенистыми парками, которые славились разнообразием ароматов и красотой своих цветников. Город изобиловал лавками, торговавшими фарфором, лаковыми изделиями, бакалейными товарами, а также харчевнями, чайными заведениями и в то же время — убогими жилищами кули. Всё это создавало особое дыхание города, его душу, которые вскоре были уничтожены чудовищной оргией разрушения.

Узнав, что правители Цзинь оставили имперский город, Чингисхан в январе 1215 года вновь спустился на юг. Свой шатёр он поставил в Лунхутай, а войска придвинул к столице, где к тому времени уже начинался голод. В марте хан вновь предложил имперским властям мир. Но в это время осаждённые сумели провести через монгольские ряды несколько отрядов для заготовки продовольствия, а император из своего укрытия в Кайфэне приказал отправить на помощь осаждённому городу солдат и запасы продовольствия. Военный губернатор юго-востока Хэбэя Ли Цзинь собрал конвой, который должен был присоединиться к другим вспомогательным силам, пришедшим из Шендяня. Там было 39 тысяч солдат, каждого из которых заставили нести на себе около 30 килограммов съестного — помимо того, что было нагружено на повозки.

Узнав об этих попытках чжурчжэней спасти свою столицу, Чингисхан отказался от своих мирных предложений и спешно отправил войска навстречу противнику. Застигнутые врасплох монголами, которыми командовали Шимо Мингань и Шэнь Са, войска Ли Цзиня потерпели жестокое поражение. Согласно китайским источникам, три тысячи монголов столкнулись с тридцатью девятью тысячами цзинских солдат, которыми командовал пьяница, не способный обеспечить в войске элементарную дисциплину. Ли Цзиня взяли в плен, и тысячи его повозок с продовольствием попали в руки монголов. После этого власти Кайфэна,

предполагавшие организовать вторую спасательную экспедицию, решили предоставить Пекин его судьбе. В мае монголы, к которым присоединились некоторые китайские отряды, вновь провели несколько успешных операций.

В самом городе из-за отсутствия продовольствия вскоре начался чудовищный голод, в результате которого происходили жуткие сцены каннибализма. Военачальники, командовавшие гарнизоном, Фу Синь и Муян Цзинчжун резко разошлись во мнениях: решиться на отчаянный прорыв и погибнуть с оружием в руках или умереть от голода? Принц Аотуань предпочёл покончить с собой, а его товарищ по несчастью с несколькими домочадцами сумел выйти за стены осаждённого города, оставив в нём имперских принцесс, которым ранее клятвенно обещал, что спасёт их. Прорвавшись, вероятно ночью, через вражеские линии, он добрался до Кайфэна, где был казнён.

После того как их командующий позорно бежал, офицеры капитулировали, послав к осаждавшим извещение о сдаче города. Наконец, в июне 1215 года громадные ворота городских стен императорской столицы были открыты, и город, истощённый, обессиленный поражениями и отчаянием, сдался грубому варвару, пришедшему из глубины степей. Но Чингисхан, не став дожидаться завершения осады, вновь повернул на север, наверняка по причине страшной жары, которая в это время устанавливается на пекинской равнине. А когда столица сдалась, он не выказал ни малейшего намерения вернуться. Впрочем, что ему было делать в этом городе? Согласно обычаю, его часть добычи, так же как и части командующих, знати и каждого простого солдата, была строжайшим образом определена. К чему возвращаться ради безобразного зрелища разграбления покорённого города?

Несмотря на объявленную капитуляцию, победители дали волю своему инстинкту насильников. Монголы, а также вспомогательные тюркско-монгольские отряды и присоединившиеся к ним кидани и китайцы с первого же дня стали истреблять пекинцев тысячами за то, что те не спешили отдавать захватчикам своё добро или не могли понять, чего от них требует пьяная солдатня, либо просто потому, что были побеждёнными... Люди, вооружённые топорами и саблями, сбившись в банды, рыскали по улицам города, врываются в уже разгромленные лавки, чтобы найти продовольствие или спиртное. На всех улицах, в домах зажиточных горожан, в конторах мандаринов были разбросаны обломки утвари, разбитые кувшины, лаковые ширмы вперемешку с нечистотами. Полуголые мужчины спешиваются и начинают грубую ссору из-за куска

шёлка, украшений из яшмы, даже из-за какой-нибудь тряпичной куклы или зеркала, а тут же рядом валяются в пыли настоящие сокровища искусства. Старикам перерезают горло, когда они пытаются уберечь своих детей от свирепости грабителей. Женщин швыряют в повозки, доверху нагруженные всевозможными редкостями. Некоторые кварталы разгромленного города были похожи на рынок, который разметало во все стороны взрывом.

Но вскоре победители были вынуждены покинуть город, поскольку тяжёлый дух, исходивший от множества непогребённых тел, становился заразным. Бродячие собаки и полчища крыс брезгливо фыркали на лежавшие посреди развалин вздувшиеся трупы, которые на июньской жаре начинали разлагаться. Сотни тысяч пекинцев как-то выживали на руинах или в предместьях за городской стеной, ставя палатки в тени разрушенных домов, у колодцев с грязной водой. В чудовищной нищете, поразившей всех оставшихся в живых обитателей города, каждый пытался найти утешение и поддержку себе подобных. Люди старались помогать друг другу в беде. Вскоре между городом и округой наладилось сообщение для подвоза древесины, верёвок, соломы, чтобы кое-как чинить разрушенное. Повсюду были слышны плач и стенания.

В течение месяца целые кварталы города были охвачены огнём. Проезжая через разрушенный Пекин несколько месяцев спустя, один хорезмийский посол, направлявшийся к Чингисхану, с ужасом смотрел на груды человеческих костей в некоторых частях города и на кровь жертв, так и не смытую с полов многих жилищ. Эпидемии в городе не прекращались, и несколько человек из хорезмийского посольства заразились, вероятно, тифом.

Чингисхан, получив известие о взятии Пекина его союзником Шимо Минганем, послал туда своего названного брата Шиги-Кутуку и военачальников Онгура и Архай-Хасара с поручением произвести опись всех сокровищ императорской казны. Но ведавший ею чиновник предложил монголам только оставшиеся от неё крохи. Двое монгольских посланцев приняли это подношение, а Шиги-Кутуку отверг его, объявив, что не желает присваивать себе то, что по праву принадлежит его государю. Узнав об этом от своего окружения, Чингисхан похвалил своего брата за преданность и строго отчитал двух других за эгоизм и ненадёжность. Требование абсолютной покорности лично ему, ревнивая забота о своих прерогативах и ненасытная жажда безраздельной власти были главными свойствами личности Чингисхана. Это его стремление к могуществу с покорением Пекина было далеко не исчерпано.

Атмосфера конца царствования

Будучи искушённым политиком, Чингисхан не замедлил воспользоваться успехом своих войск, добившихся сдачи Пекина. Он вскоре послал против Удабу, который укрывался в Хэнани, новую экспедицию. Сам же, оставаясь на севере, в походе участия не принял.

Цзинские власти в Кайфэне пребывали в замешательстве. У них более не было связи с маньчжурским северо-востоком, а другие города Хэбэя сдавались захватчикам. Власть чжурчжэней сохранялась теперь только во внутренних районах Китая, а контроль над окраинными землями был утрачен. Почти повсеместно вспыхивали мятежи. Некоторые командующие войсками провинций использовали создавшееся положение для ослабления своей зависимости от правящей династии.

В апреле 1215 года, когда монголы держали Пекин в осаде, правителям Цзинь внезапно пришлось столкнуться с проблемой массового голода, который поразил Хэнань и гнал с насиженных мест десятки тысяч беженцев. Бежавшие от монголов солдаты устремились на юг вместе со своими семьями, перевоза на примитивных повозках домашний скarb и всё, что им удалось нагнать по пути в деревнях. По некоторым свидетельствам, в этот трагический исход были вовлечены миллионы людей. Власти империи из опасения, что толпы этих несчастных придут под стены столицы, приняли решительные меры к их расселению на территории Шаньдуна, подальше от Кайфэна. Но провинциальные власти, которые отвечали за реквизицию нужных для этого земель и оборудование лагерей для беженцев, были продажны. Торговля служебным положением и влиянием, подкупы и хищения — всё это привело к тому, что значительная часть крестьянства была доведена до нищеты, начались вооружённые бунты. Для их подавления были посланы войска. Не менее тридцати тысяч повстанцев погибли от рук императорских солдат. Крестьянские выступления тем не менее продолжались. Двор решил вызвать солдат из Маньчжурии, и те из-за монгольского вторжения были вынуждены отправляться морским путём. Это массовое крестьянское восстание, известное как движение Красных курток, закончилось только в 1223 году.

Воспользовавшись внутренними потрясениями, поколебавшими власть чжурчжэней, подняли голову сися империи Миньяг. Они тоже атаковали позиции чжурчжэней и взяли верх в нескольких столкновениях в Ганьсу и Шэньси. Чтобы остановить продвижение сися, которым удалось одолеть армию в 80 тысяч человек, чжурчжэни послали дополнительные

силы.

Борьба одновременно с монголами, сися и внутренними мятежами стала для династии Цзинь изнурительным испытанием. Китайские документы того времени сообщают, что была предпринята массовая мобилизация всех годных к военной службе мужчин в городах и сельской местности. Рекрутёры разъезжали по провинциям в сопровождении вооружённой охраны и зачисляли крестьян и бродяг в войска под имперские знамёна. Постепенно составлялись армейские корпуса, которые позднее были расставлены вокруг Кайфэна: одни — к северу от Хуанхэ, другие — к югу. Солдатам разрешили идти вместе с семьями, надеясь, что это остановит их от слишком скорого дезертирства. Этим спешно набранным войскам не хватало кавалерии и выучки.

В Кайфэне правители Цзинь ещё не чувствовали себя побеждёнными. При дворе обсуждали будущее отвоевание Пекина и даже говорили о возмещении монголами нанесённого ущерба. Но раздоры и соперничество в армейской верхушке ослабляли оборону, и без того ненадёжную из-за слабой выучки солдат. Территория, подконтрольная династии Цзинь, сжималась вокруг императора Удабу, как шагреновая кожа.

После падения Пекина монгольские захватчики прекратили крупные наступательные операции до окончания тёплого сезона, поскольку и людям и животным требовалась передышка. Но с июля 1215 года Чингисхан вновь стал собирать войска. Четыре армейских корпуса были отправлены на юг. В некоторых из них во всё большем числе служили кидани и китайцы. Первая колонна, которой командовал Толун-Чэрби, должна была захватить Западный Хэбэй. Вторая, состоявшая из одних китайцев, направлялась в восточную часть провинции, чтобы овладеть там городом Пинчжу. Третий корпус продвинулся в Шаньси, а последний — десять тысяч монголов под командованием Самухи — должен был пройти по плоскогорью Ордос на территории сися до стен Сяна.

Благодаря союзу Чингисхана с правителем Миньяга его войска в сопровождении конницы сися смогли пройти через их территорию. Армии вторжения были немногочисленными, но хан намеревался проверить оборону чжурчжэней. Одновременно с этим он послал в Кайфэн одного из своих помощников, Аладзана, для переговоров с Удабу. Помимо капитуляции всех городов Хэбэя и Шаньдуна Чингисхан требовал, чтобы Удабу отказался от императорского титула и сохранил за собой только титул правителя Хэнани. Несмотря на страшные воспоминания о нашествии 1213–1214 годов, на разграбление Пекина и сложность ситуации, императорский двор Кайфэна имел смелость ответить решительным

отказом на требования хана. Война продолжилась.

В сентябре 1215 года пал город Пинчжу, и вставшие на сторону монголов китайцы под командованием Ши Тяньни соединились с армейским корпусом Толуна-Чэри. После нескольких успешных сражений оба военачальника осадили город Даминьфу, который Ши Тяньни взял приступом, заплатив за это своей жизнью. Войдя в провинцию Шаньдун, захватчики приблизились к озеру Дунпинь северо-западнее Цзинаня, но не смогли форсировать Хуанхэ. Их поджидал там и не пропустил Мен Гуган, один из самых отважных военачальников-чжурчжэней. Армии вторжения сразу рассеялись по окрестностям, захватывая небольшие поселения, не щадя при этом ни людей, ни животных. И только зимой, в начале 1216 года, обе армии стали возвращаться на север.

В провинции Шаньси третий корпус монгольской конницы взял несколько небольших городов, но Тайюань сопротивлялся. Восстание Красных курток распространялось вдоль северного течения Хуанхэ. Горели разграбленные деревни. Крестьяне, вечные жертвы китайских войн, лишились всего, что имели. Между тем, когда начался отход монгольских колонн на север, чжурчжэни предприняли контрнаступление. В течение лета 1216 года они вернули под свой контроль многие районы Шаньси и Хэбэя. С большим трудом вновь возделывались заброшенные земли, восстанавливались разорённые города и крепости.

Западнее монгольская армия под командованием Самухи, усиленная отрядами сися, переправилась через Хуанхэ, реквизируя у местного населения джонки. Конница прошла вдоль восточных пределов провинции Шаньси вплоть до Сюйдэ, а затем Яннаня. Осенью 1216 года монголы переправились через реку Вэй перед Тунгуанем, важной стратегической крепостью, расположенной у слияния рек Вэй и Хуанхэ. Самуха не смог взять штурмом знаменитую крепость. Тогда он ускорил продвижение к югу, затронув соседнюю провинцию Хэнан. Ему наперерез вышли войска чжурчжэней и устроили засаду в нескольких километрах к западу от имперской столицы Кайфэна, но он из неё вырвался. В декабре Самуха, атакованный с нескольких сторон, вынужден был отступить в район между Хуанхэ и рекой Люо, по пути с успехом выходя из ожесточённых столкновений. В январе 1216 года, когда вся местность была скована морозами, его конница по льду перешла Жёлтую реку и подошла к Пиньяню.

Чжурчжэни тоже не сидели сложа руки. Они отправили во вражеский лагерь посланцев, чтобы известить тех, кто был насильно зачислен в монгольское войско, что они будут прощены, если дезертируют. Согласно

документам того времени, из шестидесяти тысяч солдат под началом Самухи более десяти тысяч вернулись в армию чжурчжэней и получили обещанное прощение. Вскоре Самухе пришлось отступить, поскольку полки сися вернулись на дорогу в Миньяг.

Тем не менее Самуха свою задачу выполнил. С армией численностью примерно 40 тысяч человек ему удалось пробиться в тыл чжурчжэней и позлить Удабу, пройдя всего в нескольких десятках километров от его императорской резиденции. Он одержал несколько побед над значительно превосходящими силами противника. Впрочем, Самуха некоторое время располагал поддержкой отрядов сися, китайцев, тиджунов, которых набрали среди киданей, а также си и других кочевников, пришедших с границ империи. С ноября 1216-го по январь 1217 года он провёл молниеносную кампанию, за два месяца преодолев 1200 километров по труднопроходимой гористой местности, да к тому же с боями.

Монгольские походы сильно беспокоили двор Цзинь, угрожая трону Удабу. Они доказывали, что операциями с применением глубоких рейдов в тыл противника можно принудить двор в Кайфэне к сугубо оборонительной стратегии.

Но, с другой стороны, показали, что кинжальные удары конницы, столь эффективные в открытом поле, совершенно непригодны для взятия больших укрепленных городов.

Мухали в Маньчжурии

Первые набеги монголов в Маньчжурию, огромный регион на северо-востоке Китая, начались в ноябре 1214 года, ещё до осады Пекина. Эта территория площадью около миллиона квадратных километров, ныне принадлежащая Китаю, представляет собой широкую полосу, связывающую Сибирь, Китай и Корейский полуостров. По этому длинному коридору, на западе граничащему с горным массивом Большой Хинган, на востоке — с Малым Хинганом и выходящему к Тихому океану, тянутся обширные степи, обрамлённые с севера тайгой. Населено это пространство племенами, занимающимися скотоводством, собирательством и охотой. Именно оттуда пришли в Китай чжурчжэни, основатели династии Цзинь.

Чингисхан, найдя себе союзника на северо-восточном фланге Китая, поначалу не торопился с завоеванием Маньчжурии, хотя она и могла стать для него богатым источником пополнения поголовья лошадей. Несколько кочевых и полукочевых племён — солоны, нонни, мукри — были не

настолько многочисленны, чтобы противостоять монголам. Но в 1213 году, когда Пекин послал солдат для подавления мятежа Елюй Люгэ, хан вмешался в дело. Кидань Елюй Люгэ, обеспокоенный численностью посланных против него императорских войск, обратился за помощью к Чингисхану, и тот поспешил отправить к нему три тысячи всадников под командованием Аншара. При поддержке этих совсем небольших сил киданю удалось изгнать войска под предводительством Ю Ша. Чтобы отблагодарить Чингисхана за военную поддержку, Елюй Люгэ отослал ему всю добычу, захваченную у побеждённых. За это проявление преданности Чингисхан дал ему право именоваться государем Ляо. Взойдя на трон, Елюй Люгэ возвёл на него и свою жену и тут же занялся государственным строительством: учредил гражданскую администрацию и назначил главнокомандующего армией, которого, впрочем, поставил в подчинение военному советнику-монголу.

Пекинские власти разными способами пытались вырвать мятежного военачальника из монгольского влияния. Всё было напрасно. Тогда чжурчжэни решили прибегнуть к силе и поручили полководцу Пусянь Ваньну привести к покорности этого коронованного выскочку на содержании у Чингисхана. От Пусянь Ваньну потребовали реванша за поражение Ю Ша, которое повлекло за собой разрушительные последствия, поскольку часть крепостей Маньчжурии, расположенных в районе устья реки Ялу, на границе с Кореей, попала в руки монголов. Но Ваньну не устоял перед Елюй Люгэ. Опасаясь понижения в звании или даже ареста из-за своего поражения, он отказался подчиняться Пекину. В феврале 1215 года Ваньну объявил о своей независимости от властей Цзинь, после чего, оккупировав некоторую территорию, сделал её своим владением и был признан племенами мукри. Ещё не зная об этом мятеже, пекинский двор послал Ваньну новые инструкции. Но тот, не мешкая, собрал собственную армию и с ней в течение нескольких месяцев опустошал полуостров Ляодунь. Но успехи Ваньну продлились недолго: в начале 1216 года он вынужден был отойти за реку Ялу на территорию той части Кореи, что была данником чжурчжэней.

Тем временем Елюй Люгэ, более успешный полководец-мятежник, использовал в своих интересах трудности династии Цзинь, испытывавшей натиск монголов. Завладев остатками территории, где недавно хозяйничал его злополучный соперник, он стал хозяином части территории современных китайских провинций Ляонин и Цилин. Окружение Елюй Люгэ подталкивало его к тому, чтобы провозгласить себя императором, но он предпочёл сохранить верность Чингисхану: «Я поклялся быть слугой

Чингисхана. Я не нарушу своей клятвы. Короноваться императором Востока значило бы противоречить Небу и противиться воле Неба, а это большое преступление».

Елюй Люгэ прекрасно понимал, что его нынешняя власть опирается исключительно на безусловный союз с Чингисханом. Чтобы узаконить свою лояльность ему, он в декабре 1215 года лично явился в ставку хана. Встретили его там тепло, чему способствовало то обстоятельство, что с собой он привёз внушительное количество шелков и изделий из драгоценных металлов. Мятежный кидань предложил хану собственного сына для службы при монгольском дворе. Чингисхан пожелал узнать результаты последней переписи населения в Южной Маньчжурии (три миллиона человек), чтобы составить представление о возможных резервах своей армии. Потом Елюй Лю-гэ пожаловался на монгольского посланника, который присвоил себе жену побеждённого Ваньну. Хан приказал охране доставить к нему виновного со связанными руками и ногами. Похититель, предупреждённый о распоряжении хана, открылся сопернику Елюй Люгэ, вождю по имени Елюй Сибу. Тот сразу же распустил слух, что союзник хана Елюй Люгэ скончался, после чего велел казнить 300 монголов, сопровождавших мятежного киданя в Монголии. Но троим из них удалось предупредить своего господина. Елюй Сибу был вынужден спасаться бегством. Он взял в плен жену Елюй Люгэ и вскоре провозгласил себя государем Ляо.

Этот заговор против союзника, которого Чингисхан только что взял под своё покровительство, круто изменил ситуацию в Маньчжурии. Пока хан собирался овладеть этим регионом с помощью Елюй Люгэ, произошло событие, заставившее его послать туда войска. Кроме Мухали он послал своего брата Джучи-Хасара. Первый шёл по долине реки Сунгари, второй — южнее, по бассейну рек Люань и Лаохэ. Эта новая экспедиция монголов ещё больше ослабила позиции династии Цзинь, и без того вынужденной защищаться: теперь она была отрезана от огромной северной части подвластной ей территории. И в этот раз Чингисхан всё превосходно спланировал: двор Удабу принял монарха, бежавшего из осаждённого Пекина, а императорские войска были деморализованы.

Две монгольские армии отправились в поход в конце 1215 года. Первая под командованием Джучи-Хасара вышла из Цаган-Нура, поднялась на север, без потерь захватила Линхуань и несколько других городов, потом направилась в сторону Сунгари, по направлению к современному городу Харбину. Из долины притока Амура она прошла на территорию, населённую солонями, которым монголы якобы сразу заявили: «Платите

дань или готовьтесь к войне!» Напуганные солоны поспешили обеспечить всадников Джучи-Хасара всем необходимым. Двум кланам было поручено сопровождать монголов по своей территории, а брат Чингисхана получил в подарок дочь местного правителя с приданым в виде чудесного шатра из шкур леопарда. Это примерно всё, что известно о походе Джучи-Хасара, который, приведя в покорность население части Маньчжурии, вернулся в район Керулена.

Что касается Мухали, которого сопровождали несколько нойонов (Монггха Буха, Уер, Шимо Есян и китайцы Ши Тянни и Ши Тянсянь), то он повёл свою конницу в направлении Дадиня. Как обычно, монголы вначале взяли небольшие опорные пункты, чтобы потом блокировать и брать измором крупные города. Военные действия развернулись на подступах к рекам Лаохэ и Шара-Мурэн. К январю 1215 года Мухали уже в значительной мере контролировал западную часть Ляониня. Несколько недель спустя военачальник Аодун укрылся в северной столице государства — городе Бэйцзинь, расположенном в верхнем течении реки Лаохэ, к северо-востоку от Пекина. Несмотря на мятеж солдат-киданей, ухудшивший обстановку в гарнизоне, все попытки монголов штурмовать город оказались тщетными, и Мухали не смог захватить его. Но во время второго военного мятежа Аодун был убит одним из своих офицеров. Тем не менее защитники города держались стойко. Выведенный из терпения столь упорным сопротивлением, Мухали отказался от штурма и решил начать осаду столицы чжурчжэней.

Как раз в это время монголам неожиданно повезло. Двор в Кайфэне послал в Бэйцзинь военачальника, который должен был заменить Аодуна. Ввиду того, что перед южным флангом городских укреплений стояли лагерем монголы, тот был вынужден добираться до места назначения кружным путём. Сев на корабль, он пристал к берегу севернее от Ляодунского залива, надеясь продолжить свой путь по реке Сяолинь. Но вскоре попал в засаду, устроенную одним тюркским военачальником на службе у Мухали, неким Шимо Есяном, и был им казнён. После этого Шимо Есян решился на дерзкую авантюру. Он забрал официальные бумаги, которые вёз с собой несчастный, переделался и, выдавая себя за нойона, преемника Аодуна, проник в город. Повезло ему и там: его провели к коменданту крепости, который попался в ловушку, сразу же перейдя в распоряжение своего мнимого нойона. Тот под предлогом, что монголы якобы начали отводить свои войска от города, быстро снял сторожевые посты и привёл в расстройство всю систему обороны города. С наступлением ночи он отправил Мухали сообщение и с нетерпением стал

ждать дальнейших событий.

Для Мухали не составило никакого труда захватить город Бэйцзинь, оборона которого была дезорганизована его союзником. Комендант крепости, поняв, что его ловко провели, укрылся в Запретном городе (квартал, где во всех пяти столицах государства Цзинь находилась резиденция императора). Мухали хотел любой ценой взять его и живым закопать в землю. В итоге коменданта спас Шимо Есян, который убедил своего командующего принять его к себе на службу. Взятие Бэйцзиня принесло монголам большую добычу, в частности много оружия, что давало возможность экипировать несколько тысяч человек. Северная столица была взята монголами в марте 1215 года, за три месяца до падения Пекина.

В начале весны 1215 года Мухали предпринял ещё несколько нападений на чжурчжэней, и почти все они были успешными. В конце мая он получил приказ Чингисхана отправиться на северо-восток Хэбэя, чтобы поддержать там Толун-Чэрби. Мухали прибыл на место, где продолжались сражения за Гуаньнинь, Синьчжун и полуостров Ляодун. Монгольские армии одержали в них победу. По всему региону к юго-западу от современного города Шэньян происходили стычки, зачастую ожесточённые, которые были подробно описаны в китайских хрониках.

Необычайно упорным было сражение за взятие Цзиньчжу, расположенного неподалёку от Ляодунского залива. Когда в сентябре 1215 года город открыл свои ворота, Мухали и его сподвижники подвели итог своей победы: десятки тысяч чжурчжэней и их союзников были убиты и взяты в плен. Пленники, по-видимому, обременяли Мухали, если только их нельзя было использовать для собственных надобностей. Так, он велел перебить всех жителей Цзиньчжу и Гуаньниня, за исключением каменщиков, плотников и актёров. Отметим здесь столь ранний интерес монголов к актёрам, которые позднее, при династии Юань (1276–1368), основанной Чингизидами, будут выступать на сценах китайских театров.

Взяв под контроль правый берег реки Ляо, Мухали переправился через неё, чтобы овладеть Ляодунским полуостровом на подступах к провинции Шаньдун. Его военачальники, к которым присоединился кидань Елюй Люгэ, провели свою конницу до конечности этого острого выступа, к Люшену. К концу 1216 года Мухали завоевал почти всю Маньчжурию и стал её наместником. Монгольского владычества избежали территории современных провинций Ляонин, Цилин, крайний север Корейского полуострова и часть Хэйлунцзяна к югу от Амура.

Корейский император предпочёл признать монгольский суверенитет

над этим регионом, но был глубоко потрясён грубостью ханских послов, которые прошли в его дворец прямо со своими саблями и луками и позволили себе коснуться рук самого императора! Как бы то ни было, корейский монарх передал для Чингисхана подношение, правда, скорее символическое: изделия из шёлка, хлопка и — довольно неожиданно — 100 тысяч листов рисовой бумаги самого большого формата. Один примечательный факт: монгольский военачальник, возвращаясь к себе, оставил на месте 40 человек с наказом выучить корейский язык.

В 1217 году Чингисхан Китаем всерьёз ещё не занимался, но ему удалось поставить его на колени. Именно тогда он заявил полномочному посланнику чжурчжэней, намекая на его суверена Удабу: «Теперешнее положение можно сравнить с охотой. Мы перебили всех ланей и других крупных животных. Остался лишь один кролик. Так оставим его!»

Китайский отпечаток

Монгольское вторжение в империю Цзинь опустошило Китай, подобно гигантскому цунами. Десятилетие монгольских походов, кочевых набегов, массового истребления людей навсегда врезалось в память китайского народа. Вместе с тем представляется, что страшный удар этой волны по Китаю положил начало медленной эволюции в сознании некоторых кочевых вождей. Эти степняки, ставшие на какое-то время воинами, открыли для себя китайскую цивилизацию. Зрелище густонаселённой страны, так отличающейся от привычных им малолюдных пространств, вид возделанных полей и шумных городов — всё это не могло не поразить их.

Высшие кочевые военачальники пользовались услугами местных коллаборантов, которые — кто добровольно, а кто по принуждению — снабжали их разнообразными сведениями о географии страны и её ремесленных производствах. Победители тесно общались с толмачами, которые знакомили их с новыми словами и новыми представлениями. Монгольские захватчики завязывали бесчисленные контакты с киданями, тюрками и другими когда-то кочевыми народами, но за несколько поколений подвергшимися китаизации. Свидетельство тому — значительное количество военных и гражданских чинов, которые примкнули к победителям. Поэтому трудно предположить, что монгольская верхушка избежала влияния имперского Китая. Несомненно, Китай в каком-то смысле завораживал северных кочевников. Само их стремление

проникнуть за Великую Китайскую стену, чтобы отобрать у Китая его богатства, было с их стороны признанием превосходства его цивилизации.

Конечно, мы не знаем, как именно кочевники воспринимали эту страну с очень древней культурой. Нам неизвестны чувства их правителей, их нойонов и их сподвижников при виде китайских чудес. Тем не менее история сохранила сведения об отношениях между высококультурным представителем китайской аристократии Елюй Чуцаем и Чингисханом.

Обстоятельства, предшествовавшие встрече этих двух персонажей, остаются не вполне ясными. Можно представить, какой отбор после взятия Пекина устроили монголы среди тысяч пленников, захваченных в казармах, кабинетах государственной администрации и ремесленных мастерских. В их числе был и Елюй Чуцай. Как на то указывает его имя, он был из семьи аристократов-киданей и служил династии Цзинь. Его далёкие предки, бывшие кочевники, перешедшие на осёдлость и полностью китаизировавшиеся, принадлежали к высшему слою правящего класса в X и XI веках в эпоху правления киданской династии Ляо, которую позднее сменили у власти чжурчжэни. Семья Елюй Чуцая поступила на службу к новым властям, а сам он даже удостоился завидного поста советника императора Удабу. Словом, это был человек, превосходно разбиравшийся в политике и тесно общавшийся с самыми высокопоставленными сановниками режима.

Мы помним, что Чингисхан, маскируя свою жажду добычи и власти, решил напасть на Китай под предлогом мести за своих предков, умерщвлённых по приказу чжурчжэнских властей. Когда к хану привели Елюй Чуцая, он объявил, что тот видит перед собой победителя и мстителя за киданей, лишённых власти чжурчжэнями в 1122 году. Но Елюй Чуцай, не выразив хану никакой признательности по этому поводу, ответил, что три поколения его семьи верно служили династии Цзинь и что ему трудно изменить своё отношение к ней, сменив господина. Это смелое замечание понравилось Чингисхану, всегда придававшему большое значение лояльности подданных, даже если они служили противнику. Елюй Чуцай, высокий ростом и с длинной бородой, которая придавала его внешности благородство, произвёл на него сильное впечатление. Хану импонировала откровенность киданя.

Тот и другой происходили от монгольского корня, и эта общность происхождения, несомненно, объясняет сердечные отношения, которые вскоре завязались между столь разными натурами. Один из них, у которого среди далёких предков, вероятно, были пастухи, поднялся до самых больших высот благодаря своей культуре. Второй, сам бывший коневод и

сын мелкого вождя, также прошёл немало ступеней к вершинам власти, правда, совсем иными способами. Эти двое сохранили отношения до конца своих дней.

В 1215 году Чингисхан, которому тогда было уже около шестидесяти лет, приблизил Елюй Чуцай к своему летучему двору в монгольских степях. Бывший советник императора Удабу практиковал занятие, которое наверняка должно было поразить хана, — гадание на раскалённых и растрескавшихся в огне костях. Этот чрезвычайно древний вид гадания имел хождение в Китае эпохи Шань за полторы тысячи лет до Рождества Христова, но, вероятно, существовал уже в эпоху неолита. Он встречается до сих пор у некоторых тюрко-монгольских народов. Рубрук и Рашид ад-Дин упоминают о его бытовании у киданей. Заключается он в следующем: лопаточную кость освежёванного барана, козы или оленя тщательно зачищают, потом помещают в пламя костра, «напряжённо думая» в это время о поставленном вопросе. *Далладжи* (гадатель по костям) толкует рисунок появившихся на кости трещин в соответствии с известным только ему кодом. Китайцы времён династии Шань часто прибегали к этой гадательной практике, используя для неё также и длинные кости или часть черепашьего панциря. Во многих случаях прорицатель с помощью острого лезвия ножа записывал на кости вопрос, на который ждал ответа. Вероятно, Елюй Чуцай доказал при дворе хана свои способности прорицателя. Помимо этого он обладал некоторыми медицинскими познаниями, которые производили на монголов большое впечатление. Утверждали, что он был способен лечить считавшиеся безнадежными раны и прекращать эпидемии.

Истинный интеллектуал и чрезвычайно начитанный человек, Елюй Чуцай, несомненно, был сильной натурой, и его большой политический опыт, приобретённый при цзинском дворе, позволил ему проложить дорогу к трону великого хана. Благодаря положению, приобретённому при дворе Чингисхана, он способен был умерить варварские порывы монгольского властелина и его сподвижников. «Вместо того чтобы разрушать города, — говорил он, — надлежит, срыв их укрепления, поощрять их к развитию, ибо они суть источники богатства». Прямо заявляя, что гораздо выгоднее обложить население налогом, нежели притеснять его, используя оружие, Елюй Чуцай, несомненно, опережал своё время. Теперь трудно понять, как такой человек согласился служить Чингисхану. Может быть, его вынудило к этому опасение за свою жизнь или жизнь его близких, оказавшихся в положении заложников? Или же он надеялся убедить монгольского повелителя в справедливости морали, что ему не удалось в цзинском Китае, и стать апостолом некоего «варварского реформизма»?

Китайские источники, сообщающие о встрече монгольского хана с опытным аристократом Елюй Чуцаем, по-видимому, несколько приукрашивают реальные события. Бывший советник Удабу играет роль одновременно двусмысленную и труднообъяснимую. Он, кидань, переходит на службу к чжурчжэням, очевидно, следуя семейной традиции. Потом он предстаёт кем-то вроде наставника Чингисхана, победителя его прежних хозяев. Может быть, он следовал путём Конфуция — реформатора, который провёл половину своей жизни в поисках государя, который согласился бы дать под его управление княжество, где он смог бы применить на практике основы своего учения? Как бы то ни было, после смерти Чингисхана Елюй Чуцай продолжал наставлять его преемника Угэдэя в административных и политических делах. Конечно, ему далеко не всегда удавалось смягчить жестокость методов ведения войны, применявшихся монгольским государем, но он по крайней мере сумел убедить его в том, что и в военном деле существуют какие-то правила и что кочевникам не следует систематически уничтожать государства с осёдлым населением.

Став хозяином Северного Китая и его пятидесяти миллионов жителей, Чингисхан перенял некоторые методы управления, принятые в этой стране. Писцы, секретари канцелярий и толмачи, работавшие на орду великого хана, играли всё более и более важную роль при летучем дворе каганата. Расширение Монгольской империи требовало создания корпуса вестовых и гражданских служащих. После побед огромная добыча целыми караванами доставлялась в Монголию, где конторы счетоводов занимались оценкой и распределением этих внезапно приваливших богатств. Почти все эти бюрократы были уйгурами, киданями или китайцами. Все они в разной степени эволюционировали под воздействием китайской цивилизации и постепенно стали незаменимыми сотрудниками монгольского двора и создали остов будущей администрации Чингизидов.

Глава XI

МРАК НАД СТРАНОЙ ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ

После нашествия монголов мир оказался запутанным, как волосы эфиопа. Люди стали походить на волков.

Саади Ширази (1213–1292)

У подножия Крыши Мира

Война с Китаем продолжалась уже пять лет. А закончилась она только в 1234 году. Но в январе 1217 года Чингисхан вместе со своим штабом покинул эту страну, оставив там своего верного соратника Мухали, отвечавшего за операции в Северном Китае в качестве наместника Маньчжурии. Этот неутомимый всадник формировал полки, включая в них всё большее число китайцев и киданей, которых вербовал из огромных людских ресурсов Китая. Он умер на службе в 1223 году. Власти Цзинь завязли в двух десятках безнадёжных кампаний. Эта затянувшаяся война истощала их силы, а подконтрольные им территории сокращались. Помимо округа со столицей Кайфэнем династия Цзинь всё ещё управляла Хэнанью, а также округами в Шаньдуне и Шаньси, хотя значительная часть этих провинций им уже не подчинялась.

Вернуться в свой лагерь на берегах Керулена Чингисхана побудили важные события, происходившие в Центральной Азии. Мы помним, что в 1122 году кидани, которые тогда правили в Северном Китае, были побеждены другими пришельцами — чжурчжэнями, основавшими династию Цзинь. Большинство киданей признавали власть оккупантов вплоть до монгольского нашествия. Часть из них перешла на сторону победителей, возможно, надеясь вернуть себе какие-то позиции во власти. Но другая часть, меньшая по численности, бежала на запад, где на территории между озёрами Балхаш и Иссык-Куль и вдоль течения рек Или, Чу и Талас — в зоне илливиальных долин и озёр — основала государство каракитаев. В наше время это территория Южного Казахстана. У

каракитаев нашёл прибежище найман Кучлук, которому удалось даже стать зятем их вождя, гурхана. Войдя в это государство с несколькими тысячами вооружённых людей, он затеял заговор против своего покровителя, к преклонным годам ослабевшего.

В 1210 году Кучлук завязал тайные контакты с хорезмшахом, правителем соседней империи. Вскоре после этого его новый союзник хорезмшах Мухаммад вторгся на территорию государства каракитаев, но их контрнаступление, угрожавшее Самарканду, заставило его отступить. А в это время Кучлук поднял мятеж против своего тестя. Во главе своих сторонников он вошёл в Фергану, взял Узкент и направился к столице каракитаев Баласагуну. Гурхан быстро ответил на действия своего зятя, но был вынужден сдаться ему под Хорезмом. Одновременно с этим в столице против власти каракитаев подняли восстание тюрки. Используя возникшее замешательство, Кучлук в 1211 году захватил власть, посадил своего тестя под домашний надзор, делая при этом вид, что всё ещё признаёт его гурханом. Впрочем, со стариком, по-видимому, обращались с должным уважением вплоть до его смерти в 1223 году.

Но узурпатор, бывший кочевник, не сумел добиться признания осёдлых тюрков, составлявших большинство населения страны. Его политические промахи и начатые им преследования иноверцев вызвали волнения. Кучлук, христианин несторианского толка, захотел принудить мусульман городов Хотан и Кашгар отречься от своей веры и перейти в несторианство или буддизм, который, вероятно, исповедовала его жена. Имама Хотана по приказанию Кучлука распяли прямо на воротах медресе.

Немного позднее Кучлук приказал убить правителя Кульджи, который посмел почтительно отозваться о Чингисхане. Вот тогда он и встретил на своём пути владыку монголов. Тот воспользовался случаем, когда можно было избавиться от мешавшего ему честолюбца и при этом выручить благожелательно настроенных ему правителей соседней страны.

Чингисхан послал своего помощника Джэбэ спасать вдову и сироту. Монгольский военачальник пошёл в направлении Памира, миновал Небесные горы (Тянь-Шань) и подошёл к Кульдже. Тем временем Кучлук бежал на юг, в Кашгарию, а на оставленных им землях жители встречали монголов как освободителей. Дело в том, что Джэбэ, в противоположность обычному обращению монголов с осёдлым населением, приказал своим подчинённым уважать местных жителей и не посягать на их имущество. Поэтому население встречало его восторженно.

Вскоре люди Джэбэ настигли Кучлука у подножия Памира и убили. Его последние сторонники были рассеяны монголами, которые

за несколько недель заняли всю территорию государства каракитаев. В 1218 году весь Восточный Туркестан перешёл под власть Чингисхана.

Последний к успехам Джэбэ, по-видимому, отнёсся ревниво. Возможно, опасаясь, что орхон, стяжавший славу победителя у подножия Памира, захочет от него отложиться, он отправил ему послание, в котором советовал избегать гордыни, которая погубила Таян-хана найманов, а потом и его сына Кучлука. Но Джэбэ доказал свою абсолютную преданность властелину. Он отправил в ханский лагерь тысячу коней, у каждого из которых было белое пятно на морде, — как у того коня, которого много лет тому назад он в бою сразил одной стрелой, когда тот был под Тэмучжином. Этот эпизод, явно приукрашенный летописцем, лишний раз подчёркивает свойственные Чингисхану чёрную зависть к успехам других и неутолимую жажду абсолютной власти. А его верный соратник, далёкий от мысли обзавестись собственным царством, обеспечил ему власть над страной у подножия Крыши Мира.

Смерть посла

Присоединение империи каракитаев привело монголов в прямое соприкосновение с исламским миром, о котором раньше они знали только по рассказам караванщиков и послов и по изделиям ремесленников-мусульман.

Западным соседом империи Чингисхана была держава хорезмшахов. Начиналась она с небольшого эмирата в Хорезме — области, ещё в античную эпоху отделившуюся от Ирана. Границами Хорезма на востоке были Амударья в нижнем течении, на севере — Памир и Аральское море, на западе — Хазарское (Каспийское) море. Но затем власть его правителей распространилась на северо-восточный Иран и большую часть современного Афганистана, а также на территории нынешних Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Казахстана. В 1212 году шах Мухаммад обосновался в Самарканде. Но через несколько лет малозначительный инцидент положил начало роковому для хорезмшахов конфликту.

Караван верблюдов доставил из Самарканда ко двору Чингисхана тюки шёлковых и хлопковых тканей (высоко ценимых кочевниками, которые сами ткачеством не занимались). Купцы запросили за свой товар непомерную цену. Уязвлённый их наглостью, Чингисхан показал караванщикам китайские шелка более высокого качества, тем самым давая

понять, что и в степи встречаются знатоки настоящего товара. Для вящей убедительности он велел конфисковать тюки самаркандского торговца, заломившего самую высокую цену. Другие, перепугавшись, предпочли отдать хану свой товар по предложенной им цене. Но он вдруг выказал высокомерную расточительность: щедро заплатил караванщикам, вернул конфискованные тюки и объявил купцов своими гостями.

Вскоре после этого случая Чингисхан решил отправить хорезмшаху роскошный подарок: изделия из нефрита, слоновой кости, шитую золотом одежду и войлок из верблюжьей шерсти безупречно белого цвета. Среди трёхсот караванщиков, которым было поручено сопровождать эти дары, было несколько знатных монголов и трое выходцев из Бухары и Отрара, которые везли от Чингисхана довольно двусмысленное послание хорезмшаху:

«Я знаю о твоём могуществе и обширности твоих владений. Моё самое большое желание — жить с тобой в мире. Ты будешь мне как сын. Но и ты не забывай, что я завоевал Северный Китай и покорил все племена Севера. Тебе известно, что моя страна — это муравейник воинов и серебряный рудник и что мне нет нужды заглядывать на другие владения. У нас с тобой общий интерес — поощрять торговлю между нашими подданными».

Эти слова насторожили хорезмшаха, и он ограничился тем, что отправил посланцев хана восвояси, не дав им никакого ответа, что было не чем иным, как завуалированным отказом от предложения Чингисхана.

Но тот продолжал свою игру. В 1218 году он послал в Хорезм второй караван, в этот раз из пятисот верблюдов (число их явно преувеличено, поскольку до завоевания Среднего Востока верблюдов в Монголии было немного). Животные были нагружены тюками бобровых и собольих шкур. Сопровождали караван купцы-мусульмане, а возглавлял его представитель Ханского двора, некий Укуна.

Караван пересёк степи и пески Великого шёлкового пути и подошёл к пограничному городу Отрару. Правитель этого города при невыясненных обстоятельствах приказал умертвить сотню погонщиков и конфисковать товары. Что касается посла Чингисхана, то его не спасла высокая миссия — он также был убит хорезмийцами.

Известие об этом событии дошло до Монголии за несколько недель. Узнав о нём, Чингисхан уронил слезу. Разве он не следовал советам Елюй Чуцая и не пытался наладить добрососедские отношения с Хорезмом, чтобы расширить взаимную торговлю? Как бы то ни было, предательская выходка хорезмийцев не может остаться безнаказанной. Он должен лично

на неё ответить.

Повторяя ритуал, который он уже исполнил накануне войны с Китаем, Чингисхан отправился взывать к Тенгри и просить у Божественного Неба наделить его божественной силой. Потом, сделав последнюю попытку примирения, он отправил к шаху Мухаммаду посольство. Но ханский посланец, мусульманин, был казнён, а сопровождавшие его люди отосланы ко двору Чингисхана с обритыми головами — для большего унижения. Ко всему прочему, правитель пограничного города Отрара, виновный в убийстве караванщиков, остался при своей должности. После этого для дипломатии уже не оставалось места. Чингисхан решил «продолжить свою политику другими средствами»^[16]. Ту самую политику, которая неизменно приносила ему успех и была основана преимущественно на силе его конницы.

Относительно повода к началу конфликта арабские и персидские историки предлагают разные версии. Джувеини и Несави склонны считать, что инцидент в Отраре произошёл по вине градоправителя, а шах только прикрыл его. Но Ибн аль-Асир ответственность за него возлагает на шаха.

Завоевание Запада

Летом 1219 года военный штаб Чингисхана набрал несколько тысяч всадников. Согласно данным русского востоковеда В. Бартольда, хан собрал около одного *тука*, то есть от 150 до 200 тысяч всадников, среди которых было немало тех, кто имел опыт войны в Китае. Теперь армия хана была на 50 тысяч многочисленнее, чем перед походом на Китай, из чего можно сделать вывод, что в ней стало больше тюрок.

Накануне выступления Чингисхана во главе этой армии одна из его жён, Есул, убедила его до начала кампании решить вопрос о преемнике. Молодая женщина в поэтичных выражениях намекнула на опасности, которые будут подстерегать мужа на войне, и возможность его смерти. После этого попросила его ответить на вопрос, который занимал всех его близких: кто будет его преемником? «Всякое существо смертно, всякое создание недолговечно. Если твоё тело, подобно большому дереву, однажды склонится к земле, что станет с твоими народами, зыбкими, как стебель конопли на ветру или как птица в полёте? Кого из твоих благородных сыновей ты хотел бы видеть своим наследником? Вопрос, который я тебе задаю, беспокоит и твоих сыновей, братьев и подданных. Нам надо знать твою волю».

В «Сокровенном сказании монголов» написано, что, выслушав Есул, Чингисхан признал, что «она права»: «Ты всего лишь женщина, но ты сказала справедливые слова — такие, какие ни мои братья, ни сыновья, ни Боорчу, ни Мухали не осмеливались произнести. Да, я не подумал об этом, словно я мирно наследовал своим предшественникам и как если бы я не должен когда-то умереть».

Чингисхан призвал к себе в шатёр четырёх сыновей, а также братьев, соратников и верных друзей. Начиная обсуждение вопроса о наследстве, он первым предложил высказаться старшему сыну Джучи. Но не успел тот и рта раскрыть, как Чагатай заявил отцу, что Джучи не следует давать слово по такому вопросу, поскольку он был зачат у керэитов, которые похитили Бортэ. В гневе он произнёс слово «выблядок».

Джучи, побледнев от нанесённого ему оскорбления, бросился на Чагатая. Они стояли друг перед другом со сжатыми кулаками, и их позы говорили о взаимной вражде, столь же свирепой, сколь и давней. Окружающие поспешили их разнять. Чингисхан со своего почётного места бесстрастно взирал на эту сцену. Один из его старых слуг, Кёкёчёс, взял на себя смелость отчитать соперников, напомнив им о тех трудных временах, когда они жили в бедной юрте, в степях бесчинствовали враждующие между собой племена, а их мать Бортэ отрывала от себя кусок, чтобы накормить их. Он взывал к их чувству сыновней любви. Потом их вразумил словами сам Чингисхан. «Сокровенное сказание монголов» сообщает, что Чагатай, слушая отцовские слова, полные укора, не мог сдержать слёз. В итоге оба брата согласились с рекомендацией третьего, Угэдэя, который считался человеком рассудительным и справедливым. Джучи согласился с его предложением отказаться от права первородства, поскольку тёмные обстоятельства его зачатия не оставляли ему другого выхода.

Предполагаемым наследником великого хана был назван Угэдэй. На сохранившемся его портрете мы видим крепкого мужчину с суровым взглядом; сильно приплюснутым носом и узкими глазами он заметно отличается от отца. Считалось, что он был его любимцем. Наделённый от природы скорее здравым смыслом, нежели умом, он был не чужд милосердия, но его слабостью была тяга к спиртному. Угэдэй торжественно обещал отцу быть достойным его доверия. Младший, Тулуй, заявил, что будет во всём помогать старшему брату и напоминать о его обязанностях.

Вопрос о преемнике был временно решён. Но у Чингисхана были на этот счёт и другие соображения. «Мать Земля велика, — объявил он сыновьям, — на ней много рек и озёр. Я разделю державу так, что у каждого из вас будет своя земля, а у ваших племён — свои пастбища».

Теперь армия Чингисхана могла отправляться на завоевание земель ислама.

Молниеносная война

Суверен выступил в поход с четырьмя сыновьями и лучшими военачальниками — Субэдзем, Тохучаром и Джэбэ, который командовал передовыми отрядами. Чингисхан также взял с собой — чего прежде никогда не бывало — одну из своих жён — Кулан, о которой говорили, что это была женщина большого обаяния и что она завоевала сердце своего господина. Решение хана подтверждает такую её характеристику, равно как и позволяет предположить, что Кулан имела случай настроить мужа против Есул.

Хорезмшах Мухаммад совершил одну большую ошибку. Он рассредоточил свои силы по огромной территории. Часть его армии находилась в самом Хорезме, то есть в районе Хивы и Ургенча к югу от Аральского моря. Другая часть сконцентрировалась в Самарканде и Бухаре. Ещё одна была размещена на границах империи — в Фергане и по реке Сырдарье. Против мощного монгольского тарана шах оказался в позиции слабости. Когда его войска, в совокупности численно превосходившие монгольские, столкнулись с пришельцами, то в каждом локальном противостоянии будут им в численности уступать.

В 1219 году, когда монголы готовились к вторжению в Переднюю Азию, они располагали, по крайней мере в нескольких армейских корпусах, военной техникой. Во время войны в Китае они захватили осадные орудия и, главное, набрали военных инженеров китайцев и киданей, которых можно было использовать или заставить передать свой опыт кочевникам. Начиная с XI века китайцы изготавливали орудия, в которых применялся порох. Речь идёт не о мортирах, применение которых началось не ранее 1280 года, но о трубах, стрелявших дымовыми бомбами, которые, выпуская клубы дыма, приводили противника в замешательство.

Монголы использовали также более древние, по меньшей мере тысячелетней давности, орудия: осадные катапульты на массивных лафетах, способные метать длинные стрелы «на 200 больших шагов»; камнемёты, забрасывавшие камни на большие расстояния; осадные башни на колёсах (*пин*) с выдвигающимися, словно у современных пожарных машин, складными лестницами. Помимо этих осадных «лестниц на облака» при штурмах крепостей стали применять тараны и бомбарды с

металлическими зарядами (*тисюонао*), а также «летающие огни» (*фейсюо*), которыми поджигали деревянные части укреплений.

Первой целью монголов был город Отрар, окружённый высокими стенами. Управлял им Инальчик Кадир-хан — тот самый, что распорядился убить посланника Чингисхана. Зная, что в случае пленения ему не избежать казни, он во главе осаждённого гарнизона сопротивлялся из последних сил. Персидские летописи сообщают, что осада города, начатая в сентябре 1219 года, продолжалась больше месяца, и, когда он был взят, градоправитель вместе с остатками гарнизона засел в цитадели. Когда у него кончились даже стрелы, Инальчик стал собирать кирпичи, чтобы метать их в осаждавших. Его захватили живым и, связав руки и ноги кожаными ремнями, привели к Чингисхану, который назначил для него особую, показательную пытку, по-видимому, практиковавшуюся у монголов: ему залили расплавленным серебром уши и глаза.

Другой армейский корпус, которым командовал Джучи, двигаясь по левому берегу Сырдарьи, дошёл до Хорезма и начал осаду крепости Сугнак. Как обычно, монголы потребовали от её защитников безоговорочной сдачи. Противник отказался, и конница Джучи начала яростный штурм, который продолжался в течение недели. Овладев наконец городом, монголы перерезали всех его жителей. Следующим на очереди был город Дженд на берегу Сырдарьи к северу от пустыни Кызылкум.

Тем временем отряды конницы под командованием Алак-нойона атаковали Бенакет к северу от Ходженда и к западу от Ташкента. Тюркские наёмники, оборонявшие его стены, сражались три дня, после чего согласились сдаться. Но, войдя в город, монголы перебили весь гарнизон. А всех жителей, по своему обыкновению, собрали в одном месте, после чего произвели отбор. Ремесленников частью распределили между боевыми отрядами, частью согнали в лагерь, чтобы отослать в Монголию. Женщин поделили между кланами. Остальных рассеяли по войскам, чтобы использовать в качестве заложников или живого щита между осаждающими и осаждёнными.

Затем настал черёд Ходженда в Фергане. Командующий крепостью Тимур-Малик был известен как опытный и храбрый воин. Он засел в крепости на берегу реки с тысячей отборных воинов, готовых драться, как львы. Персидские летописи уверяют, что крепость была так удачно расположена, что враг был вынужден мобилизовать на её взятие 20 тысяч воинов и 50 тысяч пленников, что следует считать явным преувеличением. Монголы использовали пленников для постройки моста из лодок через реку выше по течению. Потом пленников заставили нанести камней, чтобы

затопить их под переходом, образованным из сцепленных лодок, и построить таким образом плотину, по которой конница прошла бы как посуху. Тимур-Малик умело противодействовал этим приготовлениям монголов. В его распоряжении тоже были лодки, и он использовал их для того, чтобы не давать покоя рабочим и надсмотрщикам, занятым устройством плотины. Но что могла сделать одна тысяча воинов против монгольской орды? Тимур-Малик собрал своих самых верных соратников и сумел спуститься с ними по Сырдарье, высадиться на берег и, уйдя от посланного за ним вдогонку вражеского отряда, невредимым достигнуть лагеря шаха.

Пока люди хана брали один за другим города восточного Хорезма, он со своим сыном Тулуем вошёл в Мавераннахр — область, расположенную между реками Сырдарья и Амударья. Город Нур был взят хитростью. Переодевшись в караванщиков, монголы выдали себя за беженцев и, не опознанные часовыми, дошли до предместий города. Потом пробились через городские ворота, и местные власти, увидев, что дело проиграно, сдались. Жителей заставили покинуть город, а власти — выплатить дань в размере 1500 динаров. Город был разграблен, и повозки с награбленным добром последовали за войсками завоевателей.

В начале 1220 года подошли к Бухаре. Тогда это был один из самых красивых городов государства хорезмшахов, если не всего Востока. Расположенная на западном краю большого оазиса Зеравшан, вблизи пустыни Кызылкум, Бухара когда-то была столицей эмирата Саманидов — иранцев, обращённых в ислам, потом тюрок Караханидов и каракитаев. Бухара была известным религиозным и культурным центром, куда издалека приходили паломники, чтобы собраться в Пятничной мечети и у мавзолея Исмаила Саманида. Знаменитая своим ковро ткачеством, Бухара была крупным торговым центром, имевшим своих финансовых агентов вплоть до Малой Азии и Египта. Вокруг города было множество ирригационных каналов (арыков) и подземных водоводов (каризов), которые обеспечивали подачу воды на поля. Благодаря системе водохранилищ, цистерн и шлюзов вода поступала в город, что позволяло мыть шерсть и разводить краски, применяемые в ковро ткачестве. Менее чем через месяц и Бухара была захвачена войском Чингисхана.

Значительный гарнизон, состоявший из наёмников — тюрок-сельджуков, попытался совершить против монголов вылазку, которая окончилась трагически: все турки оказались запертыми в предместьях и были перебиты. В середине февраля Чингисхан бросил пленников на штурм городских ворот, и с помощью баллист ему удалось прорвать

укрепления. Вскоре он сам вошёл в город. Последние защитники Бухары, укрывавшиеся в цитадели, были казнены, а жителей заставили выйти из города. Всех, кого потом монголы находили спрятавшимися в городских закоулках, убивали на месте.

Все персидские авторы сообщают, что разгром Бухары был чудовищным святотатством, что монголы выказали полное презрение к побеждённым, к их религии и культуре. В хрониках рассказывается, как монгольские всадники оскверняли святыне места, бросали в нечистоты Коран и книги духовного содержания, как сам Чингисхан верхом на коне ворвался в большую мечеть, приняв её за шахский дворец. На виду у перепуганных молящихся он крикнул своим сопровождающим, что пора дать корм лошадям. Сотни горожан якобы предпочли покончить с собой, чем терпеть издевательства захватчиков. Мужчины убивали своих жён, чтобы те не стали жертвами похоти врага. Судья Садр ад-Дин, имам Руха ад-Дин и некоторые другие известные в Бухаре люди свели счёты с жизнью.

Джувейни приписал Чингисхану, виновнику всех этих злодеяний, такие слова: «Я вам скажу, что я бич Всевышнего, и если бы вы не были большими грешниками, Аллах не обрушил бы меня на ваши головы». Арабский историк Ибн-аль-Асир в своём описании монгольского вторжения, включённом им в книгу «Аг-каmil фи-т-Тарих» (что переводится как «Совершенная история»), так описывает одну из картин разорения Бухары: «Это был ужасающий день, слышны были только стенания мужчин, женщин и детей, которых навсегда разлучали: монгольские войска делили между собой население».

Финал трагедии ознаменовался гигантским пожаром. Город Бухара на несколько десятилетий прекратил своё существование. Зараза, распространяемая тысячами непогребённых тел, вскоре выгнала из города ещё остававшихся в живых. Окрестные крестьяне уходили далеко в поисках пристанища. Брошенные домашние животные погибли. Ирригационные каналы были разрушены, поля заброшены, опустошены и захвачены песками. От Бухары с её дворцами и мечетями остались лишь развалины.

Хорезм, преданный мечу и огню

Оставив на востоке разорённую Бухару, Чингисхан вдоль берега реки Зеравшан пошёл на Самарканд. За его повозками тянулись пленники,

используемые как рабочая сила, против своей воли помогавшие врагу разрушать собственную страну. Самарканд (древняя Мараканда), город с богатейшей историей, был когда-то столицей Согдианы. В 329 году до н. э. он был захвачен Александром Македонским, в 712 году пережил арабское нашествие. При Саманидах город был на подъёме. Расположенный в центре оазиса, он процветал благодаря своей превосходной системе ирригации.

Как большинство средневековых городов, в том числе и соседняя с ним Бухара, Самарканд делился на кварталы. Рядом с цитаделью находился квартал дворцов, административных зданий с его библиотеками, культовыми постройками из кирпича, многие из которых были облицованы цветными изразцами, славившимися по всему Востоку. В пригородах теснилось множество хибарок, в которых не покладая рук трудились ремесленники — ювелиры, шорники, жестянщики, кожевники. Существовали отдельные улицы гончаров, оружейников, чеканщиков и краснодеревщиков, изделия которых пользовались спросом вплоть до отдалённых портов Средиземноморья: стальные клинки, кольчуги, расписная и глазурованная керамика, инкрустация из дорогих пород дерева, кувшины с изящной чеканкой. Изготавливали также бумагу, технику производства которой переняли от китайцев. Сады и плантации поставляли в город редкие цветы, фрукты, которые сушили или варили с ароматическими приправами. Фисташки, финики, апельсины, дыни — в зависимости от сезона — наполняли прилавки самаркандских базаров. Некоторые местные купцы отправляли дыни высокого качества «в свинцовых ящиках, обложенных снегом», на запад, и они доходили свежими до Багдада.

Город был обнесён поясом укреплений, которые незадолго до того надстроили. В большом гарнизоне служило множество наёмников, и, по-видимому, очень немногие из самаркандцев могли себе представить, что их город ожидает та же участь, что за несколько месяцев до этого постигла расположенную в 250 километрах к западу Бухару. Даосский монах, китаец Шань Шун, побывавший в Самарканде позднее, отмечал: «Самарканд — это город каналов. Так как летом и осенью там дождей никогда не бывает, его жители повернули течение двух рек в сторону города и распределили их воду между всеми его улицами, так что в каждом жилище она есть в достаточном количестве. До поражения хорезмшаха население Самарканда составляло более 100 тысяч семей... Большинство полей и садов принадлежит мусульманам, но им приходится нанимать китайцев, киданей и тангутов (сися) для всевозможных работ и управления своими

владениями. Жилища китайских рабочих разбросаны по всему городу».

Стены славного города были прорезаны четырьмя монументальными воротами. Одни ворота, называвшиеся Китайскими (или Восточными), напоминали о важнейшей роли страны хорезмшахов в торговом обмене, который проходил в течение веков между Дальним Востоком и Передней Азией по разным маршрутам Великого шёлкового пути.

Весной 1229 года Чингисхан со своим войском подошёл к Самарканду. Увидев прочность его укреплений, хан предпочёл дожидаться подмоги. Он тщательно разработал план операции и окружил город кольцом своих войск. Когда к нему подошли Угэдэй и Чагатай, гнавшие впереди своей конницы тысячи пленных хорезмийцев, он созвал полевой военный совет, на котором было решено ввести противника в заблуждение относительно численности монгольских сил. Собрали несколько тысяч пленных, сняли с них чалмы и кафтаны и одели их как кочевников. Потом под надзором нойонов Чингисхана несчастные пошли за монгольскими знамёнами к стенам Самарканда. Наёмный гарнизон осаждённого города атаковал наступавших. Как обычно, кочевники последовали старинному правилу военной тактики, согласно которому «из тридцати шести военных хитростей ни одна не сравнится с ложным отступлением». И здесь эта уловка сработала: позволив противнику устрасить нелепо переодетых пленных, монголы внезапно появились позади них и набросились с саблями и топорами на застигнутого врасплох врага, который был вынужден в беспорядке отступить. Сильно потрепанные монголами тюркские наёмники на пятый день осады города дезертировали. Платили им нерегулярно, они были отрезаны от местного населения, отличались от него языком и обычаями и потому оставили Самарканд без всякой военной защиты, и он был вынужден капитулировать.

Знатные люди города предстали перед монгольскими рядами и добились обещания, что все, кто покинет город, сохранят себе жизнь. Как только в городе не осталось жителей, он был разграблен. Несколько сотен горожан, которые решили сопротивляться до последнего, были порублены саблями. Часть города была подожжена. Что касается тюркских наёмников, которые надеялись на то, что, сдавшись врагу, спасут свои жизни, то их обвинили в предательстве, и, как утверждает в одной из персидских хроник, 30 тысяч из них были перебиты. Около полусотни тысяч горожан смогли выкупить себе свободу, заплатив солидарный выкуп в 200 тысяч динаров. Тех, кто был слишком беден, чтобы заплатить, забрали в монгольское войско, где они служили в качестве даровой рабочей силы. Самых умелых из ремесленников целыми караванами отправляли в

Монголию. Говорят, что впоследствии, когда самаркандцы вернулись в свои жилища, их осталось так мало, что они не смогли заселить даже один квартал города.

Потом завоеватели повернули на север, занимая новые территории государства хорезмшахов. Войскам Чингисхана надо было пройти вниз по течению Амударьи между пустынями Каракум и Кызылкум. Через несколько месяцев они оказались в 500 километрах к северо-западу от Бухары — там, где начинается дельта реки, впадающей в Аральское море.

Как и другие, уже завоёванные монголами города, Ургенч жил за счёт оазисного земледелия. В столице Хорезма была развита торговля; и базары, где торговали ароматическими веществами, специями, изделиями из хлопка и оружием, свидетельствовали о процветании города. Его также обороняли тюркские наёмники. Но они решили то ли сохранить верность шаху, то ли не верить монголам и защищаться, опираясь на поддержку большинства горожан. На случай долгой и трудной осады в городе были сделаны запасы провизии, оружия и воды.

Чингисхан поручил взятие столицы Хорезма трём сыновьям — Чагатаю, Джучи и Угэдэю. Рядом с ними находились ветераны, участвовавшие во многих сражениях: Кадан, Толун-Чэрби и Боорчу. Численность монгольского войска под Ургенчем оценивают примерно в 50 тысяч всадников. По-видимому, хан обещал своему сыну Джучи отдать ему во владение Хорезм. Сын хана, сражаясь за свою будущую собственность, старался избежать бесполезных разрушений, зная наперёд, что всё, что не будет уничтожено огнём, достанется ему. По обыкновению, монголы отправили к осаждённым посланцев с требованием безоговорочной капитуляции. Когда власти Хорезма отвергли «предложение» монголов, те решили начать осаду города.

В течение нескольких дней пленники монголов ходили по окрестностям в поисках шелковичных деревьев. Так как им не хватало камней для снаряжения катапульт, захватчики решили использовать вместо них крупные деревянные болванки из распиленных стволов деревьев. В это время подневольные рабочие заполняли рвы перед стенами крепости, а сверху на них сыпались стрелы. Дней через десять к стене доставили осадные орудия, чтобы пробить в ней брешь и подорвать укрепления.

Вся эта подготовка заняла много времени, и высшее командование монголов стало проявлять нетерпение. Джучи вновь повздорил со своим братом Чагатаем. Оба возлагали ответственность за слишком медленную осаду друг на друга. Первый предпочитал повременить, как следует подготовиться. Второй, более горячий, придерживался тактики самых

решительных действий. Оба ханских сына подыскивали сторонников среди военачальников. Не имея возможности победить, они пытались убедить. Но все эти споры вскоре дошли до Чингисхана. И вновь хан сумел настоять на своём: он навязал двум враждующим братьям авторитет третьего, Угэдэя, которому удалось восстановить согласие.

Как только Угэдэй вернул себе командование операцией, осада столицы Хорезма стала ещё более упорной. Пробив брешь в стенах нескольких передовых бастионов, монгольские отряды сумели проникнуть в город. Защитники, твёрдо решившие не сдаваться, сопротивлялись с энергией, удвоенной от сознания того, что их ожидает в случае поражения. Как защитники, так и нападавшие использовали нефть для поджога домов, в которых укрывались группы солдат противника. Бились за каждую улицу, каждый дом. Пробивали себе путь кинжалами, поднимаясь по лестницам, резали врагов в почерневших от огня жилищах. Для всадников-кочевников, привыкших воевать в условиях быстрых манёвров и стремительных атак, такая «городская партизанская война» была необычна. Мелкие стычки изнурили тело и душу. Улицы Ургенча здесь и там охватывало пламя, выгонявшее жителей из домов. Повсюду валялись трупы. Монголы, иранцы, тюрки лежали вперемешку, объединённые смертью.

Когда монголы взяли часть города, расположенную на одном берегу Амударьи, им ещё надо было достичь другого берега. Мост через реку стал местом смертельных схваток. Хорезмийцам удалось оттеснить с него противника, который потерял более трёх тысяч человек.

Разрушенный город мог стать для обороняющихся отличным бастионом с опорными пунктами сопротивления. Хорезмийцы, укрываясь в развалинах Ургенча, защищались при поддержке мирных жителей, на долю которых выпали жестокие испытания. Чтобы кончить дело, Угэдэй решил поджечь все кварталы, занятые тюркскими наёмниками. Пламя выгнало осаждённых из домов, но сотни мужчин и женщин погибли в огне. К концу седьмого дня штурм войска Угэдэя увидели между огнями парламентёров, которые подавали сигналы, что хотят начать переговоры. Один из них, знатный человек по имени Ала ад-Дин Хаяти, умолял Джучи проявить милосердие к последним смельчакам, защищавшим столицу: «Яви нам милость, после того как ты показал свой гнев».

Но Джучи отказался от малейшего примирительного жеста. Он потерял многих воинов, и его душила ярость победителя. Оставшиеся в живых защитники города лишились всякой надежды на что-либо, кроме смерти или высылки в Центральную Азию, где их ожидало рабство. В апреле 1221 года Ургенч, гордая столица хорезмшаха Мухаммада,

прекратил своё существование.

В описании монгольского нашествия арабский историк Ибн аль-Асир сообщает: «Сражались все — мужчины, женщины, дети, — и сражались до тех пор, пока они (монголы) не захватили весь город. Потом они открыли плотину, и воды Джейхуна (Амударьи) затопили город и полностью... его разрушили. Те, что ускользнули от татар, утонули или оказались погребёнными под развалинами. Остались только руины и волны».

Смерть на Каспии

Из монгольских летописей можно понять, что Чингисхан был глубоко раздосадован пирровой победой, каковой стало взятие столицы Хорезма: осада Ургенча продолжалась шесть месяцев, и потери монголов были гораздо более тяжёлыми, чем обычно. Ответственность за это хан возложил на своих сыновей, которые проводили операцию и в нарушение заведённого порядка присвоили всю захваченную в городе добычу себе, не выделив из неё часть, которая полагалась их отцу.

В лагере, куда он удалился, хан в течение трёх дней отказывался принимать Чагатая и Угэдэя. Его соратникам удалось убедить его проявить к сыновьям снисхождение. Они наверняка переговорили с Чагатаем и Угэдэем, поскольку те вскоре явились к отцу с извинениями. Когда они вошли в его шатёр, Чингисхан взорвался от гнева. Трое нойонов его личной гвардии, Контагар, Чормаган и Конкай, сумели успокоить своего господина, объяснив, что его сыновьям не хватает боевого опыта и что несколько кампаний на Востоке вскоре сделают из них настоящих военачальников. Чтобы их закалить, заметил один из нойонов, почему бы не послать их на багдадского халифа...

Джучи не явился в шатёр великого хана. Он со своей ордой обосновался в степях, которые в скором времени должны были стать его личным достоянием. Его отношения с отцом оставались, по-видимому, натянутыми. Неизвестно, сам ли он смирился со своим двусмысленным положением и решил держаться подальше от Чагатая, или же его брату-сопернику удалось с помощью каких-то интриг отодвинуть его и навлечь на него опалу.

А в это время положение шаха Мухаммада было критическим. Столица его опустошена, значительная часть армии погибла под кочевой лавиной, а всё, что ему удалось, это создать вокруг себя пустыню, поскольку, думая, что затруднит продвижение Чингисхана, он решил

применить в собственной стране губительную тактику «выжженной земли». Перейдя пустыню Каракум, он направился на юг, достиг Нишапура, города, расположенного у подножия горы Бималуд в Хорасане. Отовсюду к нему приходили только дурные вести. Не сумев собрать войска, он решил уйти на северо-запад своей империи.

Чингисхан, твёрдо намереваясь схватить шаха, отправил за ним вдогонку лучших нойонов — своего зятя Тохучара, Субэдэя и Джэбэ и с ними 20 тысяч всадников. Им было приказано взять в плен шаха Мухаммада и не задерживаться у крепостей, если они будут сдаваться без боя или не выкажут враждебных намерений. Но Тохучар не смог устоять перед соблазном грабежа. Узнав об этом, Чингисхан понизил его до рядового воина, да ещё и под надзором одного надёжного нойона. Он якобы поначалу даже хотел приказать обезглавить Тохучара за непослушание, но потом уступил отчаянным мольбам своей дочери.

Выйдя из Мавераннахра, конные колонны Джэбэ и Субэдэя переправились через Амударью, чтобы подойти к Балху. Не имея судов, монголы применили старинный способ переправы, описанный Плано Карпини: «Когда татары приходят к широкой реке, они переправляются через неё следующим образом. У офицеров есть большие чехлы круглой формы из лёгкой кожи, по всему краю которых пришито множество завязок. Через них продевают верёвку и стягивают её таким образом, что получается пузатый мешок. В него запихивают одежду и снаряжение. В середине кладут конские сёдла и твёрдые предметы. Эти импровизированные плоты привязывают к хвостам лошадей. Воины, которым поручено вести их, плывут впереди. Иногда для переправы пользуются двумя вёслами. Заведённые в воду лошади плывут рядом с проводником, за ними следуют всадники».

За несколько дней конница Джэбэ и его соратников проделала головокружительный семисоткилометровый рейд и подошла к Нишапуру, который незадолго до того шах Мухаммад покинул. Монголы захватили соседний город Туе, на месте которого теперь находится священный для иранцев город Мешхед, и оттуда Джэбэ и Субэдэй разослали по всем направлениям «сообщения-стрелы» с целью обнаружения возможных следов бежавшего хорезмшаха. На перекрёстках дорог, у проходов были выставлены патрули. Подкупали осведомителей, подключили к делу всех доносчиков. Вскоре поступило сообщение о появлении шаха в районе Кума, потом у подножия Эльбурса, горного хребта, протянувшегося к югу от Каспийского моря. Монгольская конница шла за ним по пятам. По ходу были захвачены города Дамган, Семнан и Амоль на южном побережье

Каспия. Конные отряды, участвовавшие в этой охоте на человека, внезапно подошли к городу Рей близ Тегерана. В те времена Рей славился своими мастерами керамики, которые украшали изделия тонкой росписью. Для жителей Рея появление монголов стало полной неожиданностью. Там все думали, что захватчики находятся где-то в районе Ургенча или Самарканда, в тысяче километров от них. Предместья и базар Рея пострадали от преследователей, но сам город не был разрушен.

Потом Мухаммад оказался в Реште, на юго-западном берегу Каспия, по соседству с территорией современного Азербайджана. Он стал там лагерем со своими войсками, но его военачальники не могли удержать солдат от массового дезертирства. Однако сыну шаха удалось собрать несколько разрозненных отрядов, чтобы попытаться контратаковать. Но в хорезмийском лагере царило полное замешательство, отдаваемые приказы противоречили один другому. Монголы, которых собирались застигнуть врасплох, сами появились нежданно-негаданно, и замысел их противника обернулся его поражением. Шаху пришлось снова бежать. В этот раз он направился в сторону Хамадана и реки Тигр. Потом повернул на север. На берегу Каспия он подумал, что нашёл наконец убежище, но туда нагрянули монгольские всадники. Под яростным обстрелом лучников шаху не оставалось ничего иного, как бежать к бурлакам, которые, двигаясь вдоль берега, доставили его на остров Абескун близ устья реки Горган. И там в январе 1221 года обессиленный хорезмшах закончил свои дни.

Шаху Мухаммаду удалось удерживать власть над одной из самых обширных империй Среднего Востока и Центральной Азии. Но менее чем за десять лет его держава рассыпалась, как песчаный замок. Средневековые арабские и персидские хроники единодушно отмечают неистовое упорство Чингисхана в преследовании хорезмшаха. Эпическим стилем они повествуют больше об алчности завистливых государей, нежели об их политических мотивах. И всё же представляется, что Чингисхана подвигло на завоевание соседней империи не только пожиравшее его честолюбие, но и стремление к экономической экспансии и поиски новых территорий, чтобы обеспечить владениями своих многочисленных наследников. Одарённый исключительными качествами государственного деятеля, Чингисхан разглядел слабость своего соперника и его империи. Держава хорезмшахов во главе с некомпетентным и отличавшимся нетерпимостью правителем, недостаточно спаянная исламом и разрываемая центробежными феодальными силами, была обречена стать добычей монгольской экспансии.

После оккупации Золотой Ордой, продолжавшейся полтора столетия,

она по частям досталась преемникам Тимура, потом до конца XVII века была под властью узбеков из династии Арабшахов (Шейбанидов), после чего вновь управлялась представителями боковых ветвей Чингизидов. Это государство, структура которого напоминала лоскутное одеяло, не могло противостоять ударам извне, равно как и изнутри.

Глава XII

ИСЛАМ В ОГНЕ

Со времён Пророка — да благословит его Аллах! — и до наших дней мусульманам не доводилось терпеть таких мук и бедствий. Эти неверные татары уже захватили земли Мавераннахра и разорили их, потом их полчища переправились через реку (Амударью) и пошли на Рей, и земли Джэбэля, и Азербайджан.

Ибн аль-Асир (1160–1233)

Лето в Мавераннахре

Пока его орхоны гонялись за хорезмшахом Мухаммадом, Чингисхан в своей череде завоеваний сделал паузу. В середине 1220 года он решил разбить летний лагерь в Мавераннахре, в оазисе Насаф. Там монгольские кочевники, а также вспомогательные отряды из тюрок, всё более многочисленные в армии Чингисхана, отдыхали и восстанавливали силы, ведь они почти непрерывно воевали уже больше года.

Тысячи кочевников рассеялись по обширной территории, поставив свои юрты в соответствии со строгим порядком, регламентирующим традиционную клановую иерархию. Пленников заставили выполнять самые разнообразные работы: охранять скот, собирать топливо, обрабатывать шкуры для изготовления тёплой одежды в преддверии зимы. Основная работа приходилась на уход за домашними животными, поскольку в этих далёких от их степей землях, где население питалось в основном хлебом, гречихой, баклажанами, абрикосами, монголы не пожелали отказаться от своей привычной пищи, и если вино, взятое из окрестных погребов, удостоилось их признания, то каждодневным питьём по-прежнему оставалось кобылье молоко.

Кочевники сравнивали взятых в качестве добычи местных лошадей со своими, более низкорослыми степными *таки*. Примеривали трофейные сёдла, оценивали качество холощения жеребцов местными мастерами. Среди трофеев были сотни верблюдов, которых монголы стали ценить всё

больше и больше, используя в качестве вьючных животных в засушливых зонах Северной Азии. Это животное, которое может питаться колючками и твёрдыми стеблями, в течение веков выручало скотоводов засушливых зон. К тому же самки верблюда способны давать по несколько литров молока в день. В зависимости от физического состояния и условий местности верблюд может пройти за день от 30 до 50 километров, а его способность выживать без воды вошла в легенду. Монголы интересовались, как хозяева верблюдов их дрессируют, в каких укрытиях содержат, как подвязывают им хвосты, как лечат их стёртые загривки и горбы, удаляя гангренозные места.

С наступлением темноты летний лагерь в Мавераннахре становился похожим на стойбище в монгольских степях. Люди собирались вокруг костров, в которых жгли *арголь* — топливо кочевников Центральной Азии: тибетцы и монголы, которые в горах, степях и пустынях не могут найти древесину, используют в качестве топлива то, что лежит под ногами, — высохший навоз домашних животных. Отец Юк, которому довелось жить в этих негостеприимных местах в конце XIX века, с наивным увлечением рассказывает о постоянных поисках арголя, без которого невозможно ни согреться, ни приготовить пищу: «Каждый брал мешок, и мы ходили в разные стороны в поисках арголя. Тот, кто никогда не жил кочевой жизнью, с трудом может представить себе, что такого рода занятие порою способно доставить удовольствие. А между тем, когда повезёт найти где-нибудь в высокой траве арголь, подходящий по размеру и сухости, чувствуешь какое-то радостное возбуждение — одно из тех неожиданных ощущений, которые доставляют мгновения счастья».

Вокруг костров, которые кочевники разжигали с помощью огнива — кремня, стального лезвия ножа и пучка пакли, — мужчины развлекались стравливанием собак, игрой в кости, а неподалёку, в стороне, кто-то ласкал грудь красивой персидской невольницы. То были редкие часы досуга, во время которых воины вспоминали своих жён и детей, оставшихся в степи. Бывали и минуты печали, когда вспоминались братья по оружию, погибшие на этой чужой земле, по которой они скачут уже год, нигде надолго не задерживаясь.

Иногда устраивали состязания в борьбе между кланами. Выполнив традиционные жесты, похожие на те, что у степных борцов приняты до сих пор, голые по пояс противники оценивают друг друга. Наблюдая за соперником, они ходят кругами и подбирают приём, которым можно сбить его с ног и бросить на землю под крики зрителей. Иногда внезапно разыгрывались сцены насилия. Из-за украденного ножа, из-за понравившейся женщины, из-за какого-нибудь пустяка мог начаться обмен

оскорблениями, резкими, как удар хлыста. Непристойная брань заменяла всякие доводы в споре. И вот уже шли в ход дубинки и ножи, противники готовы были перерезать друг другу глотки или выбить зубы. Их подбадривали криками, наблюдая за сварой и не рискуя вмешаться, поскольку это было запрещено обычаем и ясаком.

Стычки быстро утихали, и жизнь вновь вступала в свои права. Жизнь с пиршествами, когда наедались козлятиной, запечённой на раскалённых камнях, или варёной бараньей требухой с тяжёлым запахом. Всё это поглощалось на открытом воздухе: летнее тепло позволяло. А потом, согласно правилу «пыль вытирают, а масло слизывают», наступал черёд хмельных напитков. Появлялись бурдюки с выдержанным спиртом или виноградным вином, выменянным или отобранным у кого-то в округе. Некоторые пили целыми кубками — ведь вино согревает сердце. Иногда какой-нибудь вождь клана или простой слуга становился акыном, которого слушали собравшиеся вокруг костра. Мешая в зависимости от настроения диалекты и говоры, акын декламировал отрывок из эпоса или пел не совсем непристойную песню о сгорающих от страсти любовниках. В такие минуты эти черноволосые коренастые мужчины умолкали, потому что импровизатор в засаленных одеждах возносил к безмятежному небу Мавераннахра свою трогательную песнь.

Хвалебные, эпические, колыбельные, любовные песни или речитативы сопровождают монгола во всех его перемещениях. Некоторые из них сохранились до наших дней, например горловое пение, при котором один певец исполняет два речитатива одновременно, подобно тому, как волынщик извлекает из своего инструмента одновременно звуки высокой и более низкой тональности. Считается, что этот необыкновенный способ пения, особенно его вариант, изначально появившийся в Восточной Монголии и некоторых районах Сибири (например, в Туве), возник из желания имитировать шум бурных потоков, завывание ветра в барханах и крики некоторых таёжных птиц.

Из музыкальных инструментов монголы использовали барабаны, дудки, рожки, свирели и некое подобие скрипки. Одна очень старинная легенда приписывает монголам изобретение скрипки. Один кочевник, женатый на молодой красивой женщине и страстно увлечённый верховой ездой, днями напролёт скакал на лошади. Обидевшись на его постоянное отсутствие, супруга подрезала жилы на ногах его коня, чтобы муж не отлучался надолго. Обезумевший от горя мужчина оплакивал несчастное животное и помог ему в предсмертные минуты, нежно его лаская. Растянув волосы его длинного хвоста, он стал играть на них, как на струнах,

извлекая жалобные звуки, в которых слышалась глубокая скорбь его и его коня. С тех пор головка грифа монгольской скрипки (*моринхур*) неизменно вырезается в виде головы лошади. У этого инструмента две струны из конского волоса, четырёхугольный корпус с кожаной верхней декой и деревянной нижней, фигурные резонаторные отверстия. Похоже, что изначально этот инструмент (*шанаган-хуур*) был чем-то вроде ковша для кумыса, на который натягивали струны.

Акыны аккомпанировали себе на таких музыкальных инструментах, импровизируя песни и речитативы и как бы перевоплощаясь во всех героев, о которых пели. Подобно средневековым европейским трубадурам, некоторые из акынов выступали при дворе, другие были странствующими артистами, которых приглашали на праздники и свадьбы. Несомненно, Чингисхан слышал в Мавераннахре эпические сказания, воспевающие его победы. Спустя восемь столетий в некоторых песнях по-прежнему упоминаются подвиги великого хана.

Гибель городов

Чингисхан пробыл в оазисе Насаф до осени 1220 года. Потом он велел собрать табуны лошадей, верблюдов, стада, которые паслись по окрестностям, и грузить крытые войлоком повозки. Армия снова отправлялась в поход. Первая её цель, разведанная лазутчиками, находилась в 200 километрах к юго-востоку.

Город Термез у слияния рек Амударьи и Сырдарьи в наши дни находится на территории Узбекистана, недалеко от границы с Афганистаном. Термез отказался капитулировать, и монголы решили его штурмовать. После одиннадцатидневной осады они ворвались в город, и, как обычно, началось массовое истребление жителей. Рассказывали, что монголы вспарывали животы людям, которых заподозрили в том, что они проглотили жемчужины или драгоценные камни, чтобы не отдавать их врагу.

После Термеза армия хана вошла в Бактрию (историческая область на сопредельных территориях Узбекистана, Таджикистана и Афганистана между горной цепью Гиндукуш на юге и Ферганской долиной на севере. — В. З.), в ту её часть, что ныне расположена на севере современного Афганистана, в город Балх (Бактры). Этот город, известный более трёх тысяч лет, был когда-то центром зороастризма. В VI веке до н. э. он был захвачен персидским царём Киром Великим. Двумя столетиями позднее его

захватил Александр Македонский и женился на местной принцессе Роксане. Века спустя город вошёл в состав иранской империи Сасанидов, при которых получил распространение буддизм, пришедший по Шёлковому пути. В городе были также великолепные архитектурные памятники эпохи раннего ислама. Позднее городом владели Газневиды. В начале XIII века в Балхе процветало ремесло, в его окрестностях — земледелие. Когда Джэбэ подошёл к Балху во время погони за шахом Мухаммадом, местные власти объявили его открытым городом, признав верховенство монголов. Тем самым город был спасён от разорения.

Ибн аль-Асир пишет, что Балх сдался Чингисхану и уцелел. Персидский историк Джувейни утверждает, что, хотя капитуляция и была принята Чингисханом, тот, по своему обыкновению, разделил мирных жителей на сотни и тысячи, и «потом их порубили». Осенью 1222 года Чингисхан, вновь проходя через Балх, якобы приказал добить всех оставшихся в живых. «И всюду, где ещё уцелели стены, — отмечает Джувейни, — монголы их обрушивали и вторично избавляли этот край от всяких следов культуры». Даосский монах китаец Шань Шун, который проходил по тем местам осенью того же года, подтверждает слова историка: «Мы прошли через большой город Балх. Недавно его жители восстали против хана и были изгнаны из города. Но мы ещё слышали на улицах лай собак». По описанию Шань Шуна, Балх превратился в город-призрак. Вероятно, он действительно был объявлен открытым городом, но какой-то инцидент вызвал массовые убийства и изгнание жителей.

Города Хорасана, которые сдались монголам, в целом, по-видимому, сохранились, но те, что отказывались подчиниться или запирали городские ворота в знак недружественного нейтралитета, были разграблены и опустошены. Разрушение ирригационных каналов имело самые тяжёлые последствия для земледельческих оазисов. Водохранилища, цистерны, плотины и шлюзы, создававшиеся упорным трудом многих поколений, были разрушены, поля и сады затоплены, каналы быстро занесены песком. А ведь в оазисах Хорасана, как и во всех других, без воды существование городов было невозможно.

Город Ниса стал добычей зятя Чингисхана, Тохучара, — того самого, что едва не поплатился головой за участие в несанкционированном грабеже. В итоге он был прощён и вновь получил высокий пост. Говорят, что в распоряжении Тохучара было два десятка камней. Их подвели к стенам городских укреплений, и большие камни сеяли в городе смерть и страх, а тем временем сапёры при поддержке осадных башен приблизились к глинобитным стенам. Такого рода вылазки могли продолжаться неделями,

а то и месяцами, если бы у осаждающих не было своих людей в осаждённом городе или если бы они не прибегли к хитрости, чтобы проникнуть за кольцо укреплений. Защитники города заделывали бреши в стенах или сооружали возле них заслоны из камней и песка, повозок и брёвен. Примерно через две недели монголам удалось прорваться в город, и началась его трагедия. Монголы заставляли жителей привязывать себя друг к другу, собираться в тысячи и выходить за пределы укреплений, где лучники стреляли в них, словно по мишеням. Тех, кто был только ранен, добивали саблями. Согласно данным персидских источников, было убито 70 тысяч человек.

В ноябре 1220 года наступил черёд Нишапура. Город был знаменит своими памятниками архитектуры IX века, а также изделиями из керамики, украшенными геометрическими или зооморфными узорами (некоторые — с китайскими мотивами). Тохучар бросил своих людей на приступ, но стрела, выпущенная со стены, смертельно его ранила. Его воины сняли осаду, но из мести разорили деревни в окрестностях города.

Несколько месяцев спустя, в феврале 1223 года, четвёртый сын Чингисхана Тулуй во главе 70-тысячной конницы (по большей части набранной в соседних провинциях) двинулся к Мерву (древнейший город Средней Азии, стоявший на берегу реки Мургаб в юго-восточной части Туркменистана, в 30 километрах к востоку от современного города Мары). Когда-то столица древней Маргианы, в Средние века город принадлежал Сасанидам, позднее был завоёван арабами. При Сельджукидах Мерв переживал экономический и культурный подъём, символом которого может служить украшенный бирюзовыми изразцами купол мавзолея султана Санджара. Защитники Мерва были уверены в своих бастионах, когда 25 февраля 1221 года монголы во главе с младшим сыном Чингисхана Тулуем подошли к воротам города. В сопровождении пяти тысяч всадников Тулуй шесть дней осматривал крепость, прежде чем решиться на штурм. Осаждённые сделали две вылазки, но обе были отбиты. Тогда градоправитель, получив от монголов заверение, что они не прибегнут в отношении жителей к насилию, объявил о сдаче города.

Тулуй не сдержал своих обещаний. Жителям дали четыре дня и четыре ночи на то, чтобы оставить город. Монголы отобрали из них 400 ремесленников и некоторое число детей в качестве рабов. Остальных порубили и закололи. Чтобы поскорее управиться с этим кровавым делом, несчастных распределили по боевым объединениям, каждый воин которых должен был убить холодным оружием от трёхсот до четырёхсот человек! Джувейни утверждает, что наиболее ревностно эту страшную работу

исполняли крестьяне ближних селений, которые ненавидели жителей Мерва. В окрестностях города десятки тысяч крестьян прятались в пещерах, пытаясь спастись от чудовищной монгольской бойни. Ибн аль-Асир говорит о семистах тысячах убитых, тогда как Джувейни, допуская явное преувеличение, сообщает, что некий Изз ад-Дин Насаба «с помощью нескольких человек в течение тринадцати дней и тринадцати ночей подсчитывал людей, убитых в городе. Считая только тех, которых нашли, и исключая тех, что были убиты в пещерах и гротах, а также в деревнях и пустынях, они дошли до числа более миллиона и трёхсот тысяч».

Из Мерва отпрыск Чингисхана направился к Нишапуру, у стен которого был убит зять великого хана Тохучар. Здесь монголы вновь показали своё военное превосходство. На этот раз город пал под градом камней и снарядов с горящей нефтью. По-видимому, защитники города располагали какими-то противоосадными орудиями. Персидские источники говорят о нескольких сотнях таких орудий, что опять-таки кажется чрезмерным преувеличением. Тем не менее известно, что были попытки начать с Тулуем переговоры об условиях сдачи города, но он их отверг. Общий штурм начался 17 апреля 1221 года, а два дня спустя в стенах образовались широкие проходы. На следующий день город был взят. Как и в Мерве, монголы вывели в поле всех жителей, затем, чтобы отомстить за смерть Тохучара, было приказано «сровнять город с землёй, чтобы на его месте можно было пройти с плугом, и в знак отмщения не оставлять в живых даже кошек и собак».

В этой массовой бойне якобы принимала участие и вдова Тохучара. В городе опять взяли в плен 400 ремесленников, которых отправили в Монголию. Всё остальное население Нишапура было истреблено. Как и в Термезе, жителям, которые подозревались в том, что проглотили драгоценные камни или жемчуг, вспарывали животы. Отрубленные человеческие головы складывали большими грудями: отдельно — мужские, отдельно — женские и детские.

«Последним (из городов) пострадал Герат», — пишет Джувейни, который, впрочем, не оставил описания штурма этого города. Историки В. Бартольд и д'Оссон считают, что в этот раз Тулуй пощадил мирное население. Иранец Джувейни, который принимал участие в войне против монголов недалеко от Герата, говорит о восьмимесячной осаде города и истреблении всех его жителей. Здесь очевидная путаница, поскольку Герат монголы осаждали дважды. Сей-фи, который родился в Герате, сообщает в своём труде «Тарих-наме-йе Харат» («История Герата»), что Тулуй осаждал город восемь дней, велел перебить наёмников из местного гарнизона, но

отпустил жителей, перед тем как идти на осаду города Талакан в Хорасане. Но некоторое время спустя в Герате произошло восстание, которое стоило жизни *малику* (правителю), назначенному монголами, и *шахна*, резиденту хана. Как следствие этого двойного убийства, монгольскому военачальнику Элжигидею было поручено разорить город. По-видимому, во время этой второй осады Герата его жители и были истреблены. Сейфи говорит о 1,6 миллиона убитых, а Джувейни даже о 2,4 миллиона. Вероятно, тогда же город был сильно разрушен и в нём не осталось «ни людей, ни хлеба, ни пищи, ни одежды».

Бамиан, расположенный на высоте 2500 метров над уровнем моря, в античную эпоху был перевалочным пунктом Великого шёлкового пути на участке между буддийским центром Каписа и зороастрийским городом Балхом. Там останавливались караваны, находились склады дорогих товаров, предметов роскоши. Этот город был одним из наиболее значительных очагов древней культуры. Начиная с IV века в его окрестностях были построены наскальные монастыри, в отвесной скале изваяны и раскрашены в яркие цвета две фигуры Будды — 37-и 55-метровой высоты, служившие предметом поклонения паломников. В этом удивительном месте под названием Шахре-е Гольгола (Город слухов) до сих пор возвышаются эти гигантские Будды, самое знаменитое из сокровищ империи хорезмшахов^[17]. Вокруг небольших долин Какрак и Аджар крестьяне и ремесленники создали очень динамичный город — Бамиан. С приходом Чингисхана его существование прекратилось на целых три столетия. До сих пор названия некоторых соседних мест напоминают о нашествии монголов: Дашт-е Ченгиз (Пустыня Чингиза), скала Тахт-е Татар (Татарский Престол).

Во время одной из атак на Бамиан был убит стрелой Мутуген, сын Чагатая. Потеря внука вызвала у Чингисхана такую ярость, что, как рассказывают, он ринулся на врага с саблей наголо, даже не надев на голову шлем. Смерть молодого знатного монгольского воина привела к очередному массовому истреблению людей, которое монголы практиковали с таким ужасающим однообразием.

Это событие послужило поводом к возникновению одной, явно апокрифической, легенды. Поскольку смерть Мутугена случилась в отсутствие его отца Чагатая, который в то время воевал в других местах, Чингисхан решил скрыть от него потерю сына. Но несколько дней спустя, когда все сыновья были при нём, хан сделал вид, что упрекает их в непослушании. Чагатай особенно рьяно стал оправдываться, и Чингисхан вдруг спросил, готов ли он подчиниться любому его приказу. Когда тот

ответил утвердительно, хан бросил: «Так вот, твой сын Мутуген убит, я тебе запрещаю горевать по нему!»

Согласно одной афганской легенде, город Бамиан был захвачен монголами из-за предательства местной принцессы Лала-хатун. Строптивая, жестокая и честолюбивая девушка решила отомстить своему отцу, который собирался выдать её замуж против её воли. Она обдумывала свою месть вплоть до того дня, когда стало известно о подходе к городу монголов. Она послала в их сторону стрелу с запиской, в которой сообщила, как отрезать крепость, возвышавшуюся над долиной, от источников воды. После взятия города Чингисхан приказал забросать девушку камнями — вопреки афганской поговорке «Сабля не сечёт нежную шею».

У ворот Индии

После смерти шаха Мухаммада власть в державе хорезмшахов перешла к его сыну Джалал ад-Дину. Более энергичный, чем его отец, отважный и бесстрашный, этот человек намеревался организовать активное сопротивление захватчикам. Он собрал войска — около шестидесяти тысяч солдат, к которым добавил тюркских наёмников, — и окружил город Газни, расположенный в 150 километрах к югу от Кабула.

Монголы рискнули взять крепость штурмом, но вынуждены были отступить, потеряв больше тысячи человек. Тогда Чингисхан приказал своему приёмному брату Шиги-Кутуку идти на Газни. Тот, не располагая количеством всадников, достаточным для столкновения с хорошо укрепившимся противником, применил военную хитрость. Перед сражением он велел изготовить несколько сотен кукол в человеческий рост. Их посадили на лошадей и пустили эту соломенную кавалерию против одного из флангов позиции Джалал ад-Дина. Противник был уверен, что на него идёт резервная конница монголов, и некоторые военачальники заговорили о том, что надо спешно отходить. Но Джалал ад-Дин решил драться, и был прав. Всадники Шиги-Кутуку попытались атаковать, но были осыпаны градом стрел и отступили. Мусульманские полки стали их преследовать. Впервые монголы потерпели поражение на земле ислама. Говорят, что мусульманские воины, превзойдя монголов в жестокости, загоняли гвозди в ушные отверстия всех пленных.

Когда Чингисхан получил сообщение о том, что произошло в Парване, он ни минуты не мешкал: сел на коня и со свежими подкреплениями

поскакал в сторону Газни. Согласно некоторым источникам, всадники во главе с Чингисханом безостановочно скакали двое суток. Почувствовав голод и усталость, надрезали вену на шее своих лошадей и выпивали немного крови, чтобы не тратить время на остановку и приготовление пищи. Своего приёмного брата Чингисхан горько упрекнул в том, что он допустил тактическую ошибку. Потом, собрав все имеющиеся силы, он дошёл до Газни. Тем временем в лагере Джалал ад-Дина начались раздоры между тюркскими наёмниками и местными формированиями. В конце 1221 года Джалал ад-Дин вынужден был отойти на восток. Его план состоял в том, чтобы переправиться через реку Инд и дойти до Пенджаба (территория современного Пакистана).

24 ноября, когда Джалал ад-Дин был уже на берегу этой реки, он вдруг увидел преследовавшие его передовые монгольские отряды. Поскольку путь к отступлению был отрезан рекой, ему ничего не оставалось, как вступить в бой. Но войска его сильно поредели, а возможность маневрирования была ограничена. Вскоре он уже сражался, находясь в центре каре из семисот или восьмисот воинов, которые защищали его плотной стеной. Монгольские всадники постепенно стали прорывать ряды соратников Джалал ад-Дина, и он решился на дерзкий прорыв. Вскочив на коня, он рассёк и свои, и монгольские ряды и галопом помчался прямо к берегу текущей неподалёку реки. Монголы видели, что он от них уходит, но Чингисхан приказал взять его живым. Джалал ад-Дин, воспользовавшись короткой заминкой преследователей, направил коня к крутому берегу реки, подстегнул коня и после невероятного прыжка — авторы летописей говорят о расстоянии 20 футов, то есть примерно семь метров — оказался в водах Инда, а враги только его и видели. Вскоре он нашёл убежище у делийского султана.

Чингисхан, увидев, как беглец прыгнул в реку верхом на лошади, якобы приказал немедленно прекратить преследование. Указав рукой на всадника, которого стремительно уносило течение реки, он поставил всем в пример этого отважного человека, сумевшего заставить его, Чингисхана, воинство глотать пыль. Наверняка он, знающий толк в верховой езде, был поражён редким талантом Джалал ад-Дина как наездника и тем, как блестяще он нашёл выход из безнадёжного положения. Люди из свиты Джалал ад-Дина также бросились в реку, чтобы уйти от врага, но Чингисхан приказал изрешетить их стрелами. Его милосердие не было безграничным.

Чингисхан пересёк территорию современного Афганистана с востока на запад. Почему он не продолжил свой победоносный поход в сторону

индийского субконтинента? Быть может, ему не доставало нужного количества судов для переправы войска через Инд? Но на этом участке течения реки её можно было переплыть с помощью кожаных поплавков. Или у него были другие планы? Как Александр Македонский в 326 году до н. э., как Тимур в конце XIV века, Чингисхан совершил всего несколько коротких набегов на землю Индии. Были ли тому причиной тяжёлые для степняков климатические условия этой страны? Как и Александр Македонский, Чингисхан предпринял свои рейды в разгар лета. В Пенджабе муссонные дожди обычно продолжаются с июня по сентябрь, когда Инд и его могучие притоки ещё полноводны от таяния снегов и случаются большие разливы. Известно, что монгольский рейд в Мултан в 1222 году был труден из-за сильной жары. Во время этого вторжения под началом Бала-нойона на территорию современного Пакистана были опустошены некоторые поселения в окрестностях Лахора, неподалёку от современной границы с Индией.

Весной 1222 года Угэдэй наконец захватил Газни. Жители, по обыкновению, были перебиты или высланы, городские укрепления разрушены. Наступил черёд Герата, жители которого, уверовав в окончательное поражение монголов после разгрома Шиги-Кутуку Джалал ад-Дином, открыто напали на монголов, несмотря на разногласия среди командующих по поводу своевременности такого решения. В июне 1222 года один из военачальников Чингисхана истребил значительную часть населения города, после чего отошёл на несколько километров, позаботившись о том, чтобы скрыть истинное количество своих войск. Эта уловка позволила ему вернуться в Герат, куда многие жители, бежавшие из своих разрушенных домов или скрывавшиеся в пещерах близ города, после ухода врага успели вернуться. Тогда монгольские полчища вновь напали на этот несчастный город, уничтожив всё, что ещё уцелело от прежнего погрома.

Этот трагический эпизод парадоксальным образом даёт основание предположить, что массовые убийства и разрушения в ходе монгольского нашествия, возможно, не были столь планомерными и тотальными, как это утверждают персидские авторы. Например, известно, что жители Мерва, узнав о поражении монголов в Парване, торжествовали, как в своё время гератцы, и, высыпав на улицы города, поносили нового градоправителя, назначенного монголами, и обвиняли его в сотрудничестве с захватчиками. Бывшие военачальники, оставшиеся верными Джалал ад-Дину, ворвались в резиденцию губернатора и убили его. Горожане заново отстраивали свои разрушенные жилища, восстанавливали общественные здания, приводили

в порядок укрепления, а потом занялись очисткой от песка ирригационных каналов и починкой шлюзов, чтобы вернуть к жизни огороды и сады, окружавшие город. В город Балх после ухода захватчиков также, по-видимому, вернулась какая-то часть его жителей, которые сразу же принялись за свои повседневные дела. Но и в Мерв, и в Балх монголы отправили новые войска для уничтожения тех, кому в своё время удалось бежать из города или укрыться в соседних пещерах и кто оказался в положении «поселенцев» на собственных разорённых землях.

Если монголы назначали людей из местной знати градоправителями Мерва, то это значит, что какое-то число жителей в городе ещё оставалось. Поиск влиятельных коллаборантов можно объяснить только тем, что город мог помогать монголам в снабжении войска или даже предоставлять им временный приют. К тому же если в Мерве произошли народные восстания против захватчиков, они не могли возникнуть на пустом месте. Можно предположить, что проявления сопротивления, пусть и спорадические, имели место во многих регионах империи хорезмшахов. Но какой захватчик не оставил на покорённой им земле более или менее глубоких ран?

В своей «Совершенной истории» Ибн аль-Асир, упоминая проход монгольских войск по землям ислама, с горечью писал: «События, о которых я поведаю, настолько ужасны, что в течение многих лет я избегал упоминать о них. Нелегко сообщать о том, что на земли ислама и на мусульман обрушилась смерть. Увы, я бы предпочёл, чтобы моя мать не рождала меня на свет. Если вам однажды скажут, что с тех пор, как Всевышний сотворил Адама, земля никогда не знала подобного бедствия, то поверьте, ибо это истинная правда... Нет, до скончания времён никто никогда не увидит подобной катастрофы».

Буря, пронёсшаяся над восточной частью мусульманского мира, приняла эстафету от той, что с падения Иерусалима в 1099 году бушевала на Ближнем Востоке. Нашествие Чингисхана было первой волной того мощного прилива, который через 25 лет накроет Багдад и Дамаск. «Атакованные монголами на востоке и франками на западе, мусульмане никогда не были поставлены в столь опасное положение. Спасти их может один Всевышний», — писал Ибн аль-Асир, когда франки пошли на союз с монголами, чтобы взять мусульманский мир в тиски.

К концу 1222 года Чингисхан оставил Хорасан, переправился через Амударью, вновь прошёл по Мавераннахру и стал лагерем между Бухарой и Самаркандом. В Бухаре, которую он разорил за два года до того, он впервые приблизил к себе кое-кого из побеждённых. То ли на него произвёл впечатление какой-то изящный орнамент на керамическом изделии, то ли он нашёл время спешиться и посетить мечеть? В сущности, нам неизвестны его истинные мотивы. Как бы то ни было, но достоверно установлено, что хан пожелал услышать кое-какие разъяснения, касающиеся той самой арабо-персидской цивилизации, которую он недавно разворошил концом своей сабли. Как человек военный, в архитектуре городов Востока он мог оценить только потерны, мерлоны^[18] и бойницы. Как завоеватель, в сарацинских садах и полях он видел только места для своего лагеря и пастбища для своих коней.

Конечно, в какой-то степени хан был знаком с культурой державы хорезмшахов. Среди его военачальников, писарей и толмачей, среди местной знати, готовой к сотрудничеству с завоевателем, было много мусульман — тюрок и иранцев, — которые в той или иной мере могли познакомить его с культурой этой страны: особенностями местных нравов, одежды, кухни, ремёсел и религии, со множеством подробностей, которые могли вызвать его интерес.

Так, в Самарканде Чингисхан пожелал присутствовать на молитве в мечети. Когда он попросил кратко изложить ему основные принципы ислама, ему представили авторитетных богословов. Была ли у них хотя бы робкая надежда обратить в свою веру этого кочевого монарха, который вёл войну против их народа? Маловероятно. Но, во всяком случае, он принял *хатиба* и *имама*, которым было поручено просветить его, с уважением и одобрил основные предписания Корана. Мусульманский символ веры *шахада*, провозглашающий единство Бога и объявляющий Мухаммеда его пророком, неплохо согласовывался с его собственной верой в Тенгри — бога Неба тюрко-монгольских кочевников. Но мусульманский обычай паломничества в Мекку, как считает Груссе, удивил Чингисхана: «поскольку Тенгри присутствует повсюду», ему было непонятно, как может существовать какое-то особое святое место. Похоже, что Чингисхан признал ислам, вернее, то, как он себе его представлял. Несомненно, он видел в этой открытой им для себя вере новую частицу некоего обширного конгломерата религий, в котором раньше ему были знакомы буддизм и несторианство керэитов и найманов.

Хотя Чингизидов обвиняли в том, что их правление построено на насилии, но при этом нередко упоминали их большую веротерпимость. Она

была не индивидуальным свойством натуры Чингисхана, но характерной особенностью монгольских народов. В противоположность великим империям Византийской, западноевропейским и мусульманской, в основе которых лежала государственная религия, Монгольская империя была этого лишена. Чингисхан был убеждён, что обладает особыми полномочиями на управление миром, полученными от Тенгри, но был далёк от всякого религиозного экуменизма. Однако непомерное честолюбие, несомненно, побуждало его к попыткам заменить шаха, потерявшего трон, как «повелителя правоверных». В Бухаре хан встретит двух тюрок, которые занимали высокие административные посты в столице Хорезма Ургенче. Одного звали Махмуд Ялавач, второго, его сына, Масуд. Оба чиновника старались убедить хана в выгодах хорошо налаженного управления, показывали преимущества успешного земледелия, строительства зернохранилищ, постоянных торговых обменов и регулярных налоговых поступлений в казну. То были основы организации всякого осёдлого общества. Это соответствовало тем доводам, которые приводил хану, вернувшемуся из китайского похода, Елюй Чуцай. Чингисхан, как это ни удивительно, согласился с соображениями двоих бюрократов и приставил их к интендантам (*даругаси*), управляющим провинциями. Их опыт был поставлен на службу главам Бухары, Самарканда, Хотана и Кашгара, то есть своего рода сатрапам крупных городов Хорезма.

После тех значительных разрушений, которые были результатом его приказов, — в частности, в Бухаре и Самарканде, куда он входил со своими войсками, — решение хана выглядит по меньшей мере неожиданным. Чем объяснить такой резкий и полный разворот? Что касается доводов в пользу сдержанности и щедрости, то он слышал их из уст служившего ему советника-кидая, и непохоже, что он придавал им какое-нибудь значение в пору завоевания Хорезма. И всё же Чингисхан вернулся к рекомендациям Елюй Чуцая. Чтобы согласиться на такой крутой поворот — словно попытку выкупить пролитую кровь, — у него было два вероятных мотива. Первый из них — намерение частично приглушить многочисленные свидетельства свирепости, которые ему предъявляли. Историки, например Рене Груссе и Владимирцов, признают, что хан пролил много крови, но при этом не проявлял бесполезной жестокости, а делал это по чисто военным соображениям. Китайские, а также, и особенно, арабские, персидские и русские летописцы, возможно, преувеличивали зверства монголов. Здравый смысл и взвешенность решений вовсе не кажутся чуждыми натуре Чингисхана.

Второе предположение полностью не исключает первого, а именно:

люди из окружения Чингисхана постепенно подвели его к раскаянию в совершённых злодеяниях. Благодаря некоторым своим сподвижникам из китайцев и киданей, например Елюй Чуцаю, а также иранцев и даже монголов, хан признал, что возможны другие, отличные от его собственных способы управления. После долгого сопротивления и нерешительности он постепенно стал склоняться к принятию тех принципов, что ему советовали. «Встречи в Бухаре», видимо, дали ему возможность перейти к «более мирной» политике. То не была история Дьявола, который, раскаявшись, внезапно повернулся к Богу в попытке вернуть пролитую кровь. Перемена, вероятно, стала результатом долгого процесса, созревшего только к концу жизни завоевателя.

Монгольский ураган

Какие последствия имело монгольское нашествие для исламизированных стран Среднего Востока? Сведения, приводимые на этот счёт авторами-мусульманами, разумеется, недостаточны и необъективны. Называемые ими цифры потерь ужасают. Из-за отсутствия переписи населения в отдельных местностях мы не знаем о том, сколько было жителей в средневосточных городах до их захвата монголами. Археологические раскопки в соответствующих местах не позволяют утверждать, что в городах, опустошённых в XIII веке, было так много жителей, даже если допустить, что монголы могли перебить и крестьян, пришедших в города, чтобы спастись от врага за их стенами. Так, хотя эти города и восстанавливались после нередких в Иране землетрясений, по сохранившимся фундаментам, остаткам исчезнувших укреплений, жилищ и других зданий удалось установить, что Самарканд, Балх, Герат и соседние с ними города не могли быть очень густонаселёнными.

В итоге об этих реальных, предполагаемых или преувеличенных массовых убийствах мы знаем не так много. Одно можно сказать с достаточной определённой: первая опустошительная волна монгольского нашествия, которая словно туча саранчи в течение более десятилетия обрушивалась на разные районы Мавераннахра, Ферганы, Хорасана и Тохаристана, нанесла этим землям глубокие раны, следствием которых стало другое, более продолжительное бедствие — упадок земледелия. На высокогорных плато Ирана и Афганистана, где недостаточно пресной воды, земледелие зависит в основном от искусственного орошения через систему каналов, в том числе подземных.

Бегство крестьян от монгольских войск, массовые убийства, следовавшие за взятием городов, приводили к полному (в разных местах по-разному) или частичному запустению ирригационных сетей, и — как следствие — земли пересыхали и становились бесплодными. Без ирригации огороды и поля не могли прокормить города.

Современный историк Льюис утверждает, что если в Мавераннахре и Хорасане последствия монгольского завоевания были катастрофическими, то в других регионах удар был смягчён тем, что местные власти предпочитали быстро покориться захватчикам, а также в силу того, что на засушливых по большей части землях Среднего Востока не было обширных пастбищ, что не давало кочевникам возможности задерживаться там надолго. Итак, возможно, что в одних местах разрушения были почти катастрофическими, в других — менее серьёзными. В конце XIII и в XIV веке Марко Поло и арабский историк Ибн Батута отмечали, что некоторые города так и не поднялись после разрушения их монголами, в то время как другие процветали. В Иране нашествие степных кочевников привело к сдвигу от осёдлого образа жизни к кочевому. Земледельческие поселения вытеснялись становищами кочевников-тюрков. Уже с XII века арабские географы и историки писали о том, что тюркские кочевники ставили в Иране свои чёрные шатры. Монгольское нашествие ускорило этот процесс, и в некоторых случаях сами иранцы, давно перешедшие на осёдлость, например бахтияры в горах Загроса, возвращались к кочевничеству. Примерно до 1000 года тюркские народы преобладали в значительной части Монголии. Сяунну, тую, кыргызы, обосновавшиеся в высокогорных регионах Азии, с завистью поглядывали в сторону Китая и стран Среднего Востока. Но в XIII веке тюркские племена были оттеснены монголами, объединёнными Чингисханом, на периферию собственно Монголии. Некоторые из них ушли в Сибирь, к озеру Байкал, другие мигрировали в западном направлении. Постепенно Хорезм, Мавераннахр, иранские, иракские и даже египетские земли были затронуты миграцией тюркских этносов. После падения последнего хорезмшаха и расчленения державы Джалал ад-Дина остатки хорезмийской армии двинулись на Сирию, где в то время правила династия Айюбидов. В 1244 году хорезмийские турки почувствовали себя достаточно сильными, чтобы овладеть Дамаском, а в июле того же года — отнять у франков Иерусалим. Это продвижение тюркских популяций на запад повсеместно сопровождалось исламизацией. При Тимуридах, потомках Чингисхана, этот процесс привёл к тюркизации и исламизации монголов Мавераннахра и Ирана.

Наконец, отметим первые признаки прагматизма у кочевников-

завоевателей. Они не замедлили извлечь для себя выгоду, используя людей и административную структуру завоёванных стран. Проводя молниеносные военные кампании, монголы поначалу явно не стремились к планомерной и длительной оккупации территорий. Их армия нашествия, предназначенная для скоротечных наступательных ударов, была недостаточно многочисленна, чтобы её можно было разделить на гарнизоны, разбросанные по огромной территории. Однако уже при Чингисхане захватчики-степняки вербовали среди местных военных и гражданских людей, готовых с ними сотрудничать. Первые зачислялись либо по собственной воле, либо по принуждению в монгольские войска в качестве наёмников. Вторые под нажимом или из оппортунистических соображений шли служить врагу секретарями канцелярии, писарями или толмачами. В своё время кидани, побеждённые чжурчжэнями, охотно предлагали победителям свои услуги. Персидский историк Джувейни упоминает одного киданя, который при монголах стал баскаком (губернатором провинции) в далёкой Бухаре.

Начиная с завоеваний Чингисхана, в Туркестане появились монгольские *даруга* (наместник, пристав или надсмотрщик), которым поручались надзор над местными жителями и властями и реквизиции в пользу победителей (провиант, тягловый скот и т. п.). Современный американский монголовед Бьюэл считает, что должность даруга монголы переняли у киданей, которые помогали им управлять зарождающейся империей. Но среди чиновников, готовых сотрудничать с монгольскими управляющими, присланными в Самарканд, Бухару, Хотан, было немало и мусульман. После смерти Чингисхана сыновья персидского составителя летописей Рашид ад-Дина служили монголам, занимая высокие посты в администрации провинций. И, вероятно, только в годы правления сына Чингисхана Угэдэя была создана настоящая налоговая служба, в обязанности которой входило обложение податями подвластного населения. И только после завершения в 1279 году завоевания Хубилаем Китая монголы ввели своё постоянное управление. За пределами района Пекина, в котором находилось правительство империи под прямым управлением монголов, они сохранили существовавшую до них администрацию, во главе которой поставили чиновников-монголов, а также киданей и тюрок.

Глава XIII

ПОХОД НА РУСЬ

*Тогда наведе бог на ны язык немилостив, язык лют,
не щадящ красы юны, немощи старець, младости
детей... Акы дождь с небеси, гнев господень ^[19]...*

Святитель Серапион, епископ Владимирский.

Проповедь 1240 года

У подножия Горы народов

Закончив долгую погоню за хорезмшахом Мухаммадом, Субэдэй и Джэбэ зимой 1220/21 года продолжили свою конную экспедицию. Во главе двух десятков тысяч всадников они подошли к стенам священного города Кума, который уже тогда был местом поклонения мусульман-шиитов. В этом городе, расположенном в 200 километрах от современной столицы Ирана, находится гробница Фатимы, сестры имама Резы, к которой устремлялись шиитские паломники. А их непримиримые соперники мусульмане-сунниты, по всей вероятности, пришли к монгольским командующим с подношениями в надежде, что те избавят их от этого города вероотступников. Раздробление державы хорезмшахов способствовало обострению подобных распрей на религиозной почве, что, по-видимому, было на руку монголам. Оба монгольских военачальника не заставили себя долго упрашивать напасть на город.

Потом пришёл черёд города Зенджана. Хамадан, согласившийся выплатить дань, кочевники обошли стороной и повернули в сторону Тебриза, расположенного между озером Урмия и Каспийским морем в иранской провинции Восточный Азербайджан. И там градоправитель предпочёл вступить с пришельцами в переговоры и заплатить цену, назначенную ими за сохранность города. Сделка эта была, несомненно, выгодна Тебризу, поскольку, избежав разрушений, он потом стал столицей государства Чингизидов в Иране. Несколько недель кочевая кавалерия провела на южном берегу Каспия, недалеко от устья реки Куры, где в

прибрежных степях нашла корм для своих коней. Но вскоре в самый разгар зимы захватчики снова сели в сёдла и, продвигаясь вдоль западного побережья Каспия, дошли до верхнего течения Куры — подножия Кавказа. Зажатый между Каспием на востоке и Чёрным морем на западе, Кавказ отделяет Южную Россию от Малой Азии. Именно в этой части света находится гора Арарат, на которую якобы сел ковчег Ноя, когда закончился потоп, и которая, таким образом, стала колыбелью человечества. И в наши дни Кавказ, прозванный «Горой народов», поражает этническим разнообразием населения: между устьем Волги и турецко-иранской границей говорят на индоевропейских, монгольских, семитических, тюркских, кавказских языках и наречиях.

Во времена Чингисхана большинство населения Кавказа составляли земледельцы, жившие в узких долинах. Правили там феодальные князьки, довольно воинственные и ревниво оберегавшие свою самостоятельность. Грузия, одно из самых крупных государств этого региона, возникла в результате слияния двух древних царств — Колхиды и Иверии. Расположенное между Армянским нагорьем и рекой Терек на севере, это государство образовалось как племенное объединение при участии хеттов. Страбон, Геродот, Ксенофонт и Плутарх отмечали, что с конца I тысячелетия до н. э. эта горная местность была довольно плотно населена, что там существовали города, которые чеканили монету. VI веке древняя Грузия пережила римскую оккупацию при Помпее, а в 368 году была занята войсками Сасанидского Ирана. Их изгнал грузинский царь Вахтанг I Горгасали, который основал город Тбилиси (Тифлис), позднее заменивший бывшую столицу Иберии Мцхету. В 337 году при царе Мириане III христианство стало государственной религией, и грузинское духовенство не замедлило приобрести значительную власть благодаря богатству своих храмов и монастырей, которые поддерживали отношения с епархиями Греции и Палестины. Во время правления династии Багратидов Грузия окрепла на фоне упадка Византии и ослабления Арабского халифата. В 1088 году Тбилиси был занят тюрками, но крестовые походы вернули грузинскому царству его былую славу. При Георгии III (1156–1184) и особенно в правление его дочери царицы Тамар (1184–1213) Грузия расширила свою территорию и добилась высокого уровня культуры византийского образца. И вот эта блестящая цивилизация столкнулась с вторгшимися монгольскими кочевниками.

По мнению средневековых летописцев, грузинские ополчения во главе с местной знатью представляли собой одну из самых мощных сил в регионе. И всё же в 1221 году они были сильно потрепаны монголами на

берегах бурной Куры возле Тбилиси. Но внезапно войска Чингисхана поменяли направление своего рейда, повернули в сторону Азербайджана и напали на несколько городов. К весне Чингисхан был готов двинуться на Средний Восток и осадить Багдад. Он направился в сторону реки Тигр, но по пути столкнулся с сопротивлением иранского города Хамадана, который, отказавшись вторично платить захватчикам дань, закрыл ворота. Тогда Субэдэй и Джэбэ взяли его штурмом, разграбили и подожгли.

Ближний Восток был в ту пору ослаблен внутренними распрями и вторжениями франков по всему Восточному Средиземноморью. Палестина была в руках европейцев, и с 1218 по 1221 год крестоносцы, высадившиеся в Думьате, угрожали Каиру. Аббасиды оказались между двух огней. Слабый заслон войск, выставленный перед Багдадом, в этот критический момент, когда арабы с трудом отбивались от ударов крестоносцев, не мог бы сдержать натиск монголов. Но их разведывательные службы, вероятно, не знали тогда об ослаблении арабов. Чем другим можно объяснить тот факт, что монголы не поддались искушению напасть на столицу халифата?

И вот Джэбэ и Субэдэй ещё раз повернули в сторону Кавказа, где встретили на своём пути ополчения грузинских феодалов, которые успели подготовиться и собрать значительные силы. В такой ситуации два монгольских военачальника прибегли к тактике, которая прежде всегда им помогала. Субэдэй появился со своей конницей перед рядами грузинской кавалерии, после чего, симулируя вынужденное отступление, в беспорядке ретировался. Грузины с победными криками стали его преследовать и, угодив в засаду, которую им устроили Джэбэ и подоспевший Субэдэй, были разбиты. Окрестные деревни подверглись разграблению, но Тбилиси уцелел. В течение веков грузинские поэты оплакивали судьбу разрушенных монголами селений, и до сих пор сохранилось много народных песен о чёрной поре монгольского нашествия на земли у подножия Кавказских гор. После монгольского вторжения в страны Закавказья грузинское царство пришло в упадок, и Чингизидская династия ильханов, подчинив остатки кавказских княжеств, включила их в свою империю, основанную в 1256 году Хулагу-ханом.

Волжские всадники

После победоносного рейда в христианское царство Грузию монгольские кочевники под командованием Субэдэя и Джэбэ перевалили через Кавказский хребет и дошли до южнорусских степей, расположенных

между Тереком и Кумой, впадающими в Каспий.

Монголы находились на расстоянии более пяти тысяч километров птичьего полёта от истоков Онона в Восточной Монголии. В действительности им пришлось пройти более восьми тысяч километров. Это невероятное расстояние они преодолели верхом, практически по бездорожью, без карт и компаса, посылая вперёд лишь разведывательные патрули и опрашивая местных жителей через толмачей. То был грандиозный конный поход, который, по мнению британского историка Гиббона, до них «никем не предпринимался и никогда не будет повторён».

По ту сторону Кавказского хребта, где степи протянулись до самой Волги, жили осёдлые народы, например аланы. Эти потомки древних сарматов испытали множество поворотов судьбы. Часть их в 375 году была рассеяна гуннами Аттилы, некоторые племена, смешавшись со свевами и вестготами, влились в поток великих варварских нашествий. Одни из них осели в Священной Римской империи вдоль Рейна, другие прошли дальше — до Галлии, а некоторые — и до Северной Африки (V и VI века). Однако значительная часть аланов осталась на территории между Каспием и Азовским морем у северных отрогов Кавказа. В X веке под влиянием Византии они приняли христианство и поддерживали отношения с другими христианскими народами, в том числе со славянами и грузинами. Аланов видел Рубрук во время своего путешествия в империю монголов. К тому времени аланы испытали столько иноземных влияний, что позабыли даже христианские обряды: «Они спрашивали — и многие другие христиане, например русины, венгры, задавали тот же вопрос: могут ли они надеяться на спасение при том, что они вынуждены пить комос (кумыс), есть мясо мёртвых животных или тех, что забиты сарацинами и другими неверными... и что они не знают, в какое время бывают посты, которые они, впрочем, не могли бы соблюдать, даже если бы всё про них знали».

Перед вторжением азиатских кочевников аланы (от одного из племён которых произошли современные осетины) вступили в союз с кавказскими горцами — лезгинами и черкесами. Внезапное появление кочевых захватчиков привело население Кавказа в замешательство. Армянский историк Киракос Гандзакеци (ок. 1200–1271), автор труда «История Армении», взятый монголами в плен и служивший у них секретарём, отметил, какой ужас вызывали у горцев степные всадники:

«Они были безобразны и ужасны, все безбородые, хотя у некоторых на подбородке или над губами росло по несколько волосков. Глаза у них были узкие и бегающие, голоса визгливые и громкие. Жизнь они вели трудную и были бесстрашны. Когда появлялась возможность, они непрерывно и

жадно ели и пили. Когда такой возможности не было, они терпели. Они ели всё живое, и чистое и нечистое, а больше всего была им по вкусу конина. Они рубили тушу на куски, которые варили или жарили без соли. <...> Некоторые из них ели, сидя на коленях, как верблюды, другие — сидя. <...> И если им приносили еду или питьё, то они сначала заставляли это попробовать, как будто боялись, что их отравят».

К аланам и кавказским горцам присоединились тюрки-кыпчаки (половцы), которые кочевали к югу от устья Волги. Эту коалицию, стеной вставшую на пути, монгольская конница готова была сокрушить. Люди Чингисхана, вероятно, были отлично осведомлены о противнике, поскольку им удалось расстроить этот пёстрый ансамбль. Они послали к половцам своих эмиссаров в сопровождении повозок, нагруженных товарами, чем и купили их измену. Дезертирство половцев нарушило ряды коалиции и привело к поражению аланов и их союзников-горцев. Вскоре после этого конница Джэбэ и Субэдэя снова была в седле и напала уже на лагерь половцев, которых также разбила. Разумеется, монголы вернули себе всё добро, которое незадолго до того послали для подкупа половцев.

Часть половцев приняла христианство, некоторые их племена поддерживали отношения со славянским населением Южной Руси. Один из кыпчакских вождей, некий Котян, выдал одну из своих дочерей замуж за князя Галицкого Мстислава. После поражения от монголов половцы стали искать помощи и, благодаря семейным связям, смогли заключить политический договор с Русью. Монголы же из Закавказья отправились на север, в сторону нижнего течения Дона.

Битва на реке Калке

Русь XIII века, названная Киевской — по имени одного из её княжеств со столицей в Киеве, — состояла из множества частей, как мозаичная картина. Она граничила на севере с Балтийским морем, на юге — со средним и нижним течением рек Буг, Днепр, Донец и Дон, на западе — с польскими и литовскими княжествами, на юго-востоке — с Венгрией и Валахией. Обширные, довольно засушливые степи юга современной Украины и Нижнего Поволжья были в руках половцев и печенегов, а громадные пространства к северо-востоку населяли угро-финские племена.

Территория Киевской Руси, составлявшая лишь часть современной Европейской России, была разделена на несколько княжеств, в той или иной степени соперничавших друг с другом, — Киевское, Владимирское,

Суздальское, Переяславское, Смоленское, Новгородское, Полоцкое, Галицкое, Черниговское и другие. Порядок наследования княжеского стола был от старшего брата к младшему и от дяди к племяннику. Вследствие этого княжеская власть не могла быть устойчивой, так как из-за брачных союзов и кончин младшие члены правящей семьи занимали освободившееся место, получая тем самым что-то вроде аванса при подъёме по «генеалогической лестнице». Эта сложная система наследования не позволяла княжествам поддерживать постоянные дипломатические отношения, и только при Петре Первом (1722 год) суверен получил право назначать себе наследника. На Руси, крещение которой произошло в конце X века, церковь оказывала сильнейшее влияние на все классы общества — бояр, свободных людей, холопов и рабов. Социальная иерархия не была столь жёсткой, как в странах Западной Европы, и люди свободно перемещались по рекам и лесам, осваивая не тронутые человеком земли.

В девственных степях существовал другой мир — кочевой, в котором понятие «ничья земля» было синонимом опасности. Восточные славяне веками подвергались многочисленным набегам азиатских кочевников. Между 1068 и 1219 годами половцы совершили более пятидесяти вооружённых вторжений, дойдя в 1096 году до стен Киева. Несмотря на мирные договоры, брачные связи и дани, поток кочевых орд не иссякал. Монголы как более организованные, дисциплинированные, более дерзкие нанесли по Киевской Руси, ослабленной непрочностью своих государственных институтов и распрями между князьями, последний, смертельный удар.

По предложению половцев князь Галицкий сумел убедить князей Смоленского, Черниговского и Киевского выступить совместно против опасных пришельцев. Джэбэ и Субэдэй, со своей стороны, послали князьям предложение союза против половцев. Превосходно осведомлённые о положении дел монголы сослались на два обстоятельства: половцы всегда были врагами русских, и теперь появляется возможность ударить по ним с двух сторон; половцы «идолопоклонники» в отличие от монголов, которые признают единого бога Тенгри Керуленово Небо. Но князья отвергли предложение монголов, и инициатива тут же перешла от дипломатов к военачальникам.

Князь Мстислав, собрав у себя в Галицкой земле дружину, отправился с ней вдоль течения Днестра в направлении степей к северу от Крымского полуострова. Другие князья спустились по Днепру к Чёрному морю. Соединение двух армейских корпусов (насчитывавших в общей сложности

около восьмидесяти тысяч человек) состоялось у нижнего течения Днепра близ острова Хортица (ныне в черте города Запорожье). Перед столь значительными русскими силами кочевники поначалу как будто отступили. Бежав в беспорядке, они тем не менее оставались поблизости. Русские князья вместе с отрядами половцев решили их преследовать, чтобы принудить к сражению. Двадцать тысяч монголов уходили от противника в течение девяти дней. Их эскадроны то появлялись на горизонте, то терялись вдали. Дойдя до реки Калки, впадающей в Азовское море, русские настигли конницу Джэбэ и Субэдэя недалеко от того места, где теперь находится город Донецк.

Дружины Мстислава и его союзников-половцев были готовы к бою, но остальные князья ещё не успели подойти. Вместо того чтобы дождаться их и ударить соединёнными силами, Мстислав с отрядами половцев завязали в мае 1223 года бой с монголами. А те уже поджидали их на заранее подготовленных удобных позициях. По сообщениям летописей, князь Мстислав со своими верными дружинниками, окружённые врагами, отважно сражались в течение трёх дней, прежде чем сдаться. Монголы казнили князя в отместку за гибель своих посланцев, которых русские князья закололи. Несчастного Мстислава завернули в ковёр и задушили — это считалось у монголов почётной казнью, поскольку совершается она без пролития крови и тем самым выказывается уважение к жертве.

Битва при Калке глубоко врезалась в историческую память русского народа, так как её печальный исход положил начало страшному нашествию кочевников.

На следующий день после поражения князя Мстислава Галицкого и его союзников-половцев русским князьям — черниговскому, смоленскому и киевскому — не хватило духу на погоню за азиатскими пришельцами. Уцелевшие в злополучной битве, которая стала первым из несчастий, причинённых русским людям монголами, рассказали князьям о том, как всё произошло. Это поражение стало сюжетом множества преданий, летописей, самые известные из которых — «Слово о погибели русской земли», Ипатьевская летопись и Никоновская летопись. Все они рисуют страшные картины ударов монгольского бича по жителям Руси.

Русские князья собрали кавалерию, но преобладала у них пехота. Почти все ратники носили шлемы, а некоторые — и кольчуги, но только люди знатные и состоятельные имели полное снаряжение. Закованные в железо, с боевыми знамёнами на древках пик русские воины выглядели великолепно. Издали их стальные ряды казались непробиваемыми. За каждым щитом, за спиной каждого ратника были тяжёлая секира,

обоюдоострый меч и копье. Монголам, которые наблюдали за русскими воинами в течение нескольких дней, они, с их рыжими бородами, закрывавшими половину красноватых лиц, казались похожими на свору псов. Кочевники, победившие всех противников, с которыми до тех пор им приходилось иметь дело, по достоинству оценили силу русского воинства. Но они знали, что этим ратникам недостаёт мобильности как в рукопашном бою, так и в тактическом маневрировании. Они были медлительнее монголов и менее собранными.

По сигналу, быстро переданному с помощью вымпелов по всем рядам их эскадронов, монгольские всадники мгновенно изготовились к движению. Ещё несколько хриплых выкриков, и на поле битвы, освещённое весенним солнцем, опустилась тишина. И вдруг раздалась команда, которую каждый из монголов ждал уже не один день. Кочевая конница ринулась в атаку.

Русские были застигнуты врасплох, когда вдруг на них помчались полчища невысоких лошадей. Теперь ратникам предстояло помериться силами с этими черноволосыми, одетыми в какие-то старые лохмотья всадниками, которые долго кружили неподалёку от их лагеря. Земля дрожала под ударами тысяч копыт. Нёсшиеся галопом маленькие лошади поднимали клубы пыли, которая накрыла людей и животных. Эта кавалерийская атака была похожа на цунами.

Вот монголы уже в ста метрах, в пятидесяти. Внезапно лавина стрел обрушивается на русские ряды, и в них появляются бреши. Не имея достаточного количества луков, ратники не могут ответить тем же. Но вдруг карусель лучников поворачивается и быстро оставляет поле боя противнику. Ратники смотрят на убитых, подбирают лежащие на земле стрелы и в бешенстве ломают их. Они ищут врага, который должен быть где-то впереди. Но все их передвижения несогласованны, они в замешательстве. И монгольская конница появляется вновь. Стрелы сеют смерть и ужас. В первых рядах слышны выкрики, проклятия. На один из русских флангов усиливается натиск. Там ждут приказов, но их всё нет, а в это время монголы выпускают по воинам все оставшиеся стрелы, после чего вновь стремительно уходят.

Так всадники на невысоких лошадях выматывали силы русских ратников. Короткие команды, крики, толкотня и замешательство. Второй ряд ратников смят лобовым ударом. Наконец раздаются долгожданные приказы, но их невозможно понять. Каждого затягивает поток отступающих. Степные всадники повсюду: поднятые сабли, торчащие пики. Они рубят раненых, находят тех, кто пытается спастись, и не дают им

это сделать.

Русская конница сражалась с большим упорством, чем пехота. Всадники лучше противостояли внезапным атакам и вихревым передвижениям напавших кочевников. Они били их на всём скаку, возбуждая себя громкими криками и рёвом. В многочисленных индивидуальных схватках, из которых слагались большие сражения Средневековья, возбуждение инстинктивно подсказывает бойцу жесты и движения, позволяющие защититься и спастись. То была жестокая игра, в которой смерть, словно в каком-то карнавальном танце, по своей прихоти выбирает жертву и в которой каждый танцующий может быть убийцей. В руке бойца любой кусок железа может стать орудием смерти: меч, отрубающий руки, боевой топор, рассекающий голову, копьё, пронзающее грудь или живот, разрывающее внутренности, части которых остаются на острых наконечниках, и даже зазубренный щит, которым в моменты предельного ожесточения рукопашной схватки разбивают лицо врага.

Внезапно рой всадников удаляется. Русские и монголы бродят по степям, словно ожидая друг от друга рокового удара. Но никто в тот последний день мая 1223 года не позаботился о раненых. И много дней после битвы никто не занимался павшими — так силён страх, охвативший берега Калки. Только дикие звери, бродившие по ближним степям и перелескам, осмеливались приблизиться к этому оставленному людьми месту. Только волки да вороны появлялись там, чтобы урвать свой кусок добычи.

Люди Субэдэя и Джэбэ, немного отдохнув, ушли на запад, в сторону Крыма, где вскоре достигли города Судака. Подобно многим другим населённым местам, разбросанным вдоль побережья Чёрного моря, этот город был когда-то колонией древних греков. Много веков спустя генуэзцы превратили его в свой торговый порт, где закупали меха и рабов для последующей их перепродажи в портах Средиземноморья. Монголы разграбили товарные склады Судака, но дальше вглубь Европы пойти не рискнули.

В конце 1223 года они направились на северо-восток и, продвигаясь вдоль берега Волги, добывали в разных местах провиант и фураж для лошадей. Так они дошли до среднего течения великой реки, где в неё впадает Кама, а в Каму — река Вятка. Там жили тюрки-булгары, которые основали своё государство, процветавшее благодаря торговле дарами леса и рек. В XII веке булгары стали склоняться к исламу, и Багдад послал им вероучителей и архитекторов. Два их города, Сувар и Булгар, похожие на караван-сарай, украсились мечетями и несколькими значительными

постройками. Булгарское государство чеканило свою монету и торговало ценными товарами (в том числе янтарём и моржовой костью), которые закупало у финно-угорского населения и на Востоке, в государстве хорезмшахов. Булгары, торговавшие также собольими мехами, развивали скорняжное ремесло и вызывали зависть некоторых русских княжеств, мечтавших заполучить славящиеся пушной коммерцией земли Средневолжья.

Таково было положение Булгарского царства, когда в него вторглись монголы. Они без труда справились с булгарами, разграбили их города и захватили все их богатства. Нагруженные ценной добычей, монголы прошли по восточному берегу Волги вниз по её течению и дальше вдоль южных границ Урала до севера нынешнего Казахстана, в район современного города Уральска. Тамашнее кочевое тюркское население подчинилось монголам и поэтапно вошло в большую армию Чингисхана, стоявшую лагерем к северу от Сырдарьи, откуда она возвратилась в Центральную Азию.

Монголы вернутся на Русь в 1237 году, через десять лет после смерти Чингисхана. Они установят своё господство над ней, которое продлится два с половиной столетия. На территориях к востоку от Иртыша внук Чингисхана Батый (Бату) создаст каганат, известный как Золотая Орда. Это государство, включавшее землю волжских булгар, южнорусские земли и Крым, будет последовательно и одновременно исламизироваться и тюркизироваться. Золотая Орда соперничала с каганатом Белая Орда во главе с Орду, братом Батыя. Золотая Орда прекратила своё существование в 1502 году под ударами Крымского ханства.

Русские люди всегда горько оплакивали несчастье, поразившее их родину. В течение многих поколений страшное время монгольского нашествия поминалось недобрым словом в летописях, сказаниях, былинах, как, например, в «Повести о разорении Рязани Батыем»:

«И храмы божии разорили и во святых алтарях много крови пролили. И не осталось в городе ни одного живого: все ровно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отца и матери о детях, ни детей об отце и матери, ни брата о брате, ни сродников о сродниках, но все вместе лежали мёртвые. И было всё то за грехи наши».

Глава XIV

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СТЕПЬ

Я совершил много злодейств и убил неисчислимое множество людей, не зная, было ли это справедливо. Но что обо мне подумают — мне безразлично.

Слова, приписываемые Чингисхану

Чингисхан не участвовал в походе на Русь, отправив туда своих военачальников. Сам он задержался в Хорезме. В свои 65 лет он уже не был тем энергичным воином, который когда-то ходил на меркитов и найманов. Он приблизился к закату своей жизни.

Чингисхан уже давно прислушивался к слухам, ходившим в Северном Китае, — о том, что один монах по имени Цю Чуцзи, ученик Ван Чжи, якобы обладает сверхъестественными способностями и даже знает тайну бессмертия. Прозвище его было Шань Шун, что значит Вечная весна. Монахом он стал в 1166 году. После учёбы в провинции Шаньдун — той самой, где за пять столетий до Рождества Христова родился Конфуций, Шань Шун учился у Ван Чжи, основателя одной из даосских сект, известного своим аскетическим образом жизни. Помимо того, что Шань Шун питался в основном фруктами и чаем и пользовался большим авторитетом на значительной части Северного Китая, о нём практически ничего не известно. В 1188 году он даже был принят при пекинском дворе, где его якобы просили остаться при императоре, но монах предпочёл удалиться от почестей и в 1191 году поселился близ Нинь-хая в Шануни.

Даосизм, учение, которое проповедовал Шань Шун, было основано Лао-цзы (Старый Учитель), который жил в VI веке до н. э. Эта «атеистическая религия», возникшая на почве конфуцианства, затем распространилась среди всех классов китайского общества. Даосская школа была порождена религиозным кризисом, которым в V–III веках характеризовалась интеллектуальная жизнь Китая. Многие мыслители, настроенные против официальной религии с её понятиями о взаимоотношениях человека и божеств, выступили против самой идеи священных обрядов, которые превращали культ в подобие торговой сделки между человеком и богами, полностью лишёнными сознания и движимыми

исключительно оккультными силами. Уставшие от официальной религии, которая была создана для обеспечения социального равновесия, они искали доктрину, которая принимала бы во внимание сознание индивида, его внутреннюю, духовную жизнь. Отсюда — идея взаимодействия микрокосма человека и макрокосма Вселенной, позволяющая найти единственно верный путь, ведущий к Дао (Небесный путь). Согласно даосскому учению, происходит непрерывная трансформация внешних начал этого пути — *ин* и *янь*, — чтобы строго соответствовать порядку, существующему в природе. Требованиям морали и конфуцианским правилам даосизм противопоставляет свой идеал жизни, в которой индивид вновь обретает совершенную простоту и созвучие ритмам мироздания.

Согласно каноническим текстам даосизма — «Дао Дэ Цзин» («Книга Пути и Добродетели»), приписываемой Лао-цзы, «Ле-цзы» («Книга учителя Ле»), «Чжуан-цзы» («Книга учителя Чжуана») — существуют несколько состояний, в которые попадают души людей после смерти: пребывание в могиле, существование в Девяти Темнотах Жёлтых Источников, жизнь рядом со Всевышним Господином. В даосизме существует целый пантеон бессмертных и блаженных наяда источников и духов гор.

Есть также гипотеза, согласно которой учение это было придумано библиотекарями, хранителями государственных архивов — чрезвычайно скрытной и консервативной корпорацией, ревниво оберегавшей свои знания в тех видах деятельности, которыми занимались тогда немногие, — в медицине, фармакологии, диетологии, а также в механике, астрологии, магии, гадании. По-видимому, именно это обстоятельство наряду с присущим даосизму культом природы позволило ему вербовать прозелитов за счёт официальной и почти государственной религии — конфуцианства.

Начиная с VI века в даосизме сложилось духовенство со своей иерархией, было возведено множество храмов. С новым вероучением стали сближаться аристократы, искавшие религиозного обновления. Сложные даосские ритуалы и литургия, аскетические практики не могли не привлечь монархов и интеллектуалов, готовых посвятить себя даосизму. К тому же считалось, что даосы умеют превращать загрязнённую воду в чистую, общаться с небесными божествами и даже способны раздобыть рецепт эликсира бессмертия. Поэтому некоторые из них пользовались большой известностью, особенно выходцы из провинций Сычуань и Шаньдун, где зародилось это вероучение. Из Шаньдуна происходил и Шань Шун. Он был не только алхимиком и астрологом, но и мыслителем.

Чингисхан решил пригласить к себе этого святого человека, слава о

котором дошла до степей Монголии. Воитель, ставший, по выражению Джувейни, «Владыкой мира», вероятно, готовился к другим завоеваниям, которые не совершаются с помощью сабли.

Путешествие Шань Шуна

Китайскому монаху было 72 года, когда он получил послание от хана. Несмотря на свой почтенный возраст, он решил предпринять долгое путешествие к летучему центру Монгольской империи. Решение довольно неожиданное: ведь он отправлялся к завоевателю его собственной страны, к тому, кто был повинен в её опустошении. Когда посланцы хана предложили ему ехать в караване повозок, в которых перевозили женщин, предназначенных для утех кочевого двора, Шань Шун якобы ахнул от возмущения. Конечно, его как философа-конфуцианца не могло не задеть, что учёного человека ставят на одну доску с женщинами.

Итак, в марте 1221 года Шань Шун выехал из окрестностей Пекина и медленно последовал дорогами, над которыми носились последние зимние бури и которые вели в земли всё более и более засушливые. Монаха сопровождал один из его учеников, который тщательно записывал и большие, и мелкие события, которыми было отмечено их долгое паломничество через Центральную Азию. Шань Шун был не первым из китайских путешественников, прошедших по этим землям. Ещё в 138 году Жань Клан встречал варваров юэджи к северу от Амударьи во время путешествия, которое привело его в Согдиану и Фергану. Между IV и XI веками буддийские монахи ходили в Индию, и были собраны путевые записи Фа Сяня (около 414 года) и Сюань Цзана («Записки о западных землях»), написанные в середине VII века. Позднее, в эпоху правления династии Тан, имперские комиссары Сю Канцзу и Сун Хуан писали отчёты о Джунгарии^[20] и Туркестане, а также о чжурчжэнях и киданях.

Рассказ Шань Шуна («Паломничество на Запад Совершенного Шань Шуна») в редакции его ученика — это достоверный путевой отчёт, который во многом согласуется с описаниями, оставленными европейцами Гийомом де Рубруком и Сен-Кентеном. В этом рассказе подробно зафиксировано всё, что вызвало удивление пекинского интеллектуала, отправившегося к самому могущественному «варварскому» властителю обитаемого мира.

В конце апреля 1221 года, когда зима подошла к концу, Шань Шун достиг берега реки Халха, где стоял лагерем Тэмуге, младший брат великого хана. «Лёд начинал таять, и из земли появлялась молодая трава.

Там праздновали свадьбу, приехали многие монгольские вожди, которые привезли с собой кобылье молоко. Мы видели несколько сотен повозок чёрного цвета и ряды войлочных шатров. На седьмой день Учитель (Шань Шун) был представлен принцу, который спросил его о способах продления жизни».

Шань Шуна не пригласили на свадебную церемонию, которая проходила в самом лагере кочевников, но Тэмуге распорядился передать даосскому монаху сотню лошадей и быков, чтобы снабдить его одновременно и транспортным средством, и продовольствием для сопровождающих на пути вплоть до пределов Афганистана, где в то время находился великий хан. Заметим, что гость не воспользовался Великим шёлковым путём, самой короткой дорогой от Пекина до берегов Амударьи. Начиная от Люояня, колыбели китайской культуры, Шёлковый путь разделялся на два направления: одно — на север пустыни Такла Макан, другое — на юг, через Хотан и Яркенд. Шань Шун же углубился далеко на север, пройдя через Монголию и Джунгарию. Этот большой крюк даёт повод поставить вопрос о степени самостоятельности народа сися и о реальном контроле монголами Западного Китая. Дело в том, что империя Си Ся Миньяг, попавшая в вассальную зависимость от Чингисхана в результате нескольких конфликтов 1205–1209 годов, отказалась предоставить китайскому путешественнику отряды конницы.

Пройдя по левому берегу реки Керулен, Шань Шун направился на восток, к верхнему течению Орхона. В середине лета он достиг ханской орды, где находились жёны и наложницы Чингисхана, ожидавшие возвращения своего господина. Бортэ приняла даосского монаха и угостила его кумысом и разными «белыми кушаньями». Китайские принцессы передали ему тёплую одежду (хотя дело было в середине лета) и разные подарки. Шань Шун отметил, что лагерь кочевников состоял из нескольких сотен войлочных юрт, паланкинов и более или менее постоянных «павильонов». В конце июля монах продолжил свой путь. По дороге он иногда встречал кучи камней: «Вершины гор были ещё покрыты снегом. У их подножия часто попадают *тумули*. На их склонах мы иногда замечали следы жертвоприношений духам гор». Шань Шун прошёл недалеко от развалин города Холуосяо и углубился в пески, с которых начинались засушливые земли мусульман.

В середине августа путник дошёл до города Чинкай-Балгасун, где увидел колонии военнопленных, в основном китайских, согнанных для выполнения разных работ. Среди них Шань Шун встретил бывших наложниц Цзинского двора, которые, увидев его, не могли сдержать слёз.

Местный градоправитель Чинкай, ссылаясь на распоряжения великого хана, попросил путешественника ускорить ход каравана. Шань Шун поторопился, но трудности перехода замедляли продвижение. Приходилось то толкать повозки по крутым склонам, то придерживать на опасных спусках. Пройдя долину Булгун, Шань Шун заметил, что сопровождавшие его караванщики обмазывают головы своих лошадей кровью, чтобы отвести от них злых духов, и дал им понять, что даос не нуждается в таких суеверных приёмах. Впереди уже были видны вершины Тянь-Шаня.

Каравану потребовался целый месяц, чтобы дойти до уйгурского поселения Бешбалык, находящегося в 100 с небольшим километрах к востоку от Урумчи. Дальше дорога стала легче. По пути уже то и дело встречались оазисы, и на поливных землях тянулись ряды фруктовых деревьев и хлебные поля по соседству с небольшими селениями, зажатými между дюнами. В этих местах, населённых в основном уйгурами, Шань Шуна встречали радушно, поскольку имя его было широко известно, хотя, разумеется, и его ученик, редактировавший путевые заметки, старался показать его в самом выгодном свете. В Джамбалыке Шань Шуна угостили вином и дынями. Наконец, оставив позади последний город, где было заметно влияние буддизма, караван вступил на земли ислама, которые принимали эстафету у Великого шёлкового пути. За озером Сайрам, близ перехода Тайки, путник обратил внимание на мосты через реки, построенные по приказу Чагатая, второго сына Чингисхана.

Тогда, в конце XIII века, монгольские завоеватели, видимо, уже не пренебрегали постоянными городами. Монгольские гарнизоны стали размещать в покорённых городах, управляемых *даругаси*, наместниками — пока ещё нередко из местных, — которые собирали налоги с населения и обеспечивали поставки оккупантам продовольствия и фуража. Так было и в городе Чингай-Балгасун, бывшей уйгурской столице Кара-Балгасун, который при Чингисхане находился в разрушенном состоянии и в котором тот не соизволил поставить свой шатёр. Не прошло и десятилетия после смерти великого хана, и Каракорум стал настоящим монгольским городом. Сначала это было поселение, называвшееся Хара-Хурэн (Чёрный Пояс), где собирались повозки *орду*, — подобие лагеря с жилыми юртами знати и военачальников, окружёнными многочисленными юртами служебного назначения, в которых размещались слуги, хранились продовольственные запасы, инвентарь, а также награбленное добро.

«О городе Каракорум да будет вам известно, — писал Рубрук, — что если не считать ханского дворца, то он не больше деревни Сен-Дени, а монастырь в Сен-Дени в десять раз больше того дворца. Там два квартала:

один сарацинский, в котором расположены рынки и собирается большое количество татар и послов, — из-за двора, который постоянно находится близ этого города; другой квартал китайский, который заселён ремесленниками. Кроме этих кварталов есть большие здания для секретарей двора». По сведениям Рубрука, в Каракоруме существовали в то время около десятка храмов «идолопоклонников различных народов», две мечети и одна христианская церковь. Город был окружён глинобитной стеной протяжённостью от трёх до четырёх километров с четырьмя воротами.

В октябре 1221 года Шань Шун достиг города Алмалык в центральной части бассейна реки Или, неподалёку от современного города Кульджа. Старец был принят наместником великого хана, который вручил ему подарки, и тот с удивлением узнал, что хлопчатник — это растение. Потом караван пересёк на судах реку Талас, которая была границей земель в Центральной Азии, завоёванных Китаем времён династии Тан. На другом её берегу начинался Мавераннахр. Сопровождавшие монаха знатные монголы предупредили его, что теперь они близки к ханской орде. Сам хан в то время преследовал хорезмшаха Джалал ад-Дина до границы Индии. Весь декабрь Шань Шун провёл в Самарканде.

В поисках эликсира долголетия

Наконец, весной 1222 года, через год после начала своего путешествия, Шань Шун прибыл к Чингисхану. Сначала он познакомился с Елюй Чуцаем (которого китайцы называют Его Превосходительство Цзиляо), а 16 мая великий хан принял своего гостя со следующими словами: «Тебя приглашали другие государи, но ты отклонил их предложения. И всё же ты прошёл десять тысяч *ли*, чтобы увидиться со мной. Я благодарен тебе за это».

Почувствовал ли старец в этих приветственных словах властную интонацию? Во всяком случае, ответ его был довольно утончённым: «Горный отшельник, я пришёл к Вашему Величеству. Это была воля Неба».

Чингисхан, веривший во всемогущество Синего неба, не мог, по крайней мере публично, выразить своё отношение к тонкому намёку на пределы его власти и предпочёл сразу перейти к делу. Авторитет даосского монаха зиждился на его предполагаемых способностях управлять некими потусторонними силами и знании секрета напитка, гарантирующего бессмертие. «Святой человек, какой эликсир бессмертия привёз ты мне из

твоей далёкой страны?» — «Я знаю средства для продления жизни, но не знаю ни одного для бессмертия», — мудро ответил китайский монах. Чингисхан, должно быть, оценил откровенность своего гостя и в знак своего расположения предложил ему поставить свой шатёр к востоку от его собственного.

Неизвестно, был ли хан разочарован словами старого монаха. Действительно ли он верил в существование такого эликсира? Его вопрос к монаху даёт повод считать, что в верованиях того времени он не был исключением, но главное — он был обеспокоен состоянием своего здоровья. И не случайно: ведь он скончался через пять лет, в тот же год, что и Шань Шун.

Был ли Чингисхану интересен китайский мудрец и без эликсира бессмертия? Когда завоеватель вновь отправился в поход на Хорасан и в земли современного Афганистана, старец предпочёл пойти в Самарканд. Атмосфера большого города, несомненно, подходила ему больше, чем быт военных лагерей. Его ученик Ли Чжишань сообщает, что старый учитель поселился в одном из городских особняков, где с ним прекрасно обращались. Он познакомился с местными учёными людьми, с образованными иранскими чиновниками, принимал киданей, перешедших на службу к монголам, и даже встречался с китайским врачом Угэдэя, сына Чингисхана. В путевых записках Шань Шуна беды, свалившиеся на государство хорезмшахов, едва упоминаются. И всё же есть свидетельства того, что даосский монах не был равнодушен к страданиям покорённого захватчиком мирного населения. Он даже попросил у одного градоправителя разрешения поддержать и утешить горожан, чьи дома были сожжены.

По отношению к войне монголов с государством хорезмшахов даосский монах сумел сохранить своё независимое мнение, даже если открыто и не высказывался о событиях, свидетелем которых ему довелось стать. В сентябре 1222 года, когда Чингисхан вновь призвал его к себе, он явился, но напомнил хану, что, согласно китайскому обычаю, даосский учитель освобождается от *куту* — коленопреклонения с касанием лбом пола. Монгольский повелитель милостиво позволил своему гостю стоять перед ним во время приёма. Вскоре после этого Шань Шун, ссылаясь на диетические предписания даосизма, отказался от кумыса, чашу с которым предложил ему Чингисхан. А потом старец дал понять покорителю мира, что не прочь вернуться домой: «Горный отшельник посвятил долгие годы поиску Пути и любит тишину. Когда я нахожусь рядом с Вашим Величеством, меня постоянно тревожит шум, который производят ваши

воины, и я не могу сосредоточиться». Объяснение было вполне откровенным: обстановка в лагере — солдатский гвалт, споры и драки конюхов, насилия над рабами и военнопленными, громкие песни во время пьяных кутежей — конечно, не могла привлечь китайского интеллектуала. Выслушав от толмача перевод этих слов гостя, Чингисхан решил отпустить старого монаха на родину.

Шань Шун осуждал разрушения, массовые высылки и казни, совершавшиеся монгольскими оккупантами. Несмотря на эту критику, хан продолжал встречаться со своим гостем. Когда тот излагал ему основы даосизма, Чингисхан велел своим жёнам и военачальникам покинуть шатёр, и там остались только два собеседника, толмач и несколько самых доверенных людей. По-видимому, хан хотел придать своему разговору с мудрецом характер частной беседы, но распорядился сохранить отчёты об их встречах. Из рассказа, записанного учеником монаха, следует, что тот изложил своему державному хозяину некоторые принципы даосской философии. Он, например, сказал ему следующее:

«Сейчас все, от императоров и принцев до самых простых людей, при всех их различиях сходны в одном: все они обладают «естеством». Все императоры и монархи суть небесные существа, изгнанные с неба. Если они сумеют быть добродетельными на земле, то на небе займут ещё более видное место, чем прежде. Попробуйте спать в одиночестве целый месяц. Вы будете удивлены увеличением ваших интеллектуальных способностей и притоком энергии. Древние говорили: «Принимать лекарство в течение тысячи дней помогает меньше, чем если провести в одиночестве одну ночь»».

Неизвестно, понял ли Чингисхан глубинный смысл этих слов. Монгольский завоеватель был далеко не таким неотёсанным и грубым, как его иногда описывают. Способный постигать суть явлений, он был склонен интересоваться новыми для себя идеями, и нельзя исключать, что этот воин мог извлечь из поучений Шань Шуна что-то для себя полезное. Крайний аскетизм, цельность и сила характера даосского монаха не могли не привлечь его. Как уже отмечалось выше, Чингисхан интересовался разными религиями. Быть может, в данном случае это и было простое любопытство в отношении неизвестных ему верований?

Когда в ноябре 1223 года старый философ выразил желание вернуться в Китай, стояли уже сильные холода. Из-за непогоды путешествие могло оказаться опасным для старца. Чингисхан предложил ему повременить с отъездом. Сам он ожидал приезда сыновей, чтобы вместе с ними вернуться в Монголию. Почему бы им не отправиться в путь всем вместе? И Шань

Шун согласился. Быть может, он хотел посмотреть на сыновей великого хана? Или же ему было приятно общаться с властелином, которого в глубине души он надеялся наставить на путь, более соответствующий даосскому учению? Или же он просто-напросто решил, что благоразумнее перезимовать в Мавераннахре?

Новый год по китайскому календарю (2 февраля 1223 года) Шань Шун встретил в компании своих спутников и придворного врача-астролога. 10 марта Чингисхан во время охоты на кабана упал с лошади. В летописи говорится, что это случилось, когда хан пошёл на раненого свирепого вепря. Скорее всего, авторы хроники добавили от себя это романтическое обстоятельство. Хана перенесли в шатёр, его состояние внушало тревогу. Ему было тогда около семидесяти лет, и опасались какого-нибудь повреждения внутренних органов. Навестивший его Шань Шун заключил: «Это падение — предупреждение с небес». Потом он отчитал хана, заявив, что в его возрасте уже не охотятся. Чингисхан ответил, что знает Шань Шуна как мудрого советчика и отныне будет считаться с его мнением. Но добавил, что ему невозможно обойтись без того удовольствия, которое доставляет охота.

По этому последнему разговору между всемогущим владыкой и даосским монахом можно судить, насколько различны характеры этих людей. С одной стороны — предводитель варваров, жадный до власти и удовольствий. С другой — интеллигент, аскет, человек сдержанный, следующий этическим правилам и глубоким убеждениям, которые предполагают преображение индивида, а не окружающего мира. Не будучи советником властелина, старый монах умел его критиковать, хотя и не мог никак повлиять на решения завоевателя. Но как преданный адепт даосского учения он, возможно, и пытался это сделать.

В апреле 1223 года Шань Шун покинул ставку великого хана. Тот вручил ему разные подарки и скреплённый собственной печатью декрет, который освобождал учеников мудреца от всяких налогов.

На пути в орду

Весной 1223 года Чингисхан оставил район Самарканда, где проводил зиму, и отправился вдоль северного берега Сырдарьи в район Ташкента. Теперь хан был хозяином обширной империи, простиравшейся более чем на четыре тысячи километров с запада на восток — от Самарканда до Пекина. Его армия, состоявшая не только из монгольских, но и иноземных

формирований, уводила с собой тысячи пленных, среди которых были члены семьи хорезмшахов. Все они были обречены на долгую неволю в Монголии.

В конце весны и начале лета 1223 года Чингисхан остановил свой летучий двор (орду) в долине реки Чирчик, севернее Ташкента. Персидские хроники сообщают, что хан восседал на золотом троне, окружённый своими сподвижниками, отдавался радостям охоты, а государственные-дела его совсем не занимали. Рядом с ним находился его младший сын Тулуй, вскоре прибыли Угэдэй и Чагатай, которые со своими войсками зимовали в районе Бухары. Джучи, стоявший лагерем немного севернее, организовал большую охоту, погнав в направлении долины Кулан-Баши тысячи животных, которые стали добычей хана и его сыновей.

Вскоре после этого объединённая армия Чингисхана продолжила путь на северо-восток, направляясь к пустынным степям высокогорной Азии. Позади себя она оставляла агентов и небольшие гарнизоны, которые должны были контролировать покорённые земли. Монголы почти всюду находили людей, которых убеждением, подкупам и угрозами заставляли служить себе, назначая их на административные посты в губерниях. Великий хан, пресыщенный победами, мог с триумфом возвращаться на родину. Империя Миньяг была побеждена и сделана вассалом, огромный цзинский Китай покорён, империя хорезмшахов опустошена, а другие соседние владения также были вынуждены признать монгольское владычество. Чингисхан владел частью мира от побережья Тихого океана до Каспийского моря.

Прибыв в Тарбагатай на берегах реки Итиль, завоеватель был встречен посланцами из орды, где оставались его любимая жена Бортэ, другие жёны и наложницы и многочисленная родня. Среди прибывших всадников были двое его внуков — Хубилай и Хулагу, сыновья Тулуя, оба примерно двенадцати лет от роду. Хану рассказали, что один подросток подстрелил зайца, а другой — оленя. Согласно кочевой традиции, полагалось натереть животным жиром большой палец ребёнка, который впервые участвует в охоте, так как этим пальцем он держит стрелу на тетиве лука. Чингисхан пожелал лично исполнить этот ритуал, который посвящал его внуков во взрослую жизнь. Хубилай со временем станет императором Китая, а его брат Хулагу будет править в Иране.

В 1224–1225 годах Чингисхан несколько месяцев провёл на берегах великой сибирской реки Иртыш. Возможно, ему надо было оправиться после падения с лошади. А может быть, он в это время наслаждался отдыхом от ратных дел. И только весной 1225 года, после шестилетнего

отсутствия, по большей части прошедшего на полях сражений, он достиг берегов Туула.

О событиях, которые происходили в эти годы в Монголии, ничего не известно. По всей видимости, порядок, установленный великим ханом, не нарушался ни внутренними мятежами, ни внешними угрозами. Тем не менее ходили кое-какие слухи (о которых стало известно только в XVII веке благодаря монгольскому летописцу Санан-Сэцэну) об обиде и ревности Бортэ, первой жены хана. Когда тот отправился в поход на державу хорезмшахов, то взял с собой одну из новых фавориток — юную Кулан, и Бортэ якобы была этим уязвлена. Она отправила своему господину послание, в котором давала понять, что соперничество принцев угрожает его власти: «Нельзя надеть два седла на одну лошадь. Верный министр не может служить двум господам одновременно». И тогда Чингисхан решил ускорить своё возвращение в Монголию. По пути он, обеспокоенный тем, как его встретит жена, якобы отправил ей письмо, а Бортэ, женщина столь же терпеливая, сколь и опытная, послала ему такой ответ: «На озере, по берегам которого растут розы, много диких гусей и лебедей. Хозяин может стрелять по ним, когда пожелает. В племенах много молодых девушек и женщин. Хозяин может по своей воле выбрать счастливиц. Он волен взять себе новую супругу. Он волен оседлать необъезженного скакуна».

Этот, по всей вероятности, апокрифический эпизод был сочинён, чтобы подчеркнуть привязанность Чингисхана к своей первой жене, и это чувство, по всей видимости, было вполне искренним.

Последний поход

После своего возвращения из мусульманских стран Чингисхан прожил мирно не более года. Китайский колосс, несмотря на причинённые ему разрушения и унижения, несмотря на частичную оккупацию его территории отрядами монголов и их союзников, не был покорён. Словно тлеющие под пеплом угли, то и дело вспыхивали восстания и бунты. Их подавляли, но они вспыхивали вновь.

Мухали, который оставался в Китае в качестве имперского наместника Маньчжурии, старался установить там порядок, усердно собирал налоги и пытался создать новые воинские формирования. По-видимому, он прислушивался к советам некоторых перешедших к нему на службу китайцев. Когда один военачальник из армии чжурчжэней подсказал ему, что постоянные грабежи приводят к мятежам, он якобы подтянул

дисциплину в своих войсках. Такая «гуманизация» войны принесла свои плоды. Но одних монголов было недостаточно, чтобы поддерживать порядок на завоёванной ими территории империи Цзинь. Китаизированные чжурчжэни и кидани совместно с китайцами дали монголам то, чего им больше всего не хватало, — пехоту для взятия городов и селений. Монголы незаметно стали китаизировать свои войска и аппарат управления.

Постоянная потребность в новых воинских формированиях вызвала осенью 1226 года новый конфликт монголов с империей Миньяг, отделявшей Монголию от Тибета.

В 1219 году, накануне похода в земли мусульманского Востока, Чингисхан повелел правителю сися поставить ему отряды конницы. Тот, находясь под влиянием одного из своих советников, некоего Ашагамбу, отказался повиноваться и послал хану оскорбительный ответ: «Если у Чингисхана недостаточно сил для того, что он собирается предпринять, почему он взял на себя роль императора?» Занятый развёртыванием военных операций в Мавераннахре и Фергане, предводитель монголов продолжил поход в земли ислама, где ему предстояло «убивать людей, как косят траву».

Но неповиновение правителя Миньяга крепко запомнилось Чингисхану. В течение всех шести лет военных походов он не забывал об этом «вероломстве» сися. По возвращении домой он решил отомстить, тем более что государство Миньяг, считавшееся его вассалом, демонстрировало притязания на независимость. Вновь была произведена мобилизация кочевых кланов. Орхоны и нойоны собрали тысячи запасных лошадей и вьючных верблюдов. Чингисхана в походе сопровождали его сыновья Угэдэй и Тулуй, а также одна из его любимых наложниц Есуй.

Вопреки советам Шань Шуна Чингисхан не отказывал себе в удовольствии поохотиться. И второй раз упал с лошади. Перед ним внезапно появился табун несущихся галопом диких лошадей. Его лошадь испугалась, встала на дыбы, потом понесла, таща по земле сброшенного с седла всадника. Хана отнесли в шатёр. У него были сильные внутренние боли, начался жар. Было решено стать лагерем на месте. Есуй отправила в орду извещение о произошедшем несчастном случае.

Один из военачальников хана, Толун-Чэрби, предложил повернуть обратно и отложить поход на Миньяг. «Сися, — говорил он, — народ осёдлый, города у них защищены стенами, селения постоянные, и поэтому они не могут уйти, как уходят кочевники. Когда мы вернёмся, они будут на том же месте». Большинство орхонов поддержали Толун-Чэрби. Только сам Чингисхан изрёк противоположное мнение: «Если мы уйдём, сися станут

утверждать, что у нас не хватило духа напасть на них». Тем не менее он согласился с предложением послать правителю Миньяга ультиматум. Тот под угрозой вторжения должен был его принять. Но советник Ашагамбу опередил Чингисхана, отправив ему надменное послание: «Если монголы хотят сражения, пусть приходят в Алашан, в мой лагерь с шатрами и навьюченными верблюдами, и там мы померяемся силами. Если им нужно золото, серебро, шелка и другие богатства, пусть приходят за ними в наши города Эрикая (Нинся) и Эридже (Ляньчжу)». Выведенный из себя высокомерием Ашагамбу, Чингисхан тут же отдал приказ выступить. Превозмогая боль, он объявил, что дойдёт до столицы Миньяга.

В марте 1226 года армия Чингисхана вошла на территорию Миньяга, продвигаясь вверх по течению реки Эдзин-гол в сторону гор Наньыань. Конница шла через *гоби* — обширные полупустынные долины, покрытые лишь отдельными пучками чахлой растительности, — и приблизилась к обитаемым землям, по которым проходил знаменитый Шёлковый путь. Небольшие города процветали там благодаря почтовым станциям, на которых производилась смена верблюдов и лошадей, присутствию караванщиков и гарнизонов. Такими пунктами были Сучжу и Ганьчжу, через которые караваны проходили на пути в Дуньхуан. Эти города испытали на себе иностранное влияние, в основном Центральной Азии, а также Тибета, Индии и Дальнего Востока через буддизм и христианство несторианского толка. Монголы овладели ими без особых затруднений. Они могли там жить на широкую ногу благодаря обнаруженным в местных житницах запасам зерна. Но вскоре установилась невыносимая жара, и Чингисхан провёл некоторое время в горах неподалёку от оазисов.

В течение лета монголы провели наступательную кампанию. Ашагамбу, стоявший со своими войсками лагерем в Алашане, был побеждён. Захватчики не знали меры в бесчинствах, и тысячи мирных жителей прятались от них в пещерах и окрестных горах. Грабёж был всеобщий. Чингисхан поймал Ашагамбу на слове: забрал себе его казну, его драгоценные шелка, его шатры и распределил его стада верблюдов между своими людьми. Потом он приказал, чтобы всё население Си Ся, захваченное им в плен, было отдано в распоряжение его воинов. Все мужчины боеспособного возраста были перебиты. Империи Миньяг не суждено было восстановиться после опустошения, произведённого полчищами Чингисхана. Через несколько недель после победы над Ашагамбу конница хана овладела городом Ляньчжу. Уже было недалеко до вражеской столицы Нинся. Город, построенный на берегу Хуанхэ, был окружён мощной защитной стеной и располагал значительными запасами

воды и продовольствия. Монголы начали осаду.

Тем временем Угэдэй, в том же 1226 году, поспешил в Китай. Хотя власть Кайфэна и была поколеблена, он ещё был способен черпать своих сторонников из огромных человеческих резервов Китая. Угэдэй прошёл вдоль течения реки Вэй, потом пересёк провинцию Хэнань и подошёл к столице чжурчжэней. Насмерть перепуганные власти Кайфэна поспешили вступить с монголами в переговоры, по-видимому, стараясь выиграть время. Войска у них тогда ещё не были собраны, и кое-каких военных успехов они смогут добиться только через два года, но то будут последние вспышки активности угасающей династии.

Предстояла осада города Нинся, в котором находились резиденция Ли Яна, правителя Миньяга, и весь его двор. Столица империи Си Ся была расположена на левом берегу Хуанхэ, а с востока её охраняла горная цепь Алашан. Нинся был крупным центром торговли на подступах к великой пустыне Гоби. Там торговали тканями, коврами из белой верблюжьей шерсти, изделиями из шёлка, оружием. В городе жили бок о бок общины буддистов и несториан, существовали три несторианские церкви.

Пока за городскими стенами шла подготовка к обороне, за их пределами кочевники расставили свои силы таким образом, чтобы из города никто не мог выйти. Чингисхан и часть его конницы разорили несколько районов, а в это время сыновья великого хана врывались со своими всадниками в небольшие городки и опустошали их беспощадно, получив от отца строгий приказ не оставлять в живых ни людей, ни собак, ни кур. Сам хан взял на себя командование несколькими полками. В 1227 году он, по-видимому, перемещался между руслами рек Хуанхэ и Вэй в верхнем течении, в окрестностях городов Ланьчжу и Лунди, вблизи гор Люпан. Когда жара усилилась, он разбил лагерь у подножия Люпаншаня, где было прохладнее, и там расположился на отдых.

Правитель Миньяга Ли Ян, запертый в своей столице, пытался как-то выиграть время. То ли он рассчитывал, что подойдёт подмога, то ли надеялся, что монголы, устав от долгой осады, решат уйти от города. Но в первой половине июня Ли Ян, должно быть, решил сдать столицу. Он отправил в лагерь врага посланцев, через которых просил у Чингисхана один месяц на подготовку капитуляции.

Через несколько недель после этого Ли Ян выехал из Нинся, чтобы объявить об условиях капитуляции. Его сопровождали многочисленный эскорт и слуги, которые несли ценные дары для победителей. Это были золочёные изображения Будды, золотые и серебряные чаши и кубки, юноши и девушки, лошади и верблюды — всё числом девять, которое у

монголов считалось счастливым. Неизвестно, сдался Ли Ян монголам по истечении испрошенной им отсрочки, то есть в середине июля, или же несколько недель спустя. Ли Ян был препровождён к императорскому шатру, но к самому хану его не допустили, приказав приветствовать повелителя «через приоткрытую дверь».

Когда Ли Ян вручал свою капитуляцию Чингисхану, тот был, вероятно, уже мёртв. Вполне возможно, что вождь сися сдался пустому трону, но этого он так и не узнал, так как, по приказу хана, сразу же был казнён. Как бы он поступил, если бы узнал о смерти Чингисхана? По-видимому, монгольский штаб до конца делал вид, что их повелитель, способный мановением руки «собирать тучи», жив и здоров. По сообщению «Истории Юань» («Юань Ши»), завоеватель умер 18 августа 1227 года в результате внутреннего кровоизлияния — и не под стенами Нинся, а на 300 километров южнее, близ современного города Пиньянь на востоке провинции Ганьсу, у южных границ автономного района Нинся. Потом монголы якобы перенесли его останки в Нинся на то время, пока опустошали город. Часть покорённого населения была отправлена в Монголию, тысячи семей были отданы наложнице Чингисхана Есуй, сопровождавшей его в последнем походе, который он завершил наперекор собственной смерти.

Согласно преданию, Чингисхан успел решить вопрос о преемниках в присутствии двух своих сыновей — Угэдэя и Тулуя. Чагатай при нём не было: он воевал в местах, находившихся на расстоянии нескольких дней пути верхом. Что касается угрюмого и вспыльчивого Джучи, то он умер в феврале 1227 года, за полгода до отца. Согласно «Сокровенному сказанию монголов», Чингисхан, как мы помним, родился, держа в кулачке сгусток крови. Это считалось знаком будущего воина. И примета сбылась: до самого порога смерти, настигшей его в 72-летнем возрасте, он всегда оставался воином, да и после смерти его приказы строго исполнялись. «Сокровенное сказание монголов» сообщает, что, узнав от астрологов о некоторых небесных эволюциях, он объявил: «Когда семь планет сойдутся, наступит время заканчивать войну».

Какое именно расположение планет имел в виду монгольский завоеватель? Этого мы, конечно, не знаем, но известно, что в 1145 году, примерно за десять лет до рождения Тэмучжина, над Землёй прошла комета Галлея, а в 1222 году, за пять лет до смерти Чингисхана, она вновь прошла по перигею.

Глава XV

ТОТ, КТО КОВАЛ ИМПЕРИЮ

Мои потомки будут носить шитые золотом одежды, вкушать изысканные яства, гарцевать на великолепных скакунах и сжимать в своих объятиях самых красивых юных женщин. И они забудут, кому обязаны всем этим.

Слова, приписываемые Чингисхану

Как жаль, что сверхчеловеческая слава своего времени — Чингисхан — стрелял из лука только по орлам.

Мао Цзэдун

Когда Чингисхана, сумевшего объединить монгольские племена, не стало, огромная часть Евразии всё ещё переживала потрясения от нашествия кочевников. Их свирепые волны прокатились от сибирской тайги до берегов Инда, от побережья Тихого океана до Чёрного моря. Упорство и честолюбие Чингисхана, его бесспорные способности вождя и стратега позволили ему стать политическим и военным гением. Под его управлением отряды скотоводов превратились в стремительную и непобедимую конницу, разрозненные и враждовавшие друг с другом племена объединились под одним знаменем. Пастухи, бороздившие вместе со своими стадами степи, образовали грозную конфедерацию, заставлявшую дрожать от страха государства Дальнего и Среднего Востока и восточных регионов Европы.

Но человек, сумевший выковать эту империю, до сих пор остаётся малоизученным историческим персонажем. Китайские летописи, мусульманские, армянские, грузинские, русские хроники, повествующие о человеке, начавшем монгольское завоевание, неточны, зачастую недостоверны, и потому на них не следует всецело полагаться. Что касается «Сокровенного сказания монголов», то, как мы это не раз видели, оно слишком часто преувеличивает свершения Чингисхана и его сподвижников,

чтобы его можно было считать настоящим историческим источником. Его авторы, по заказу расточавшие похвалы властелину, участвовали в создании пропагандистского сочинения или, во всяком случае, весьма приукрашенной истории, воспевающей славные подвиги и политические успехи завоевателя. Они писали об исключительном герое, гордом аристократе степей, который умел храбро сражаться на поле боя, а в тени своего шатра вынашивать хитроумные планы устранения соперников и укрепления своей власти. Плано Карпини, армянский автор Хетум и даже Жуанвиль, косвенный свидетель монгольского нашествия, каждый по-своему отмечали, что монгольский суверен учредил строгую систему правосудия и заложил основы определённого социально-политического строя.

В противоположность им авторы, которые были свидетелями нашествия кочевых орд на их родину, единодушны в осуждении насилий и бесчинств, творимых воинством Чингисхана на покорённых землях. Было бы утомительно вновь пересказывать описания осаждённых, а затем сожжённых городов, пленных, зарезанных наёмниками или угнанных в Монголию. Арабские летописцы называли Чингисхана Бичом Аллаха. Ибн аль-Асир (1160–1223) гневно обличал захватчиков: «Среди самых известных в истории трагедий обычно упоминают избиение Навуходоносором сынов израилевых и разрушение Иерусалима. Но это ничто в сравнении с тем, что ныне происходит. До конца времён мир не увидит подобной катастрофы». Эта устрашающая картина нашествия орд Чингисхана веками сохранялась в коллективной памяти народов.

Итак, грубый варвар, главарь банды грабителей? Восточный деспот, снедаемый непомерным честолюбием и одержимый губительным политическим проектом? Искушённый государственный деятель, у которого цель оправдывает средства? Мудрый завоеватель, твёрдо решивший обеспечить монгольским народам место под солнцем? Ловкий диктатор-оппортунист, оседлавший завоевательную волну? Портрет человека, выковывавшего Монгольскую империю, может обретать самые разнообразные черты, но никогда не получит окончательного завершения.

В XX веке историки нередко предлагали более спокойный образ Чингисхана, существенно снижая пафос обличений его свирепости. Несмотря на всё, что известно о разорённых городах, угнанном в неволю или перебитом монголами населении, они склонны отмечать в завоевателе некоторое чувство справедливости, верность данному слову, а также настоящую душевную широту, необходимую для перехода от варварства к цивилизованному поведению.

Так, в 1935 году Фернан Гренар, биограф Чингисхана, писал: «Он бы согласился с Монтенем, говорившим, что «великое достижение человека — прожить жизнь кстати»... Он пылко отдавал всего себя той роли, которую исполнял. <...> Он любил жизнь ради неё самой и не мучился поисками её смысла. Он наслаждался ею со спокойной радостью, не увлекаясь извращёнными изысками, не поддаваясь смутным страстям. <...> Ревниво защищая своё достояние и свои права, он был щедр к другим... Он осознавал своё величие и масштабы своей славы, не впадая при этом в высокомерие или тщеславие».

Несколькими годами позже русский монголовед Б. Я. Владимирцов писал: «Чингисхан предстаёт перед нами как воплощение степного воина с его практическими и грабительскими побуждениями. Только исключительная сила воли позволяла Чингисхану обуздывать эти инстинкты, брать над ними власть ради достижения высших целей. <...> Чингисхан неизменно отличался щедростью, великодушием и гостеприимством. <...> Но его привыкли изображать как жестокого, коварного и грозного деспота... Он всегда воздерживался от актов бессмысленной дикости. <...> Чингисхан не мог и не хотел быть простым убийцей... что не мешало ему время от времени совершать разрушения... когда такая мера диктовалась военной необходимостью».

Рене Груссе также рисует довольно привлекательный портрет монгольского хана. Полагая, что кровавые эпизоды его завоеваний были следствием «скорее жестокости среды, особенно характерной для монгольского ополчения, нежели прирождённой свирепости», он подчёркивает, что массовые убийства были частью самой «системы войны», которую кочевники вели против осёдлого населения. Не ставя под сомнение сведения о грабежах и убийствах, практиковавшихся завоевателями, автор «Степной империи» рисует её основателя как человека «трезвого ума, здравомыслящего, необыкновенно уравновешенного, умеющего слышать собеседника, верного в дружбе, щедрого и доброжелательного при всей его суровости, обладающего талантами правителя, если только подразумевать управление кочевым населением, а не осёдлыми народами, особенности хозяйствования которых он плохо понимал... Наряду с варварскими и жестокими чертами мы находим в нём бесспорно возвышенные и благородные побуждения, благодаря которым персонаж, «проклятый» мусульманскими авторами, приобретает человеческие качества».

Луи Амбис, в основном соглашаясь с мнением Груссе, добавляет (1973): «Чингисхан никогда не отправлялся в поход без того, чтобы взять с

собой одну из своих жён. Он был человеком спокойным и очень солидным, не увлекающимся, сдержанным и утверждал свою власть так естественно, что её редко кто оспаривал. Он интересовался верованиями побеждённых им народов, не проявляя восторгов перед каким-либо из них, полагая, что все моральные правила хороши и ни одно из них не лучше прочих... Таковы были причины его успеха и возвышения. Никогда никто не достигал такого могущества с меньшей, чем у него, гордыней».

Наконец, тюрколог Жан Поль Ру пишет в своей «Истории тюрок», что «ни у Чингисхана, ни у его людей нет ни особой тяги к убийствам, ни изощрённого садизма. Это просто великолепно организованные варвары, которые применяют определённую систему вплоть до её крайних последствий. Они воюют, поскольку для них естественно быть либо убийцей, либо жертвой. <...> Их поведение можно сравнить с механизмом, запускающим взрыв атомной бомбы; они не боятся ответных насильственных действий, так как у них нет городов. Без какой-либо особенной злобности они преследуют прежде всего свои интересы».

Можем ли мы согласиться с Рене Груссе в том, что Чингисхан был человеком «трезвого ума» и «необыкновенно уравновешенным», или с Владимирцовым, считавшим, что монгольский повелитель «отнюдь не отличался кровавой жестокостью», или с Амбисом, который характеризовал его как «человека спокойного, солидного, не склонного к увлечениям»? Такого рода снисходительность по отношению к завоеваниям монгольского хана удивляет, ибо последствия их были чрезвычайно тяжёлыми. Г. В. Вернадский оценил человеческие потери от походов кочевников за пределы Монголии во многие миллионы убитых.

Человек клана

Сведения из доступных в наши дни первоисточников не дают возможности чётко охарактеризовать, не говоря о том, чтобы описать и понять, личность Чингисхана. Для каждого поворота его земного пути может появиться какая-нибудь новая информация, дополняющая этот сложный, противоречивый образ.

Он, бесспорно, был из тех натур, к которым приложимо английское выражение *self made man* (человек, сделавший себя сам). Хотя он и претендовал на принадлежность к одному из знатных родов, нет оснований признавать за ним «царское» происхождение. Его отец Есугей был *баа-тур* (храбрец), создавший собственный клан борджигинов, состоявший из его

родственников и небольшого числа преданных ему людей. Он предпринимал более или менее успешные рейды против татар и чжурчжэней. Тэмучжину мало помог авторитет отца, который умер, когда он был ещё ребёнком, и смерть которого повлекла за собой упадок созданного им клана.

Семью спасла Оэлун, вдова Есугея, которая не покладая рук вела домашнее хозяйство. Следует подчеркнуть особую роль Оэлун в жизни Чингисхана. Она не отреклась от своего старшинства даже в ту пору, когда её сыновья, и в первую очередь старший, обрели могущество и славу. При любых обстоятельствах она бесстрашно позволяла себе осуждать их неправильное поведение, даже когда за ними стояли свирепые соратники. Около 1206 года, когда Чингисхан заподозрил своего брата Джучи-Хасара в интригах против него и велел его арестовать, Оэлун вмешалась, и, как сообщает «Заповедная история монголов», Чингисхан сказал тогда: «Я боюсь матери, перед ней мне бывает стыдно». Причиной такого сыновнего послушания могли быть твёрдая воля и власть матери или убийство сводного брата Бектера. Как бы то ни было, Чингисхан боялся её всё время, пока она была жива.

По совету своей жены Бортэ Чингисхан принял решение окончательно порвать со своим другом детства Джамухой. Мы помним, как он, обеспокоенный поведением своего *анда*, пошёл за советом к матери, но Бортэ вмешалась в разговор и убедила мужа оставить своего соратника. Возможно, именно благодаря Бортэ будущий хан смог возвыситься уже вполне самостоятельно, став при этом открытым соперником Джамухи.

Другой описанный ранее эпизод также свидетельствует о том внимании, с которым Чингисхан относился к мнению женщин: накануне его похода против империи хорезмшахов Есуй попросила его решить вопрос о преемнике. И Чингисхан, разгромивший татар и керэитов, завоевавший империю Цзинь, согласился с доводами своей наложницы. Больше того, он публично объявил, что ценит её слова — те, с которыми ни один из его близких не осмеливался к нему обратиться!

Существует мнение, что у Чингисхана были сотни женщин. Судя по некоторым не поддающимся проверке рассказам, он якобы даже скончался в объятиях одной из наложниц, которая поднесла ему отравленный напиток. Одна из позднейших хроник (датируемая XVII веком) даёт понять, что отравительницей была Кёрбелджин, пленённая супруга правителя государства Си Ся. В первой редакции этой хроники говорится, что хан, разделив с нею ложе, заболел и вскоре умер. О какой болезни идёт речь? Здесь можно только делать предположения. Согласно второй версии,

красавица Кёрбелджин, «поместив себе во влагалище маленький шип, уколола им уд властелина, после чего убежала и бросилась в Хуанхэ». Но этот мотив «кусачего влагалища», часто встречающийся в фольклоре разных народов, в том числе сибирских, столь же мало достоверен. Несмотря на своих многочисленных наложниц, великий хан всегда сохранял привязанность к Бортэ.

Чингисхан был тесно связан со своим семейным кланом. Тем не менее, даже если не возвращаться к эпизоду убийства его сводного брата, следует напомнить, что у него были стычки, с Джучи-Хасаром, в котором он видел соперника, и что он без видимых на то оснований опасался и своего сына Чагатая. Но за этими редкими исключениями он полагался на свою родню всецело.

Своих первых безродных приятелей он сделал соучастниками, а позднее и боевыми соратниками. Джэлмэ, Мухали удостоились почестей и богатства. Чингисхан был верен преданным ему людям и делил с ними свою славу. Если ему противоречили даже из благих побуждений, он мог выказать недовольство, но ему случалось проявлять и снисхождение. Однако, столкнувшись с предательством, он был неумолим. Все эти черты создают образ упрямого и грубого деспота, следующего одной догме, которую он редко ставил под вопрос, — прав один только он. Но не следует видеть в нём некую монолитную фигуру. Несомненно, это человек сильный, властный, честолюбивый, ревниво отстаивающий свои интересы и свою правоту, но в то же время надёжный и способный на великодушие. Он мог простить серьёзнейшие упущения, а мог разгневаться по пустякам. Он проявлял снисхождение к Тогорику, престарелому вождю керэитов, который вёл с ним двойную игру. И он же был способен отдать приказ перебить вражеский гарнизон, вся вина которого состояла в том, что он выполнил свой воинский долг.

Став великим ханом, Чингисхан окружил себя советниками и слугами. Вместе с боевыми соратниками и наложницами они составляли его летучий двор. К нему то и дело являлись на приём писцы-уйгуры и кидани, многочисленные восточные купцы, паломники, китайские оружейники, художники или просто путешественники. Чингисхан, заинтересованный в открытии караванных путей, охотно общался с иноземцами, расспрашивал об их обычаях и верованиях, о странах, через которые они прошли. Много было сказано о веротерпимости Чингисхана и его преемников, которые благосклонно относились к проповедникам всех религий. Но эта веротерпимость, возможно, скорее выражала их религиозное безразличие. Представляется также, что Чингисхан умел добывать сведения о странах, в

которые намеревался вторгнуться. Накануне каждого очередного завоевания монголы широко использовали всякого рода тайных осведомителей, шпионов и вербовщиков.

Персидские и китайские художники изображали на своих миниатюрах и картинах Чингисхана в обстановке изысканной роскоши, но о том, как он одевался на самом деле, достоверных свидетельств очень мало. На его единственном считающемся подлинным портрете он изображён облачённым в простое одеяние. Возможно, он и носил халаты из драгоценной парчи, когда стал хозяином империи, протянувшейся от Тихого океана до Каспия, но наверняка сохранял при этом повадки искусного охотника, человека, привыкшего к физическим нагрузкам на открытом пространстве. В результате своих многочисленных набегов и походов Чингисхан стал обладателем огромной добычи, и есть свидетельства, что к тому времени, когда он достиг высшей власти, его шатры ломились от сокровищ, привезённых со всех концов света. Но он не был похож на человека, одержимого жаждой материальных благ. Он оставался кочевником, для которого единственным настоящим богатством было то, что можно было легко увезти с собой.

Политик

Так как знатное происхождение мало помогло Тэмучжину в его борьбе за место под солнцем, он вынужден был навёрстывать упущенное за долгие годы неудач и бедствий. Уже в юности он пришпоривал коня в погоне за конокрадами, угнавшими его жалкий табун, и бросал вызов судьбе, добиваясь своих целей. Не раз он умело выжидал, чтобы вовремя нанести удар.

В то время как его семья находилась в тяжёлом положении и её преследовала месть со стороны племени тайджиутов, он нашёл себе «приёмного отца» в лице вождя керэитов Тогорила. Подарок, который он преподнёс своему покровителю, позволил ему считать его своим *эчиге* (отцом). Польщённый Тогорил стал помогать своему молодому подопечному. Тэмучжин верно служил своему сюзерену, но получал и свою долю добычи. С течением лет Тогорил уступил будущему хану часть своей власти и богатств.

Позднее Чингисхан действовал заодно со своим другом и союзником Джамухой. Но, разойдясь с ним, увёл у своего бывшего побратима немало сторонников. В 1206 году наш честолбивый авантюрист добился

признания своей власти и был провозглашён ханом. Эта «легализация» подтвердила его новые полномочия, но в то же время поставила в положение узурпатора. Ведь его соперник Джамуха был провозглашён *гурханом*, то есть главным ханом.

Чингисхан сумел воспользоваться клановыми и семейными распрями найманов и победить их. Потом он выступил против меркитов, татар и тайджиутов и всех их разбил, после чего стал первым человеком в Восточной Монголии. И только когда его позиции стали достаточно прочными, он взялся за своих внутренних врагов — монгольскую знать, оспаривавшую законность его власти. Постепенно он устранил со своего пути чересчур честолюбивого Джамуху и принцев Тайджу и Сача-Беки. Где с помощью силы, где хитростью он умел вовремя пресекать все попытки лишить его власти.

В борьбе со степной знатью Чингисхан поначалу опирался на своих верных соратников Боорчу, Кичлика, Джэбэ и других, зачастую людей низкого происхождения. Некоторые из них, до того как стать его военачальниками, были простыми пастухами, но в сражениях показали себя бесстрашными бойцами. Чингисхан наверняка очень скоро понял, что честолюбие — лучший стимул для действия, что преданность примкнувших к нему простолюдинов будет подкрепляться их собственной выгодой.

В течение долгих двадцати лет он собирал под своими знамёнами монгольские племена. И только после того как был провозглашён ханом, приступил к организации управления своим огромным владением. В этом человеке ощущаются незаурядная властная воля, стремление подчинить себе всё вокруг, но наряду с этим — умение сплотить народ, как он сплотил свою армию. Чтобы управлять своей подвижной империей, своим улусом, он издал кодекс законов (ясак), которым определил формы организации монгольского общества и основные черты его национальной идентичности. Этот кодекс, основанный на обычном праве монгольских кочевников, регламентировал и отношения с завоёванными странами.

Ясак значит запрет, заповедь, правило, и основной смысл его может быть выражен одной формулой: «Запрещено неповиновение закону и хану». По крайней мере, в теории это уже не просто право сильного, поскольку варварству были поставлены определённые ограничения. Например, всякое правонарушение должно было подтверждаться свидетельствами, незначительные проступки карались штрафами, и существовала шкала наказаний. Ясак подтверждал важность таких добродетелей, как честность, гостеприимство, верность, уважение

родственных связей, трезвость. Принятый в 1206 году, этот кодекс способствовал установлению в монгольском обществе строгой дисциплины.

Эта дисциплина и порядок, характерные для Монголии начала XIII века, служили предметом удивления и восхищения для иноземных путешественников. Так, Плано Карпини с некоторой долей наивности отмечал: «Татары самый покорный своим вождям народ, они подчиняются им даже больше, чем наши клирики своим иерархам. Они бесконечно их почитают и никогда им не лгут. Между ними не бывает столкновений, противоречий или убийств. Отмечаются только малозначительные кражи. Если кому-нибудь из них случается потерять свою скотину, тот, кто её нашёл, не спешит присваивать её себе и даже часто возвращает её владельцу».

Нечто подобное писали многие путешественники, и даже мусульманин Абулгази: «Под властью Чингисхана вся страна от Ирана до Турана пользовалась таким спокойствием, что можно было пройти с востока на запад с золотой пластиной на голове, не опасаясь какого-либо нападения».

Таким образом, можно считать, что разработка и принятие при Чингисхане ясака ознаменовали начало периода стабильности у кочевников Центральной Азии. Строгое исполнение предписаний ясака принесло порядок и дисциплину в монгольское общество, до этого находившееся в состоянии глубокой анархии.

Кочевая волна

Чингисхан последовательно применял стратегию устрашения и террора. Недостаточно многочисленные, чтобы подавить множество очагов сопротивления, и не готовые вести изнурительную войну против партизанских выступлений, монголы часто применяли показательные массовые расправы над побеждёнными. Уничтожение гарнизонов и резня мирных жителей применялись ими для предотвращения возможного вооружённого сопротивления и ради сбережения собственных воинских контингентов. Разве эта стратегия превентивного террора так сильно отличается от той, что лежала в основе решения об атомной бомбардировке японских городов?

Всякая характеристика монгольского завоевания неизбежно сопряжена с двумя вопросами, на которые доныне нет исчерпывающего ответа. Почему произошло это внезапное нашествие на обширные пространства

Азии? Каким образом кочевники смогли овладеть огромными территориями и включить их в одну из самых больших в истории империй?

Между кочевниками и осёдлым населением обычно существует что-то вроде «ничьей земли», которую можно пройти за несколько дней, но кочевники редко на это решаются. Превратности жизни скотоводов, климатические изменения, ускоренный рост численности кочевых племён, конфликты между ними могут приводить к значительным их перемещениям на другие территории и земли с осёдлым населением. К кочевым народам часто бывает применима «теория домино» — когда одни из них гонят впереди себя другие, менее многочисленные, менее сильные или более мирные.

Вспомним, что вторжения кочевников начались ещё в III тысячелетии до н. э. Киммерийцы вторглись в Ассирию и Урарту, хетты из Анатолии распространились по Ближнему Востоку. В Центральной Азии происходили циклические выбросы кочевого населения в соседние земли: тохаров — в китайский Туркестан, сунну, а позднее гуннов — на пространство между Амударьёй и Каспием, эфталитов — в Индию. Прототюркские, прототунгусские и протомонгольские кочевники многократно подходили к крепостям Китая и других государств Востока. Античная Европа также перенесла удары кочевых волн: аваров, аланов, вестготов, вандалов, славян — в Германии; германцев — в Галлии; кельтов — в пределы Римской империи. Саксы, галлы, англ, викинги, сарацины одни за другими вторгались в Европу и Африку. Народы, прежде них перешедшие к осёдлому образу жизни, называли их «варварами» и считали только самих себя носителями цивилизации.

Таким образом, завоевания кочевников имеют долгую историю. Они шли из Центральной Азии на запад, а также в сторону Индии и Китая. К XIII столетию большая часть Китая, Индии, Ирана, Арабского Ближнего Востока и Европы в основном находилась в стадии развитой цивилизации, основанной на земледелии, ремёслах и торговле.

Но от Маньчжурии на востоке и до центра Европы (в Венгрии) протянулась длинная полоса земель, малопригодных для возделывания, — полоса степей. И на её пространствах жили, как и тысячу и две тысячи лет до того, многочисленные кочевники: тюрки, монголы и тунгусы. Внутри того, что принято называть Средневековьем, сохранялись зоны архаичного образа жизни. Между китайцами империи Цзинь и монголами Чингисхана, между иранцами империи хорезмшахов и киргизами существовал огромный разрыв в развитии. Житель Пекина за белокаменными стенами мог перемещаться между многочисленными рынками по сотням

заполненных повозками городских артерий. А в это время монгольский пастух ставил в степи юрту и пас своих овец.

У крестьян Китая и земледельцев Среднего Востока, конечно, жизнь была нелёгкой: архаичная агротехника, природные бедствия, поборы владельцев земли и государственные налоги и повинности. Но кочевников, обитателей бескрайних степей, влекли крупные города, опоясанные стенами. И в Пекине, и в Бухаре, и в Самарканде они с вождением заглядывались на сокровища, собранные в царских дворцах, резиденциях градоправителей, в магазинах и житницах. Даже в небольших городах их ожидала возможность захватить — словно самоцветы в ларце — зерно, фураж, ткани, драгоценности и женщин.

Чтобы объяснить причины монгольского нашествия, некоторые климатологи выдвинули гипотезу, согласно которой в эпоху Чингисхана в евразийских степях сократилось количество осадков, что привело к оскудению пастбищ. В этих условиях кочевники якобы прибегли к другим способам восполнения жизненных ресурсов: охоте, рыбной ловле и войне. Другие учёные, напротив, полагают, что в начале XIII века климат благоприятствовал степной растительности. Следствием этого был значительный прирост поголовья скота, который позволил монголам обеспечить своих всадников верховыми и вьючными лошадьми в количествах, достаточных для долгих завоевательных походов.

Согласно гипотезе русского историка Воробьёва, в эпоху Чингисхана торговые пути из Европы в Азию и обратно переживали упадок, отчего монгольские племена терпели ущерб, поскольку обычно они получали коммерческую выгоду от контроля над различными маршрутами Великого шёлкового пути. Выплаты китайцев монголам (в частности, в результате заключения между ними в 1147 году договора) показывают, что кочевники просили у Китая уже не как обычно ремесленные изделия, но и продукты земледелия и, что ещё более удивительно, крупный и мелкий рогатый скот. Это даёт повод предположить, что монголы испытывали серьёзные трудности с продовольствием и, следовательно, их нашествия были порождены хозяйственными нуждами. Словом, здесь можно говорить об империализме в его самом классическом понимании.

Не следует также забывать о многовековом антагонизме между кочевниками и осёдлым населением. Последнему всегда приходилось сдерживать «дикарей», оберегая от их набегов своё имущество и возделанные поля. Но помимо этой «битвы за пространство», возможно, у тех и других существовало неосознанное, но глубокое желание навязать противнику свой образ жизни. Монголы не только грабили и убивали

крестьян и горожан, но и насильно заставляли оставшихся в живых «быть такими, как они сами». Когда они захватывали город или страну, то разделяли семьи, рассеивали жителей, превращая их в свою прислугу, становились хозяевами ремесленников, музыкантов, актёров, которых использовали по своему усмотрению, тем самым дробя сложившиеся структуры оседлого общества. Политику депортаций и рассеивания осёдлых народов практиковали не только монголы, она сопровождала и другие кочевые нашествия. Но несомненно, что она приобрела более жестокие формы при Чингисхане и его преемниках.

Оседлые народы, когда они побеждали кочевников, также старались навязать им собственный образ жизни. Взятых в плен кочевников превращали в слуг, прикрепляли к земле или запирали в пространстве, ограниченном городскими стенами. Помимо непосредственного интереса осёдлых жителей такая практика дробления социальной кочевой структуры имела более глубокую мотивацию. Во все времена осёдлые народы испытывали стойкое отвращение к кочевникам. Прежде всего к отдельным их представителям или небольшим группам — бродячим торговцам, комедиантам, бездомным и бродягам всякого рода, а также к целым популяциям, живущим обособленно или слабо контролируемым властями. Таковыми были казаки южнорусских областей, которых царские власти пытались записать на службу в пограничных фортах; кочевники банжара в Индии, лишённые земельной собственности; европейские цыгане, презираемые и изгоняемые из городов; «вечные жида», которых запирали в гетто. Впрочем, этот антагонизм между осёдлыми и кочевниками сохраняется и в наши дни, чему есть множество примеров: североамериканские индейцы, запертые в резервациях; цыгане, оттесняемые в специально отведённые для них места; горные племена Юго-Восточной Азии, вынужденные жить в особых лагерях; принуждаемые к осёдлому образу жизни скотоводы Эфиопии.

Стойкая неприязнь между осёдлыми и кочевниками, равно как и крайняя жестокость нравов эпохи отчасти объясняют то истребление поверженных врагов, которое практиковали монгольские захватчики. Между тем лишь немногие из историков задавались вопросом о действительных масштабах массовых убийств, о которых сообщают арабские и персидские авторы. Современный историк Бертран Льюис (в книге «Ислам в истории») ставит под сомнение если не боевые потери, то по крайней мере апокалипсические опустошения, совершавшиеся монголами, обращая внимание на то, что страны Востока якобы довольно быстро оправились от разрушительных последствий кочевого вторжения и

что противостоявшие монголам силы располагали гораздо более мощными средствами умерщвления. Этим соображениям можно противопоставить тот факт, что если мировые военные конфликты затрагивали в основном индустриальную среду и относительно слабо — сельскую местность, то кочевые нашествия XIII столетия ударили по экономике, основанной на поливном земледелии, особенно самом хрупком и уязвимом — оазисном, восстановить которое было нелегко из-за отсутствия технических средств и необходимых продовольственных запасов. К этому добавим, что, согласно переписям, проведённым китайскими властями в XIII веке, и оценкам современных демографов, после того как монголы пересекли ворота Великой стены, императорский Китай претерпел значительное сокращение населения.

Специалист по истории Центральной Азии Оуэн Латимор выдвигает свою гипотезу причин монгольских завоеваний. Согласно ей, Чингисхан, признанный верховным правителем различных монгольских этносов, отказался закрепиться в Северном Китае. Если бы он прочно там обосновался, то в Центральной Азии возникла бы обстановка безвластия и освободившиеся от контроля хана племена не преминули бы отложиться от него, как только он воцарился бы в Пекине. Стратегия хана, по мнению исследователя, заключалась в следующем: создать в монгольских степях достаточно мощное объединение племён, устранить китайскую угрозу с помощью превентивных походов против государств Си Ся и Цзинь и, наконец, вернуться в Центральную Азию, чтобы подчинить ещё сохранявшие самостоятельность племена. Это позволило бы ему не допустить появления у него за спиной противника накануне похода для окончательного завоевания всего Китая, на что ему не хватило времени.

Наконец, для объяснения причин монгольского нашествия можно предложить ещё одну гипотезу. Чингисхану потребовалось 20 лет на то, чтобы подчинить своей власти степные племена. Он оказался во главе хорошо обученного и полностью управляемого конного воинства. Единство монгольских народов было ещё совсем недолгим и слишком хрупким, чтобы хан мог себе позволить оставить своих военачальников без дела. Точно так же любое набирающее силу коммерческое предприятие должно расширяться, если оно намерено сохранить свои прибыли и рынки. «Ударная сила» Чингисхана была практически обречена на новые сражения. Объединяя кочевые племена, хан противостоял хаосу и разделению. Чтобы не пятиться назад, ему необходимо было перенести хаос вовне. Монгольская военная машина в том виде, в каком её выковал Чингисхан, под угрозой распада, племенной фрагментации не могла не

начать завоеваний, которые были единственным выходом из внутренних распрей.

Имперский замысел Чингисхана, возможно, поначалу не был ясен ему самому, но в его руках было оружие, с помощью которого он мог его осуществить, и он сумел им вовремя воспользоваться. Если нам известны географические границы завоеваний Чингисхана, то мы мало знаем о пределах его власти. Вряд ли можно утверждать, что кочевые племена Монголии составляли единую нацию, населявшую обширную территорию этой азиатской страны. Скорее, можно говорить о некоем объединении племён, нежели о централизованном государстве. Ко времени завоеваний Чингисхана монгольская нация находилась ещё в стадии становления. Монгольские этносы, выступавшие под началом одного хана против населения других стран, едва ли осознавали свою принадлежность к единой «нации». Монгольская идентичность, латентно существовавшая со времён Хабул-хана, несомненно, проявилась с окончанием межклановых распрей и в ходе борьбы с иноземными народами. Монгольский «национализм» очень скоро принял характер «этнического шовинизма». Это подтвердилось, когда Китай оказался под властью монгольской династии Юань. Монгольский империализм, нарождавшийся при Чингисхане, вполне сформировался, только когда Чингизиды перешли на осёдлый образ жизни. «Верхом на лошади завоёвывают империю, но не управляют ею», — гласит китайская пословица.

Ко времени смерти Чингисхана было ещё невозможно определить значение монгольского завоевания для стран Дальнего и Среднего Востока. Монгольская династия, воцарившаяся в Пекине, просуществовала 90 лет (1279–1368). В Центральной Азии Чингизиды вскоре замыслили другие завоевания как на востоке, так и на западе. Пользуясь инерцией динамики, генерированной Чингисханом, монгольская армия сначала двинулась на непокорённые районы Китая, а в 1236 году — на европейские княжества и королевства. В годы правления Угэдэя, сына Чингисхана, монгольские армии торжествовали победу над всеми европейскими противниками. Рязань, Москва, Суздаль, Ярославль и Тверь пали под ударами монголов. Южная Русь, Подолия, Волынь, Силезия, Галиция были захвачены и разграблены. 9 апреля 1241 года объединённые польско-немецкие ополчения потерпели жестокое поражение под Лигницем, а в июле того же года монгольские авангарды подошли к воротам Вены. В 1242 году монголы прошли по Трансильвании и Венгрии, и их конница достигла берегов Адриатики. Кочевая волна Чингизидов на этом не остановилась. Весь Китай был покорён в 1279 году и оставался в оккупации до 1368 года.

На Среднем Востоке Тимур (1336—1405) создал обширную империю. Дольше всего монгольская волна просуществовала на Руси. Только в XVI веке в царствование Ивана Грозного славяне окончательно избавились от этого ига. Стоит также вспомнить, что признаки монгольского ханства сохранялись в Южной России вплоть до конца XVIII века.

Начиная с эпохи Чингисхана «монгольский мир» позволил заново открыть караванные пути, что привело к заметному увеличению торговых связей между Дальним Востоком и Западом. Предметы роскоши, оружие и животные перемещались по дорогам Центральной Азии. Благодаря веротерпимости монголов первые европейские миссионеры сопровождали итальянских купцов, отправлявшихся закупать шёлк, а торговцы Среднего Востока поставляли ткани и драгоценности. Помимо Вильгельма де Рубрука, Плано Карпини, Марко Поло, историка Рашид ад-Дина, назовём также доминиканского монаха Юлиана Венгерского и итальянского купца Поглотта. В 1254 году Рубрук даже встретил в Каракоруме, тогдашней монгольской столице, парижского ювелира Гийома Буше, который изготавливал для хана Мункэ, внука Чингисхана, фонтан, бьющий кумысом.

Культ Чингисхана

Этот человек довольно скоро стал легендой. Ему отводят место то в пантеоне великих героев, то в преисподней. То он представляется гениальным стратегом и восточным деспотом, одержимым жаждой власти и крови, то суровым, но справедливым правителем, который смог завоевать место под солнцем для своего народа, едва вышедшего из тёмного варварства, или же властителем, умевшим обращаться с саблей столь же непринуждённо, сколь и с веером.

Для европейцев, особенно для русских, которые терпели *татарщину* в продолжение почти трёх веков, монгольский хан — воплощение духа зла. Если фигуры Александра Македонского и Наполеона окружены ореолом славы, то Чингисхан остаётся варваром, на котором несмываемым пятном лежит пролитая им людская кровь. Коллективная память народов сохранила именно такой его образ, и даже авторы романов о монгольском завоевателе, как правило, к нему строги. Так, Брэм Стокер в своём знаменитом фантастическом романе сделал кровожадного вампира графа Дракулу прямым потомком Чингисхана.

История Чингисхана глубоко затронула Монголию и в течение восьми

веков после его смерти находит отклик в сердцах потомков подданных великого хана. Погребён он был со всеми почестями, достойными его положения, и сразу же стал почитаться чем-то вроде полубога, покровителя монгольских народов. В XIII веке монгольскому клану даркат было поручено охранять место захоронения Чингисхана под названием «Восемь Белых Шатров» в Эджен-Хоро в Китае, где был установлен кенотаф.

В этом священном месте четыре раза в год проводилась торжественная церемония в память о Чингисхане. Согласно некоторым источникам, гроб с его прахом якобы хранился в большом шатре. Реликвии, связанные с покойным, и среди них платье Кёрбелджин, женщины, якобы убившей Чингисхана, были распределены по восьми выбранным местам, но они пропали примерно полтора столетия тому назад во время восстания мусульман в провинциях Ганьсу и Шэньси (1856–1873) против маньчжурской династии, правившей тогда в Китае.

В 1939 году националистическое правительство Чан Кайши, опасаясь, что японские войска, оккупировавшие часть территории Китая, захватят и этот регион, спрятало некоторые из реликвий (включая парадные шатры) в подземные хранилища. Японцы с целью настроить монголов против китайцев обещали им воздвигнуть в Ванчжэмяо храм в честь Чингисхана. Этот проект не осуществился из-за поражения японцев в 1945 году. Вскоре после захвата в 1949 году власти коммунистами Мао Цзэдуна новое революционное правительство построило в Эджен-Хоро «дворец Чингисхана», в котором хранятся знаменитые шатры. Позднее с благословения коммунистической партии, старавшейся сыграть на национальных чувствах монгольского меньшинства, проживающего на китайской территории, церемонии в память о великом хане возобновились. В 1962 году 800-летие со дня рождения степного героя вполне официально отмечалось как в Монгольской Народной Республике, так и во Внутренней Монголии (автономном районе КНР).

Идеологические расхождения между Китаем и Советским Союзом положили конец этому многовековому культу. Во времена Хрущёва Москва без обиняков заявила, что поклонение Чингисхану имеет «националистический», следовательно, антимарксистский характер. Речь шла об официальном почитании монарха-завоевателя. Монгольская столица Улан-Батор, стараясь сохранить тесные отношения с Москвой, поспешила присоединиться к доводам Кремля. В 1965 году Великая пролетарская культурная революция в Китае также ополчилась против культа Чингисхана, и его мавзолей был превращён в ангар.

В конце 1980-х годов китайские власти реабилитировали Чингисхана.

Дворец великого хана был перестроен: его ступени ведут к трём сверкающим куполам, которые символизируют три больших войлочных шатра, а внутри фреска, выполненная в стиле, соединяющем элементы традиционного восточного искусства и социалистического реализма, иллюстрирует основные вехи эпопеи монгольского национального героя. Различные реликвии продолжают оставаться предметом почитания. Это седло, якобы принадлежавшее Чингисхану, конская сбруя, лук и другие экспонаты. Этот кенотаф, считающийся символом китайско-монгольской дружбы, относится к числу достопримечательностей постмаоистского Китая. Теперь уже не повторяют прежние характеристики Чингисхана как «грабителя», который «причинил народу неисчислимые беды». Комиссия по делам нацменьшинств теперь считает, что он относится к тем многим национальным героям, которые творили историю страны. Будь они тибетцы, монголы или ханьцы (собственно китайцы) — всех их помещают в один большой плавильный котёл, в котором народный Китай выплавил социализм. И Чингисхан вновь становится предметом народного почитания, например во время брачных церемоний склоняются перед его портретом или портретом его сына Угэдэя.

2 июля 1994 года в возрасте девяноста трёх лет скончался от рака некий Очир Укият. Он был известным мастером традиционных ремёсел и заместителем председателя Провинциального собрания Внутренней Монголии и потому имел право на официальные похороны. Поскольку его считали последним прямым потомком Чингисхана в тридцать втором поколении, он был похоронен вблизи мест, посвящённых его знаменитому пращуру.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧИНГИСХАНА

Между 1155 и 1162 — рождение Тэмучжина.

Около 1170 — смерть Есугея. Распад объединения монголов.

Около 1175 — начало борьбы Тэмучжина за наследство отца.

1175–1206 — непрерывные войны Тэмучжина за объединение всех кочевых племён монгольской степи под своей властью.

1177 — союз с Джамухой.

1185 — поход против керэитов.

1186 — избрание Тэмучжина ханом.

1194 — победа над татарами.

1205 — смерть Джамухи. На собрании вождей племен Тэмучжин провозглашён великим ханом под новым именем — Чингисхан («Истинный властитель»). Тибет в вассальной зависимости от Тэмучжина. Попытки заключить мир между империями Сун и Цзинь.

1209 — поход на Миньяг, начало похода в Китай.

1215 — захват Пекина.

1218 — принятие ясака. Оккупация государства каракитаев. Завоевание Хорезма.

1220 — взятие Цзинаня. Союз монголов с империей Сун против Цзинь. Падение Самарканда и Бухары. Захват Мерва.

1222 — встреча Тэмучжина с Шань Шуном.

1223, 31 мая — победа монголов над русскими дружинами в битве на реке Калке. Возвращение Чингисхана в Монголию.

1224 — сражения в Волжской Булгарии и возвращение отрядов Джучи и Субэдэя в Среднюю Азию.

1227 — падение государства тангутов. Возвращение в Монголию, смерть Чингисхана в пути. Раздел империи между его наследниками.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Чингисхан, основатель и первый великий хан Монгольской империи.

Китайский портрет. XIII в.

Есугей — отец Чингисхана

Оэлун — мать Чингисхана

Река Онон — одно из предполагаемых мест, где родился и вырос Чингисхан

Рождение Чингисхана

Хасар — брат Чингисхана

Внутреннее убранство монгольской юрты

Бортэ — первая жена Чингисхана

Чингисхан и его сыновья: Джучи, Угэдэй, Чагатай

Тулуй — младший сын Чингисхана

Монгольский воин. XIII в.

Чингисхан. Китайский портрет. XIII в.

Отважный воин Мухали

Друг детства и товарищ по оружию Боорчу

Верный соратник Субэдэй

Самый отважный военачальник Джэлмэ

Монгольский всадник, седлающий коня

Монгольские конные лучники.

Иллюстрация из «Собрания летописей» Рашид ад-Дина. 1303 г.

Выезд монгольского хана.

Персидская миниатюра. 1315 г.

Джамуха — друг детства, побратим и главный противник Чингисхана

Хулан, сёстры Есуй и Есуген — жёны Чингисхана

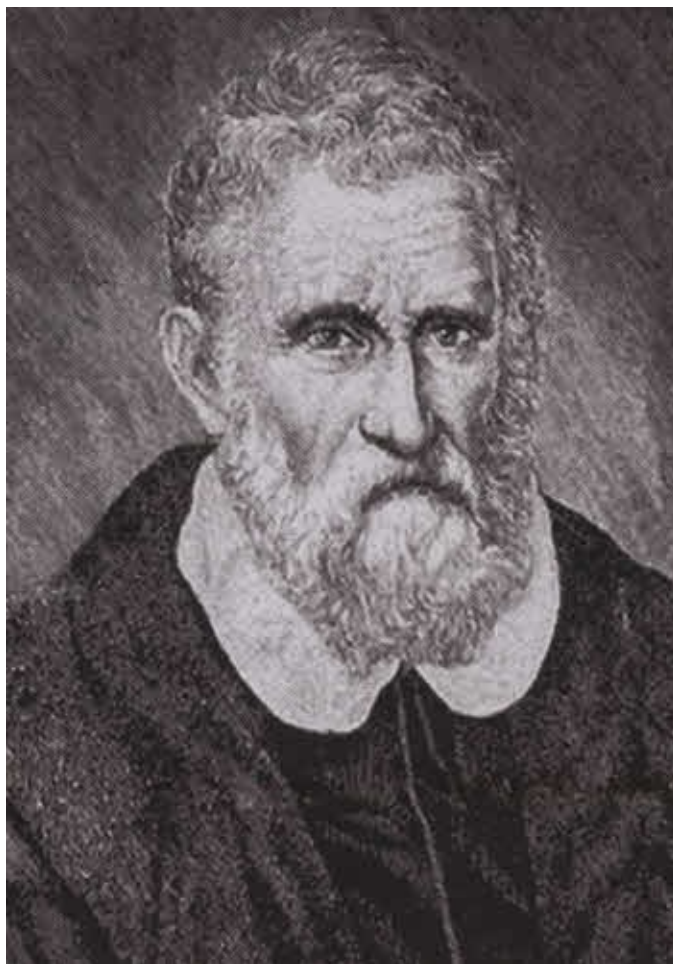

Угэдэй, второй великий хан, главный строитель Каракорума.

Китайский рисунок. XIII в.

Плано Карпини, первый европеец, посетивший Монгольскую империю

Венецианский купец и путешественник Марко Поло.

Фантазия неизвестного художника XVI в.

Монгольская империя к 1227 году

Хубилай-хан, внук Чингисхана (сын Толуя)

Конная статуя Чингисхана в Монголии

Хоанг М.

X68 Чингисхан /Мишель Хоанг; пер. с фр., вступ. ст., прим. В. Н. Зайцева. — М.: Молодая гвардия, 2016. — 276[12] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1592).

ISBN 978-5-235-03895-0

УДК 94(47:517)(092) "11/12"
ББК 63.3(2)42-681

Хоанг Мишель
ЧИНГИСХАН

Редактор *Е. В. Смирнова*
Художественный редактор *К. В. Забусик*
Технический редактор *В. В. Пилкова*
Корректор *Г. В. Платова*

Сдано в набор 21.01.2016. Подписано в печать 19.04.2016.
Формат 84*108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Уел. печ. л. 15,12+0,84 вкл. Тираж 5000 экз.
Заказ № 1607170.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Сущёвская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета в ООО
«Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль,
ул. Свободы, 97

СЕРИЯ

«ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

А. С. Королев

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Имя могучего былинного богатыря Ильи Муромца — защитника земли Русской — знакомо каждому из нас с детства. Но что стоит за этим именем? Реальный ли это человек или лишь некий собирательный образ? И если верно последнее, то имелся ли у этого вымышленного персонажа какой-либо исторический прототип? Или, может быть, сразу несколько прототипов? Автор книги дает свои ответы на эти и многие другие вопросы, тщательно и скрупулезно прослеживает развитие и становление легендарного образа главного богатыря русского эпоса, досконально разбирает все основные версии, высказывавшиеся на сей счет в исторической науке. И в результате фигура Ильи Муромца, казалось бы, столь знакомая и привычная нам, обретает совершенно новые, неожиданные для нас черты.

М. Чертанов

СТЕПАН РАЗИН

Степан Разин — одна из самых таинственных личностей в российской истории; достоверно о нем известно очень мало, ни строчки, им написанной, не сохранилось, хотя он предположительно был грамотен и знал восемь языков; он весь, от рождения до смерти, — сплошной миф и загадка. Кто он по национальности? Бросал ли он персидскую княжну в Волгу, а князя Прозоровского — с колокольни? Кем он был — лихим пиратом, жалостливым защитником угнетенных или амбициозным политиком? Для чего затеял все то, что принесло ему славу и закончилось так ужасно? Автор предлагает читателю вместе заняться увлекательнейшей детективной работой — опираясь на документы, распутывать клубки

мифов, старинных и современных, и пытаться понять загадочного человека, который жил так задолго до нас.

В. Л. Полушин

НАТАЛИЯ ГОНЧАРОВА

Наталия Гончарова, внучатая племянница знаменитой Натальи Гончаровой, жены А. С. Пушкина, пережила и оглушительную славу, и забвение и вновь воскресла, пройдя испытание временем. Сегодня она — известнейший художник, её работы находятся в самых прославленных музеях мира и наиболее престижных картинных галереях. Вместе с Михаилом Ларионовым в начале прошлого века она была законодателем новых направлений и школ русского авангарда. В советской России в условиях тоталитарного режима и установления соцреализма в искусстве у художницы просто не было бы шансов выжить. Её спасло то, что Дягилев в 1915 году пригласил их с Ларионовым в Париж для участия в оформлении балетных постановок «Русских сезонов». Книга известного писателя Владимира Леонидовича Подушина — первое полное биографическое исследование жизни и творчества замечательной русской художницы, основанное на многолетних поисках и изучении не только российских материалов, но и многочисленных зарубежных источников, а также тщательной проработке обширного парижского архива художников.

А. К. Якимевич

ВЕЛАСКЕС

Живописец Диего Веласкес (1599–1660) принадлежит к лучшим мастерам кисти в истории европейского искусства. В качестве портретиста испанского короля Веласкес был наблюдателем и аналитиком власти в драматическую эпоху Религиозных войн в Европе. Изысканная живопись, с одной стороны, тонкое понимание исторической траектории своей страны — с другой; случай редкий и особый. Биография художника и придворного сопровождается широкой панорамой политических, военных, социальных реалий эпохи. Литературная и театральная жизнь Испании также имеет прямое отношение к творчеству мастера.

Е. В. Глаголева

ДЮК ДЕ РИШЕЛЬЁ

Арман Эммануэль дю Плесси, 5-й герцог де Ришельё (1766–1822), получил в России имя Эммануил Осипович и был запечатлен в бронзе как Дюк. Прапраправнучатый племянник знаменитого кардинала и внук

маршала вынужден был покинуть родину во время революционных потрясений, добровольцем участвовал в кровопролитном штурме турецкой крепости Измаил, 24 года верно служил «приемному отечеству» — России, на посту генерал-губернатора боролся с косностью, невежеством и мздоимством, чтобы на месте захудалого поселка вырос цветущий город Одесса. Возвратившись в разоренную Францию, он в качестве главы правительства вел изматывающие кабинетные сражения за независимость и благосостояние страны, но не превратился в царедворца и остался «чужим среди своих». Его безграничная способность любить была вынуждена ютиться на краешке мечты о личном счастье. Российский император Александр I назвал Дюка единственным другом, говорившим ему истину, а английский герцог Веллингтон считал, что «слово Ришельё стоит трактата». Он с честью носил родовое имя и занял достойное место в истории Франции, России и Украины.

А. Шартон ДЕБЮССИ

Непокорный вольнодумец, презревший легкий путь к успеху, Клод Дебюсси на протяжении всей жизни (1862–1918) подвергался самой жесткой критике. Композитор постоянно искал новые гармонии и ритмы, стремился посредством музыки выразить ощущения и образы. Большой почитатель импрессионистов, он черпал вдохновение в искусстве и литературе, кроме того, его не оставляла равнодушным восточная и испанская музыка. В своих произведениях он сумел освободиться от романтической традиции и влияния музыкального наследия Вагнера, произвел революционный переворот во французской музыке и занял особое место среди французских композиторов.

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

МАЛАЯ СЕРИЯ

Уже изданы и готовятся к печати:

Б. Мейер-Стабли «ОДРИ ХЕПБЁРН»

И. Фаликов «БОРИС РЫЖИЙ»

М. Лебуше «БАХ»

Г. Субботина «МАРСЕЛЬ ПРУСТ»

И. Левина, Д. Володихин «ПЕТР И ФЕВРОНИЯ»

В. Емельянов «ГИЛЬГАМЕШ»

М. Бондаренко «МЕЦЕНАТ»

В. Десятерик «ИВАН СЫТИН»

Н. Карташов «КРАМСКОЙ»

М. Кушников «ОЛЬГА ЧЕХОВА»

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

О. Ковалик «ГАЛИНА УЛАНОВА»

А. Ливергант «ГЕНРИ МИЛЛЕР»

А. Королев «ИЛЬЯ МУРОМЕЦ»

Е. Матонин «ЯКОВ БЛЮМКИН»

В. Шубинский «АЗЕФ»

А. Якимович «ВЕЛАСКЕС»

З. Прилепин «НЕПОХОЖИЕ ПОЭТЫ»

Д. Олейников «АВРААМ ЛИНКОЛЬН»

Н. Долгополов «ЛЕГЕНДАРНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ»

В. Полушин

НАТАЛИЯ ГОНЧАРОВА»

Е. Глаголева «ДЮК ДЕ РИШЕЛЬЁ»

М. Чертанов «СТЕПАН РАЗИН»

notes

Примечания

Цит. по: *Стомма Л.* Переоценённые события истории. М.: АСТ, 2011.
С. 79.

Сергей Андреевич Козин (1879–1956) — советский монголовед, академик АН СССР (с 1943 года).

Пётр Кузьмич Козлов (1863–1935) — русский исследователь Монголии, Тибета и Синьцзяна. Ученик, последователь и один из первых биографов Н. М. Пржевальского. Действительный член АН УССР (1928), почётный член Русского географического общества.

Сергей Владимирович Киселёв (1905–1962) — советский историк и археолог, член-корреспондент АН СССР (с 1953 года), лауреат Сталинской премии (1950).

Космократоры (*гр.*) — «строители Вселенной», «архитекторы мира».

Монгольский мир (лат.) — термин, принятый в европейской историографии для обозначения влияния монгольского завоевания на социальные, культурные и экономические стороны жизни народов Евразии, завоёванных Монгольской империей в XIII и XIV веках.

Эфталиты — племенное объединение раннего Средневековья (IV–VI века), создавшее обширное государство, в которое входили Согдиана и Бактрия (Средняя Азия), Афганистан и Гандхара (Северная Индия).

«Deus ex machina» (*лат.*) — «бог из машины» — в современной литературе выражение употребляется для указания на неожиданное разрешение трудной ситуации, которое не вытекает из естественного хода событий, а является чем-то искусственным, вызванным вмешательством извне. Словом *mechane* в древнегреческом театре назывался кран, позволявший поднимать актёра над сценой; в античном театре выражение обозначало бога, появляющегося в развязке спектакля при помощи специальных механизмов и решающего проблемы героев.

Василий Владимирович Бартольд (1869–1930) — российский востоковед, тюрколог, арабист, исламовед, историк, архивист, филолог, академик Санкт-Петербургской академии наук (1913), член Императорского Православного Палестинского общества. Один из авторов Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона и первого издания «Энциклопедии ислама».

Синие монголы (кёке монгол) — так назывались вожди монгольских кланов, а позднее чингизиды. Синий цвет символизирует здесь божественное Синее небо, посланцами которого на земле они себя считают.

Закон суров — от латинского выражения *Dura lex sed lex* (Закон суров, но это закон).

Сампан (*кит.* саньбань) — в Юго-Восточной Азии деревянное плоскодонное одномачтовое судно, передвигающееся с помощью вёсел и паруса.

Джонка (*малаиск.* Djong, искажённое *кит.* Чуань — судно) — грузовое деревянное двух-четырёхмачтовое судно с приподнятыми широким носом и кормой. Паруса четырёхугольной формы, грузоподъёмность до 600 тонн. Распространено в странах Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока.

Имеются в виду порты острова Мадагаскар.

Одна из двадцати четырёх официально признанных историй Китая, повествующая о Юаньской династии.

Выражение восходит к тезису военного теоретика генерала Карла фон Клаузевица (1780–1831): «Война есть продолжение политики другими средствами».

К сожалению, в 2001 году, вопреки протестам мировой общественности и других исламских стран, статуи были разрушены талибами, считавшими, что они являются языческими идолами и подлежат уничтожению.

Потерна (фр. *poterne*) — подземный коридор (галерея) для сообщения между фортификационными сооружениями. Мерлон — (от фр. *merlon* — простенок), то же, что и зубец, — одинаковые выступы с равными просветами (бойницами), завершающие крепостную стену в верхней части.

Тогда наслал на нас Бог народ беспощадный, народ лютой, что не щадит ни красоты юности, ни немощи старцев, ни малых детей... Излился на нас Господний гнев, как дождь с неба...

Географическая и историческая область Центральной Азии в Северном Синьцзяне на северо-западе Китая.